

П. ГОЛОВАЧЕВЪ

РОССІЯ на Дальнемъ Востокѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1904

Изданія Е. Д. Кусковой:

Имѣются въ продажѣ:

1) **С. Н. Прокоповичъ.** Кооперативное движеніе въ Россіи. Цѣна 1 руб. 50 к
2) **Генрихъ Риккертъ.** Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Переводъ с нѣмецкаго М. Фитермана. Цѣна 25 коп.
3) **Генрихъ Риккертъ.** Границы естественно-научнаго образованія понятій Логическое введеніе въ историческія науки. Переводъ съ нѣмецка А. Водена. Цѣна 3 руб.
4) **А. Веберъ.** Ростъ городовъ въ 19 столѣтіи. Переводъ съ англійска А. Котельникова. Цѣна 2 р. 50 коп.
5) **Филиппъ Лангманъ.** Драмы и новеллы. Изъ жизни рабочихъ. Пер водъ съ нѣмецкаго М. Толмачевой. Цѣна 1 руб. 35 коп.
6) **І. Шмеле.** Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Ге маніи со времени изданія закона противъ соціалистовъ. Перево съ нѣмецкаго И. Давидсона подъ ред. С. Н. Прокоповича. Цѣ 1 руб. 75 коп.

С. [illegible] на 2 руб.

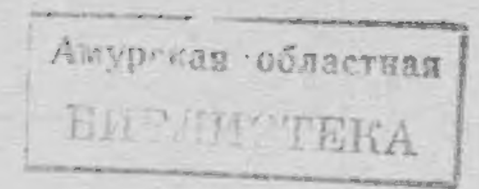
С [illegible] Невскій 5
2) Н. [illegible] ная Польза
Б. П [illegible] дъ» Тверск
улица [illegible]

П. ГОЛОВАЧЕВЪ

Россія на Дальнемъ Востокѣ

ИЗДАНІЕ Е. Д. КУСКОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1904

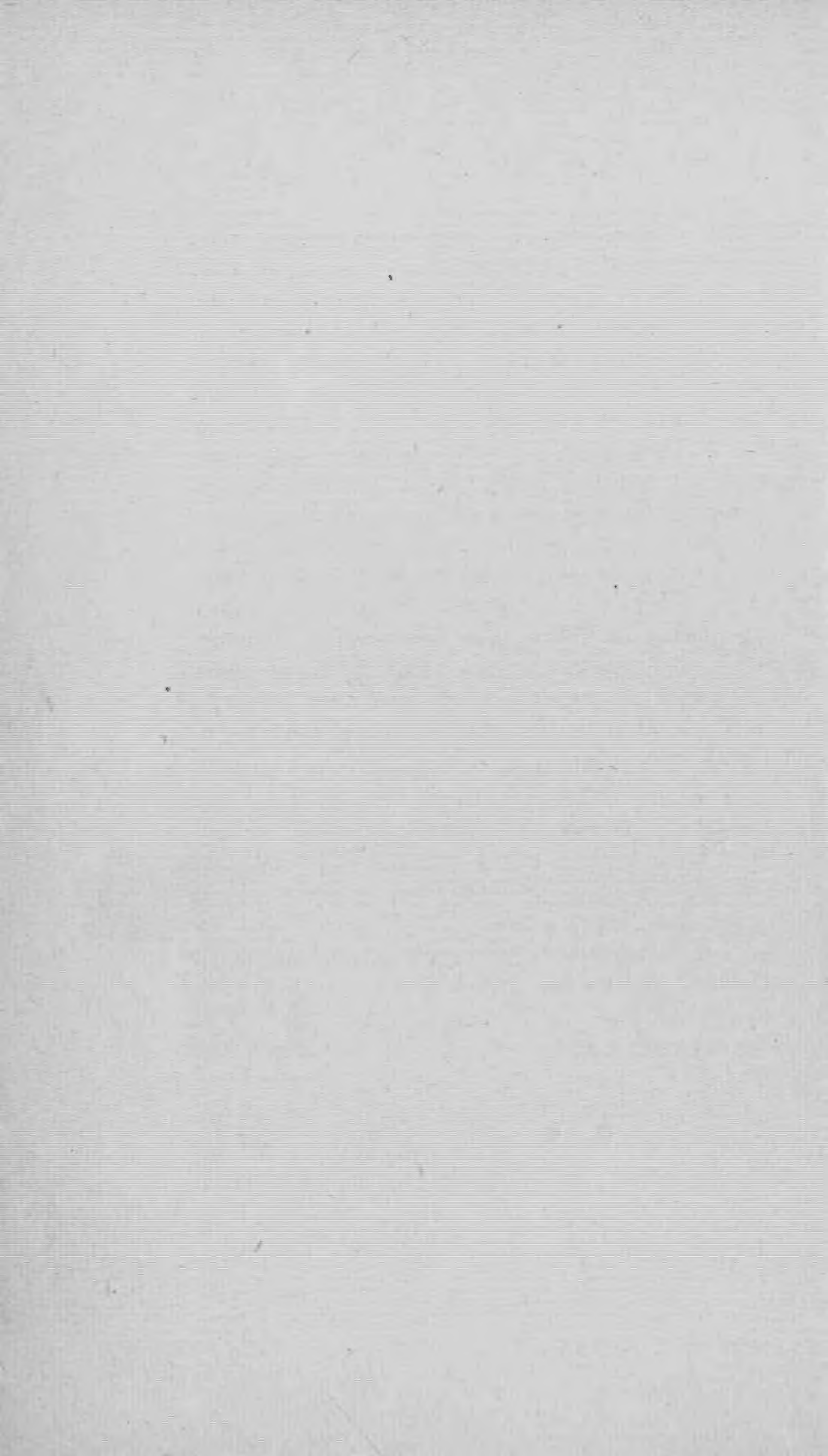

Тип. **Исидора Гольдберга** Екатерининскій каналъ, 94.

Кровавыя событія, развертывающіяся въ настоящее время въ отдаленной Маньчжуріи, являются естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того стремленія Россіи на азіатскій востокъ, первымъ фазисомъ котораго было занятіе Приамурья въ 1858 г. По окончаніи японско-китайской войны, Японія, на основаніи симоносекскаго договора 5 апрѣля 1895 г., получила въ „вѣчное владѣніе" весь Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ, но, подъ давленіемъ Франціи, Германіи и Россіи, уже 5 мая того же года, она отказалась отъ Ляодуна. Въ слѣдующемъ 1896 году начался второй фазисъ интересующаго насъ вопроса—фактическое занятіе Россіей Маньчжуріи: отъ Китая ею было получено разрѣшеніе провести по маньчжурской территоріи желѣзную дорогу съ тѣмъ, чтобы она черезъ 80 лѣтъ перешла въ полную собственность Китая. Портъ-Артуръ, какъ исходный пунктъ этой дороги, былъ тогда же намѣченъ, и 15 марта 1897 г. между Россіей и Китаемъ состоялось соглашеніе, по которому Россіи были уступлены въ пользованіе на 25 лѣтъ (что̀ могло быть продолжено по обоюдному согласію) порты Артуръ и Таліенванъ съ соотвѣтствующими территоріями

и воднымъ пространствомъ, а равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви для соединенія этихъ портовъ съ сибирской магистралью. Эта уступка Россіи Квантунскаго полуострова должна разсматриваться, какъ вознагражденіе ей за то вмѣшательство въ пользу Китая, которое облегчило для него тяжесть неудачной войны съ Японіей, въ ущербъ интересамъ послѣдней. Вскорѣ обнаружилось также угрожающее для Японіи усиленіе русскаго вліянія въ Кореѣ, что могло бы окончиться провозглашеніемъ протектората Россіи надъ этой страной и даже постепеннымъ ея занятіемъ, начало котораго Японія усмотрѣла въ полученіи Россіей лѣсной концессіи на р. Ялу. Побуждаемая всѣмъ этимъ, Японія съ 1897 г. приступила не только къ усиленію и реорганизаціи своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, но дипломатическимъ путемъ достигла и единомыслія съ Англіей и Соединенными Штатами во взглядахъ на политику Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Съ другой стороны, Россія, затративъ огромныя суммы на сооруженіе Восточной Китайской желѣзной дороги и убѣдившись въ 1900 г., что Китай не можетъ гарантировать безопасность дороги, сдѣлала еще нѣсколько шаговъ къ дальнѣйшей фактической оккупаціи Маньчжуріи—все болѣе и болѣе увеличивала контингентъ войскъ для охраны дороги. Но въ то же время, подъ вліяніемъ энергическихъ представленій Японіи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, Россія неоднократно подтверждала свое обѣщаніе эвакуировать Маньчжурію и, наконецъ, назначила окончательный срокъ—8 октября 1903 г. Черезъ 4 мѣсяца

частыхъ и оживленныхъ дипломатическихъ сношеній Японіи съ Россіей по этому поводу, не приведшихъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, вспыхнула война, какъ ultima ratio иначе неразрѣшимаго конфликта. Съ 27 января 1904 г. начался третій, быть можетъ, послѣдній и окончательный фазисъ въ движеніи Россіи на азіатскій востокъ. Этотъ фазисъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе краткій изъ всѣхъ, будетъ стоить русскому народному организму огромнаго, вѣроятно, необычайнаго напряженія, и потому представляется вполнѣ своевременнымъ и весьма важнымъ разсмотрѣть теоретическія обоснованія, которыми объясняютъ стремленіе Россіи на столь мало извѣстный Дальній Востокъ, и познакомиться съ тѣми практическими результатами въ народно-хозяйственномъ смыслѣ, которые достигнуты въ этомъ долговременномъ и упорномъ стремленіи.

I.

Предполагаемая культурно-политическая роль Россіи на Дальнемъ Востокѣ.—Русская копія или европейскій оригиналъ?—Политическія и экономическія соображенія о значеніи Дальняго Востока для Россіи.—„Интересы будущихъ поколѣній". —Условія, необходимыя для нормальнаго роста государственной территоріи.—Примѣры естественнаго и анормальнаго (механическаго) расширенія территоріи государства.—Значеніе культурныхъ условій и политическихъ формъ въ этихъ случаяхъ.— Отсутствіе аналогіи между прежнимъ историческимъ расширеніемъ территоріи Россіи и оккупаціей Маньчжуріи.—Стремленіе къ морю въ жизни государствъ.—Естественныя границы. Экстенсивный характеръ земледѣльческаго хозяйства въ Россіи и ея территоріальный ростъ. —Дѣйствительное значеніе понятія „малоземелье" въ Россіи. Необходимость огромныхъ денежныхъ затратъ для упорядоченія переселенческаго дѣла и на прежней территоріи Россіи.—Значеніе правовыхъ вопросовъ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. —Раціональные и дешевые пути и средства для подъема внутренней жизни Россіи по заключеніямъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Значеніе народнаго невѣжества въ оскудѣніи центральной Россіи.—Окраинная политика въ освѣщеніи комитетовъ.—Возрастающее недопотребленіе хлѣба въ Россіи и перепроизводство произведеній фабричной промышленности при нуждѣ въ нихъ среди населенія.—Культурно-соціальныя условія современной Россіи и ея экономическая политика въ связи съ вопросомъ о пріобрѣтеніи новыхъ территорій.

Теоретическія обоснованія для стремленія Россіи на Дальній Востокъ можно свести къ двумъ группамъ. Сравнительно немногочисленные представители одной группы полагаютъ, что Россія на-

ходится въ духовномъ родствѣ съ Востокомъ, связана съ нимъ общностью традицій, и потому ея провиденціальная задача состоитъ въ томъ, чтобъ оживить этотъ спящій Востокъ, быть посредницей въ его сближеніи съ Западомъ, внести туда европейскую культуру и просвѣщеніе. Этотъ взглядъ является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ славянофиловъ и панславистовъ.

Когда окончательно выяснилось, что многочисленныя культурно-историческія, географическія и политическія причины дѣлаютъ безнадежнымъ осуществленіе панславистскихъ идеаловъ, тогда вниманіе людей съ мистической складкой въ области политическихъ и соціальныхъ вопросовъ обратилось съ европейскаго Востока на азіатскій, до сихъ поръ еще недостаточно хорошо понятый и довольно мало извѣстный. Мнѣніе Рюккерта о полной противоположности между Европой и Россіей, какъ двумя различными мірами, мнѣніе, съ которымъ Данилевскій познакомилъ русскую публику въ своей извѣстной книгѣ „Россія и Европа“,—было усвоено нѣкоторыми русскими публицистами и государственными людьми и не осталось безъ вліянія на формировку ихъ взглядовъ на отношенія Россіи къ Дальнему Востоку. Послѣднимъ и наиболѣе типичнымъ представителемъ этихъ мистическо-политическихъ взглядовъ является, по нашему мнѣнію, кн. Ухтомскій въ своей брошюрѣ: „Къ событіямъ въ Китаѣ“ (объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку“ Спб., 1900 г.). Прежде всего для публицистовъ этой категоріи представляется неоспоримой истиной, что „тамъ, за Алтаемъ и за

Памиромъ, та же неоглядная, не изслѣдованная, еще никакими мыслителями не сознанная, допетровская Русь съ ея непочатой ширью преданій и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью посылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ духовномъ обликѣ" (кн. Ухтомскій, 1).

Положеніе, что „Россія, строго говоря, та же Азія", утверждается и на стр. 43. Россіи приписывается особое „историческое, предвѣчное положеніе на граняхъ противоположнѣйшихъ культуръ". Съ Западомъ у Россіи лишь то сходство, что онъ ее „умственно дисциплинируетъ, но въ общемъ онъ лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Все подъ нею и въ нѣдрахъ народнаго быта проникнуто и дышетъ глубокими восточными умозрѣніями и вѣрованіями, овѣяно жаждой высшихъ формъ бытія и широкими человѣчными стремленіями, совершенно иного вида, тѣмъ въ корнѣ убиваемое матеріализмомъ міросозерцаніе современныхъ европейцевъ средняго уровня" (48). Россія является образцомъ и свѣточемъ для Востока.

„Въ насъ воплощенъ и боевой и мирный отпоръ христіанскаго Запада хаотическимъ азіатскимъ мірамъ съ несомнѣннымъ культурнымъ прошлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одряхлѣніемъ отъ недостатка внутренней творческой работы, обусловить которую можетъ исключительно „дѣятельная" вѣра. На примѣрѣ Россіи восточные народы научатся понимать и цѣнить такую „вѣру", дающую сердцамъ

умиротвореніе (не меньше чѣмъ даетъ усыпляющій мятежую волю буддизмъ) и жизнерадостный возрождающій человѣка разсвѣтъ,—чего нѣтъ или, точнѣе, что слишкомъ затаенно въ скорбномъ культѣ „царевича-мудреца" Будды, въ узкомъ раціонализмѣ Конфуція, въ сухомъ отраженіи монотеистическихъ истинъ ислама. Вотъ разгадка нашего по масштабу единственнаго въ исторіи успѣха покорять себѣ царство за царствомъ не только открытой враждой и военною доблестью, но и тайными силами пріязненныхъ чувствъ, неискоренимой потребностью находить въ каждомъ разумномъ существѣ любой религіи, любой расы равноправнаго передъ Богомъ и Царемъ „меньшаго товарища и брата" (id., 49).

Азіатскіе народы уже чувствуютъ свое родство съ Россіей. Даже „для громадной Небесной имперіи Россія—своя, близкая, родная, не хищница, вродѣ остальныхъ, вдающихся въ колоніальную политику державъ" (58). Дряхлый Китай именно въ „Державномъ Сѣверѣ" ищетъ для себя нравственной поддержки и матеріальной опоры, „справедливо будучи увѣренъ въ томъ, что мы-то его не потѣснимъ, что весь Востокъ только обновлялся, богатѣлъ и крѣпнулъ отъ общенія съ русскими началами, ибо онъ и мы—одна безбрежная стихія, одно гармоническое въ своихъ духовныхъ основахъ цѣлое, по которому живоносными токами мало-по-малу должна повсемѣстно взойти заря, возродившая при Ольгѣ и ея внукѣ — Красномъ Солнышкѣ—Кіевскую Русь" (70). Въ послѣднихъ словахъ, очевидно, высказывается положеніе, что

миссія Россіи на Востокѣ заключается и въ томъ, что она введетъ туда православіе. Мысль о главенствѣ Россіи на Востокѣ чрезвычайно ясно выражена и на стр. 77: „Азія страдаетъ, понявъ, что между нею и Европой—глубочайшая бездна, тогда какъ между нашимъ полнымъ творчества хаосомъ и ею (этой Азіей) нѣтъ препонъ, ибо ея предопредѣленный покровитель и главарь—пестротканная Россія". Кн. Ухтомскій при этомъ сожалѣетъ, что „мы, отъ прогрессирующей безличности и некультурности нашего живущаго миражами интеллигентнаго слоя,—теряемъ политическое чутье въ восточныхъ дѣлахъ" (77). Вѣрное политическое чутье въ восточныхъ дѣлахъ должно было бы намъ подсказать слѣдующее:

„Въ Азіи для насъ въ сущности нѣтъ и не можетъ быть границъ, кромѣ необузданнаго, какъ и духъ русскаго народа, свободно плещущаго у ея береговъ необъятнаго синяго моря. Когда высказываешь столь очевидную истину, то обыкновенно слышишь возраженія: „къ чему намъ это? у насъ и такъ земли много! мы и теперь уже расползлись и разрослись до чудовищныхъ размѣровъ въ ущербъ дѣлу управленія государствомъ и прямо во вредъ нашему коренному населенію..." Но для „Всероссійской державы нѣтъ другого исхода: или стать тѣмъ, чѣмъ она отъ вѣка призвана быть (міровою силой, сочетающею Западъ съ Востокомъ), или безславно и незамѣтно пойти по пути паденія, потому что Европа сама по себѣ насъ въ концѣ-концовъ подавитъ внѣшнимъ превосходствомъ своимъ, а не нами пробужденные азіатскіе народы для русскихъ

со временемъ будутъ еще опаснѣе, чѣмъ западные иноплеменники. Погибели нашей, или униженія грядущаго естественно и въ помыслахъ допускать нельзя! Неизбѣжный ростъ Мономахова наслѣдія, торжество надъ враждебными началами, грядущее главенство Россіи въ предѣлахъ обширнѣйшаго и многолюднѣйшаго изъ материковъ нашему духовному оку представляются вполнѣ очевидными". (id., 84—85).

Такимъ образомъ, „кто же, кромѣ закоснѣлыхъ западниковъ, по мнѣнію кн. Ухтомскаго, хоть на минуту затруднится у насъ считать не сознанный еще нами Востокъ такой же органической по духу принадлежностью Мономаховой державы, какою по самой природѣ вещей въ урочный часъ стали Заволжье и Сибирь—оттого что, выражаясь лѣтописнымъ языкомъ, наши послы и воеводы „имя царя своего держали честно и грозно, по старинѣ" (24). Россія должна стать вершительницей судебъ Востока: „Крылья Русскаго Орла слишкомъ широко прикрыли его, чтобы оставлять въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Въ органической связи съ этими странами—залогъ нашего будущаго" (10). Но Россія, по мнѣнію цитируемаго автора, еще не достаточно поняла свою роль въ Азіи: „Мы, русскіе, будучи по престижу первые въ Азіи, добровольно пока уступаемъ, кому придется, свою историческую роль и завѣщанную предками миссію главарей Востока" (43). Кн. Ухтомскій находитъ, что Россія давно должна бы обнаружить болѣе активное стремленіе на Дальній Востокъ.

„Вторженіе въ чужой замысловатый строй, экс-

плоатація Азіи во славу жалкихъ эгоистическихъ предубѣжденій современнаго soit-disant образованнаго человѣчества намъ претила. Мы слишкомъ двѣсти лѣтъ оставались дома,—ибо нельзя называть естественное сліяніе съ Туркестаномъ и Пріамурьемъ политическими захватами,—мы оставались дома съ традиціонною безпечностью и могучей лѣнью, пока Тихій океанъ становился ареной западно-европейскаго натиска на туземцевъ со стариннымъ государственнымъ устройствомъ и несомнѣнною культурой.

Результаты налицо. Пришельцы по мѣрѣ возможности обидѣли и развѣнчали Востокъ. Куда они приходять для житья и наживы,—это имъ не родина, какою, напр., русскому быстро дѣлается любая окраина,—это имъ не братья по Божескому и людскому закону: это для нихъ—страна добровольнаго тоскливаго изгнанія, а народъ- скоты. Послѣдніе мало-по-малу реализирують въ сознаніи значеніе такого возмутительнаго взгляда и платятъ „учителямъ" сугубою неприязнью: гдѣ и какъ однако искать защиты, оплота противъ иноземца-врага?

Народное мифологизирующее творчество не дремлетъ. Чѣмъ бодрѣе на Азію наступаетъ Европа, тѣмъ свѣтлѣе тамъ озаряется въ устахъ молвы и преданія „Бѣлый Царь". (id., 45).

Доказательствомъ положенія, что „Россія—тотъ же Востокъ", являются, главнымъ образомъ, аналогіи и сравненія. Арійцы, боровшіеся съ аборигенами Пятирѣчья и Деккана, напоминаютъ пору славянъ, тѣснившихъ „темнокожую чудь";

монголы одновременно двинулись на Индію и удѣльную Русь и подчинили ихъ себѣ; нашимъ раскольникамъ, какъ и браминамъ, свойственно предубѣжденіе „осквернять себя совмѣстнымъ вкушеніемъ пищи“ съ разновѣрцами; та же наклонность къ самосожженію; индійскіе „душители“ (туги) и наши загадочные сектанты „тюкальщики“; „шуба“, „шугай“ „тожественны съ наименованіемъ сколько-нибудь соотвѣтствующей одежды въ сѣверо-западной Индіи“; одновременное почти сооруженіе Калькутты * и Петербурга на болотистой міазматической почвѣ на устьяхъ великихъ историческихъ рѣкъ; серьга, которую носятъ мужчины въ одномъ ухѣ, какъ въ Индіи, такъ иногда и въ Россіи, и вообще аргументы ejusdem farinae. Читатель видитъ, почему мы оставляемъ безъ разбора мнѣніе, что „Востокъ та же Россія“, тѣмъ болѣе, что самъ кн. Ухтомскій склоненъ считать это мнѣніе гипотезой, „отчасти преждевременной, отчасти безпочвенной“, и говоритъ: „Можно чутьемъ быть непосредственно у истины, не имѣя еще достаточно данныхъ, чтобы ее формулировать“ (6). Однако такая похвальная скромность не мѣшаетъ автору пренебрежительно относиться къ столѣтней наукѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, которая „кропотливыми филологическими умствованіями“ пытается установить (не „братство“, какъ говоритъ авторъ) а единство происхожденія, родство „англосаксон-

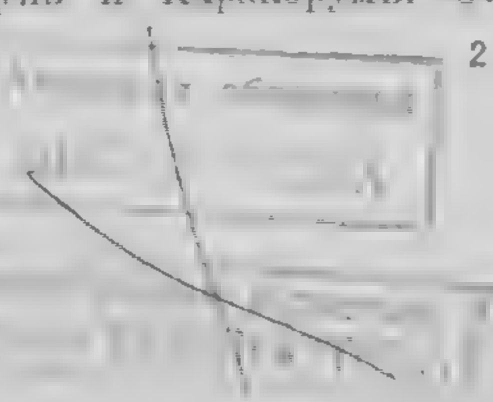
* Ошибка кн. Ухтомскаго: въ 1689 г. начало англійской Калькутты,—вѣрнѣе, постройка форта Вильяма Джобомъ Чэрнокомъ; поселеніе же было тамъ гораздо раньше. При чемъ же тутъ аналогія съ „восточной“ культурой?

ской расы съ арійскими элементами Индіи". Не этотъ научный фактъ, а гипотезу автора скорѣе можно назвать „сантиментальной фикціей". Принципіальный вопросъ о возможности культурнаго воздѣйствія Россіи на Востокъ, о проникновеніи туда европейской цивилизаціи при ея посредствѣ, можно считать лишь праздной игрой ума. Какія чрезвычайныя усилія, какое продолжительное время нужно употребить на то, чтобы достигнуть предположенныхъ результатовъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ Востока, съ его населеніемъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ человѣкъ, съ его традиціонно сложившейся, въ своемъ родѣ высокой культурою! И развѣ эти страны не могутъ воспринять европейскую культуру непосредственно изъ ея источника—съ Запада? Россія 200 лѣтъ тому назадъ обратилась къ первоисточнику, а не прибѣгла къ посредничеству Польши, родственной ближайшей сосѣдки. Японія, обратившись также къ первоисточнику, въ 30 лѣтъ достигла такихъ результатовъ въ воспріятіи европейской культуры, какихъ Россія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не получила и въ 200 лѣтъ. Далѣе, самъ же кн. Ухтомскій утверждаетъ, что Западъ „въ общемъ лишь тускло отражается на нашей умственной поверхности" и, слѣдовательно, почему же Востокъ для своего обновленія долженъ предпочесть копію оригиналу? Наконецъ, и въ настоящее время западные народы сдѣлали больше для водворенія на Востокѣ своей культуры, чѣмъ Россія. Не говоря уже о томъ, что многолѣтнія и чрезвычайно развитыя торговыя сношенія Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и особенно

Англіи со всѣми прибрежными странами Востока много содѣйствовали пріобщенію его къ внѣшней сторонѣ европейской культуры,—дѣятельность многочисленныхъ миссіонеровъ, открытыя европейцами школы даже въ сонной Кореѣ, наконецъ, вызванная необходимостью цивилизующая дѣятельность Франціи въ Индо-Китаѣ и особенно Англіи въ Индіи—развѣ не дали никакого замѣтнаго и осязательнаго результата? Развѣ можно отрицать такіе реальные факты, какъ сооруженіе англичанами въ Индіи желѣзныхъ дорогъ, учрежденіе среднихъ и высшихъ школъ? Развѣ тамъ не возникла, подъ ихъ не стѣсняющей въ этомъ отношеніи эгидой, мѣстная научная жизнь, мѣстная печать, не устраиваются безпрепятственно мѣстные конгрессы и съѣзды? Все это плоды западныхъ порядковъ и нравовъ. Англичане и нѣмцы съ неослабѣвающей энергіей изучаютъ Востокъ во всѣхъ отношеніяхъ и уже очень давно имѣютъ для этого обширныя спеціальныя учрежденія, и въ этомъ отношеніи съ ними не можетъ конкуррировать съ русской стороны юный и жалкій институтъ во Владивостокѣ. Такимъ образомъ, живыя реальныя отношенія и потребности вызвали на Западѣ интересъ къ Востоку и создали условія, при которыхъ европейская культура широкимъ потокомъ естественно проникаетъ туда, а это важнѣе фантастическихъ предпосылокъ о какой-то провиденціальной цивилизаторской миссіи, важнѣе фантазій, созданныхъ искуственно, на почвѣ мистицизма, недостаточной освѣдомленности и просто „плѣнной мысли раздраженья“. Подобныя фантастическія идеи не только

свили себѣ прочное гнѣздо въ умахъ людей извѣстной психической категоріи, но имѣли значеніе и для активной политики Россіи на Дальнемъ Востокѣ, и безпристрастная исторія русско-японской войны, которая будетъ располагать всѣми необходимыми условіями для полнаго возстановленія истины, укажетъ долю вліянія этихъ фантастическихъ идей въ подготовкѣ событій, происходящихъ теперь на Дальнемъ Востокѣ.

Гораздо болѣе солидна аргументація представителей второй категоріи, которую можно назвать политическо- (государственно-) экономической. Эта группа мнѣній, несомнѣнно, имѣла направляющее вліяніе въ сферѣ активной политики въ вопросѣ о Дальнемъ Востокѣ, и ея доводы лучше всего изложены пр. Мигулинымъ въ фельетонахъ „Руси" за іюль и августъ 1904 г. („Война и наши финансы"). „Давнія историческія задачи" Россіи на Дальнемъ Востокѣ заключаются, по мнѣнію представителей этой группы, въ окончательномъ укрѣпленіи на тихоокеанскомъ побережьѣ, въ расширеніи южноазіатской границы и ея обезпеченіи какъ отъ Китая, такъ и отъ Англіи и, наконецъ, въ прямой и твердой постановкѣ вопроса о побережьѣ Индѣйскаго океана". „Цѣлью начатой борьбы, подробно поясняетъ проф. Мигулинъ, должны быть берега Тихаго океана до Шанхай-Гуаня (со включеніемъ, слѣдовательно, Кореи и Квантуна), далѣе вся Манчжурія, Монголія и Восточный Туркестанъ, т. е., всѣ сѣверныя области, лежащія за Великой китайской стѣной и за горными хребтами Алтынъ-Тагъ, Куэнь-Лунь и Каракорумъ. Столь

широкій оккупаціонный размахъ объясняется, съ одной стороны, невозможностью провести иначе „прямую и ясную границу“ съ Китаемъ и Тибетомъ, а съ другой—нежелательностью оставлять рядомъ съ владѣніями Россіи независимыя государства, способныя къ военному возрожденію, необходимостью противодѣйствовать вліянію Англіи въ Тибетѣ и Куку-Норѣ и предупредить возможный захватъ ею Монголіи и Восточнаго Туркестана. Что касается въ частности Маньчжуріи, то ее необходимо „окончательно присоединить къ Россіи, и это будетъ единственнымъ способомъ возмѣстить послѣдней хотя бы отчасти произведенные во время содержанія тамъ нашей арміи расходы“. Такимъ образомъ, здѣсь рекомендуется новое пріобрѣтеніе территоріи, почти равной третьей части Сибири, но заполненной въ значительной степени песчаными пустынями Восточнаго Туркестана, печальной и безлюдной степью Гоби и суровыми, недоступными горными хребтами. Манія пространства отождествляется здѣсь съ политическимъ величіемъ страны, оккупація чужихъ земель quand même является какъ бы цѣлью всей политики государства.

Внѣшняя политика всякой страны должна руководиться однимъ только благомъ своего народа—salus populi suprema lex esto. „Интересы будущаго“, „интересы будущихъ поколѣній“—безсодержательныя фразы, удобныя только для прикрытія политическихъ авантюръ и оправданія политическихъ ошибокъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ предвидѣть истинныя нужды будущихъ поколѣній, а тѣмъ болѣе указать средства для устраненія этихъ нуждъ,

для достиженія будущихъ задачъ? Если подобное „предвидѣніе“—нелѣпая и смѣшная претензія, то прямо несправедливо возлагать на будущія поколѣнія отвѣтственность за ошибки, за ложное пониманіе сходящимъ со сцены поколѣніемъ этихъ загадочныхъ, проблематическихъ „интересовъ будущихъ поколѣній“. Здравая внѣшняя политика должна преслѣдовать не проблематическія цѣли будущаго, а интересы текущаго момента, salutem populi, и этимъ рѣшается весь вопросъ о будущемъ: нація внутренно крѣпкая, устойчивая, богатая и образованная всегда съ пользой для себя разрѣшаетъ въ каждомъ поколѣніи вопросы внѣшней политики, и ни одно поколѣніе не имѣетъ ни права, ни возможности навязывать слѣдующимъ какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей и задачъ въ темной области таинственнаго будущаго. Идеалъ человѣческаго общежитія, значитъ, и будущихъ поколѣній, заключается именно въ такой организаціи внутренней жизни, которая бы гарантировала и давала всѣмъ отдѣльнымъ единицамъ даннаго политическаго тѣла физическое здоровье, умственное и нравственное развитіе, разумное и справедливое пользованіе окружающими матеріальными благами. И если можно говорить объ „интересахъ будущихъ поколѣній“, то лишь единственно въ этомъ именно направленіи, которое уже твердо намѣчено и лучшими индивидуальными умами, и коллективнымъ сознаніемъ массъ. Такимъ образомъ, „интересы будущихъ поколѣній“, клонящіеся, главнымъ образомъ, къ упорядоченію внутренней жизни, должны значительно удаляться и отличаться отъ тѣхъ цѣ-

лей и задачъ внѣшней политики, которыя живущее, даже угасающее, поколѣніе, стремится навязать будущимъ. Именно даже въ интересахъ этихъ будущихъ поколѣній должна быть крайне осторожной и сдержанной внѣшняя политика, такъ какъ ея ultima ratio—война—вредно отражается не только на живущемъ поколѣніи въ періодъ ея продолженія (какъ это было въ доброе старое время), но и далеко позже, даже на слѣдующихъ, благодаря крайней сложности и организаціи современнаго государства. Дорого стоющія современныя войны порождаютъ новые налоги, имѣющіе тенденцію упрочиваться для оплаты хотя однихъ процентовъ по неизбѣжнымъ займамъ, — а это страшно замедляетъ прогрессивный ходъ народной жизни. Англія въ XVIII в., въ интересахъ своихъ будущихъ поколѣній, хотѣла безусловно подчинить себѣ свои американскія колоніи—и проиграла; Людовикъ XIV въ погонѣ за славой и величіемъ Франціи въ настоящемъ и будущемъ палъ и ввергнулъ страну въ долговременный упадокъ и безсиліе; виновникомъ того же самаго былъ черезъ полтораста слишкомъ лѣтъ и Наполеонъ III,— и началомъ его конца была безсмысленная мексиканская экспедиція, предпринятая въ интересахъ „грядущаго развитія латинской расы"; Криспи разорилъ Италію абиссинскою авантюрою, также оправдывавшейся ссылками рептильной прессы на необходимость обезпечить территорію для будущей колонизаціи. Эти и многіе подобные примѣры доказываютъ всю громадную отвѣтственность и опасность аггресивной внѣшней политики „въ

интересахъ будущихъ поколѣній" и рекомендуютъ крайнюю осторожность въ этомъ отношеніи.

Проф. Мигулинъ считаетъ безспорнымъ положеніе, что территоріальный ростъ государства опредѣляетъ и гарантируетъ его политическую мощь и вліяніе, и что этотъ совмѣстный и обоюдный процессъ можетъ продолжаться до безконечности. Конечно, до извѣстныхъ предѣловъ это вполнѣ справедливо: чтобы начать самостоятельную, „самоопредѣляющую" жизнь, политическому организму необходимо и достаточное количество его живыхъ составныхъ частей, его бѣлыхъ и красныхъ кровяныхъ шариковъ, т. е. людей, подданныхъ, и достаточный внѣшній просторъ для дѣятельности этихъ живыхъ единицъ—торговаго обмѣна, промышленной предпріимчивости, иниціативы всякаго рода; для этого необходимъ извѣстный minimum территоріи, безъ чего не можетъ быть ни сколько нибудь оживленной внутренней жизни, ни роста населенія и богатства страны. Съ расширеніемъ территоріи, идущимъ въ параллель росту населенія, въ этомъ случаѣ увеличивается eo ipso и политическое значеніе страны. Таковъ былъ постепенный ростъ древняго Рима, Московскаго царства, Пруссіи, Франціи и др. Но территоріальный ростъ государства наиболѣе плодотворенъ тогда, когда сближаются и сливаются однородные, родственные міры, что, конечно, имѣетъ извѣстныя естественныя границы, и территоріальное расширеніе соотвѣтствующаго политическаго организма потому не можетъ быть безпредѣльнымъ. Топографическое однообразіе занимаемой территоріи и отсутствіе рѣзкихъ

климатическихъ контрастовъ являются также важными условіями для естественнаго и здороваго роста территоріи. Въ случаѣ отсутствія племеннаго единства, крайняя скудость населенія оккупируемой территоріи, его раздробленность, отсутствіе у него индивидуальности, внутренней силы и стойкости также не препятствуетъ расширенію территоріи, въ силу закона наименьшаго сопротивленія, но тогда самое расширеніе является лишь безвреднымъ для пріобрѣтающей политической единицы, процессомъ пассивнымъ, усиленіемъ потенціальнымъ *. Когда же на лицо нѣтъ указанныхъ условій для естественнаго территоріальнаго роста государства, то за извѣстными предѣлами наступаетъ также естественный процессъ распаденія, такъ какъ въ этомъ случаѣ сила сцѣпленія находится какъ бы въ отношеніи обратно пропорціональномъ объему.

Завоеванія Филиппа Македонскаго были прочнѣе, нежели плоды подвиговъ его сына, перенесшаго македонское владычество изъ предѣловъ греческаго племени въ необъятный азіатскій міръ. Территоріальный ростъ Московскаго княжества, процессъ „собиранія русской земли“ въ XIV и въ XV вв., шелъ такъ быстро потому, что Москва или присоединяла совершенно однородныя политическія мірки, какъ княжества Рязанское, Твер-

---

* Всѣ эти далеко не новыя истины, упущенныя изъ вид. почтеннымъ профессоромъ Мигулинымъ, еще недавно подтверждены въ такихъ трудахъ, какъ напр., книга Dilke, Problem of greater Britain или Hunter'a, The indian empire, или Sanderson'a The British empire (Lond. 1900). Умные имперіалисты бываютъ весьма интересны.

ское, Ярославское и др., или поглощала финскія племена верхняго и средняго Поволжья, немногочисленныя, разбросанныя, совершенно некультурныя и политически безличныя. Равнинность всей оккупируемой территоріи, полное однообразіе общихъ условій физической жизни и отсутствіе сколько нибудь рѣзкихъ климатическихъ контрастовъ какъ нельзя болѣе способствовало быстрому территоріальному расширенію Московскаго княжества. Почти аналогичныя условія мы видимъ во Франціи, когда при Капетингахъ и первыхъ Валуа складывалось и увеличивалось ядро позднѣйшей французской монархіи, въ Германіи, когда Бранденбургъ превращался въ королевство Пруссію, въ объединеніи средневѣковыхъ англосаксонскихъ королевствъ на британскомъ островѣ и т. д. Все это примѣры естественнаго роста, обусловленнаго множествомъ сопутствующихъ благопріятныхъ условій, роста, дѣйствительно, способствовавшаго увеличенію политическаго значенія и вліянія упомянутыхъ странъ. Это—примѣры естественнаго, органическаго и потому полезнаго роста. Монархіи Востока, какъ Персія и месопотамскія державы, представляютъ обратные примѣры быстраго, неестественнаго, чисто механическаго расширенія съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—скорымъ распаденіемъ. Механически составленные конгломераты — монархія Аттиллы, Карла Вел., Чингисхана и Тамерлана, имперія Карла V,—монархія, въ предѣлахъ которой не заходило солнце,—имперія Наполеона I съ созвѣздіемъ вассальныхъ королевствъ — разительные примѣры непрочности быстраго, ненормальнаго, механи-

ческаго территоріальнаго роста политическихъ организмовъ. Начавшееся въ XIX в. распаденіе Турціи, этого искуственнаго и грубаго конгломерата, продолжается и на нашихъ глазахъ, и не сегодня—завтра мы увидимъ отдѣленіе отъ нея новыхъ политическихъ организмовъ—Македоніи и Албаніи. Только при улучшенныхъ современныхъ политическихъ формахъ и могутъ существовать эти искусственные конгломераты, конечно, при условіи извѣстной культурной и бытовой однородности составныхъ частей, какъ, напр., Австро-Венгрія. Безпримѣрное территоріальное расширеніе Великобританіи принесло ей несомнѣнную пользу, потому что въ Индіи она нашла, дѣйствительно, необъятный источникъ неимовѣрныхъ богатствъ, а со своими остальными заморскими территоріями вступила въ весьма искусную и государственно-мудрую федеративную связь, предоставивъ имъ столь широкую автономію, что онѣ имѣютъ свои парламенты и собственныхъ министровъ. При такомъ политическомъ режимѣ аннексированныя территоріи чрезвычайно дорожатъ своей принадлежностью къ основному политическому ядру Великобританіи, потому что видятъ въ немъ не только опору, защиту и образецъ для подражанія, но и рынокъ для сбыта своихъ продуктовъ *. Соединен-

* Въ только что вышедшей въ свѣтъ книгѣ Генри Коттона „The New India“ („Новая Индія“) можно найти интересныя данныя объ этой важнѣйшей колоніи Англіи, разрушающія обычныя въ Россіи представленія о ней, питаемыя пристрастіемъ и невѣжествомъ. Авторъ констатируетъ нарожденіе новой Индіи, т. е. широкое пробужденіе обществен-

ные Штаты и Японія въ самое послѣднее время показали, при какихъ условіяхъ странѣ полезнѣе

наго самосознанія туземцевъ. Авторъ—тори, между тѣмъ онъ доказываетъ, что въ прямыхъ интересахъ Великобританіи не только не тормазить этого пробужденія, но, наоборотъ, придти къ нему на помощь и содѣйствовать замѣнѣ нынѣшней государственной формы въ Индіи высшею, при которой дѣла громадной восточной имперіи вершились бы ея собственными представителями. Авторъ категорически утверждаетъ, что это — самый вѣрный способъ удержать навсегда Индію въ имперскомъ союзѣ и сдѣлать завоеваніе ея невозможнымъ. Завоеватель можетъ захватить имперію съ населеніемъ въ 300 милліоновъ только тогда, когда Индія сама захочетъ отпасть отъ Англіи. Если Индія будетъ свободною страной,— доказываетъ авторъ,—она не пожелаетъ подчиниться другому завоевателю. Англичане прокладывали въ Индіи желѣзныя дороги, улучшали вообще пути сообщенія, заводили школы, но вся система правленія держалась на „просвѣщенномъ деспотизмѣ". Завоеватели поставили себя неизмѣримо выше туземнаго населенія. Въ систему входитъ, что каждый туземецъ, каково бы ни было его общественное положеніе, долженъ смотрѣть на англичанина снизу вверхъ. Но за послѣдніе двадцать лѣтъ, по словамъ сэра Генри Коттона, въ Индіи произошли громадныя перемѣны, такъ что „просвѣщенный деспотизмъ" является теперь невыгодною больше для Англіи политикой. Развитіе общественнаго самосознанія туземнаго населенія за послѣдніе годы идетъ впередъ громадными скачками, by leaps and bounds,—по выраженію автора. Завоеватели основали свою систему на розни между туземнымъ населеніемъ, обусловленною религіей. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ магометане, буддисты и браманисты работаютъ совмѣстно для пробужденія общей родины. Общественное самосознаніе въ Индіи, по словамъ автора, находитъ теперь себѣ три русла для проявленія: провинціальные съѣзды, національные конгрессы и прессу. Провинціальные съѣзды происходятъ теперь правильно въ Бенгаліи, Пенджабѣ и въ сѣверо-западной провинціи и являются подготовительными собраніями къ націо-

всего выступать для территоріальнаго расширенія. Подъ вліяніемъ превосходныхъ политическихъ

нальнымъ конгрессамъ, происходящимъ теперь ежегодно. На послѣдній конгрессъ съѣхалось пять тысячъ делегатовъ. Мы видимъ предъ собою, такимъ образомъ, зародышъ индійскаго туземнаго парламента. Люди, которые долго были раздѣлены вѣрой, которые когда-то считали предосудительнымъ совмѣстное пребываніе въ одной комнатѣ, теперь мирно и дружно обсуждаютъ, что необходимо для поднятія благосостоянія народа. Послѣдній конгрессъ, напримѣръ, принялъ резолюцію, что не можетъ согласиться съ оффиціальнымъ отчетомъ, признающимъ увеличеніе благосостоянія Индіи. Конгрессъ энергично протестовалъ противъ развитія имперіализма на счетъ Индіи. Бѣдность райотовъ (крестьянъ), которая, по мнѣнію конгресса, несомнѣнно растетъ, обусловливается какъ увеличеніемъ арміи, такъ и высокою арендною платой за землю. По мнѣнію конгресса, настоятельно необходимы слѣдующія реформы: отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной, реформа полиціи, допущеніе туземцевъ на государственную службу, что сильно сократитъ расходы, прекращеніе военныхъ авансовъ за счетъ Индіи, пониженіе арендной платы, крестьянскіе земельные банки, новая система школъ и пр.

Третье русло для проявленія общественнаго самосознанія Индіи—пресса. „Газеты и журналы здѣсь являются признанной конституціонной оппозиціей", —говоритъ авторъ. „Туземная пресса имѣетъ громадное воспитательное вліяніе на массы, пробуждаетъ въ нихъ гражданское самосознаніе и патріотизмъ". Сэръ Генри Коттонъ привѣтствуетъ пробужденіе Индіи. „Если въ этомъ явленіи есть опасность,—говоритъ авторъ,—то только въ томъ, какъ отнесется къ нему британское правительство. Англичане должны пойти навстрѣчу пробужденію общественнаго самосознанія Индіи и содѣйствовать замѣнѣ просвѣщеннаго деспотизма болѣе высокими государственными формами". Только такимъ образомъ установится гармонія между кореннымъ населеніемъ и англичанами. Старая система болѣе не годится. „Бюрократическая машина, основанная на деспотизмѣ и на полномъ устраненіи населенія отъ общественныхъ

формъ быстро и радикально произошла и происходитъ амальгамація разныхъ вѣтвей одного этническаго корня на обширной равнинѣ сѣв. Америки. Существованіе многихъ религій и языковъ вовсе не мѣшаетъ тамъ дѣйствительному и сознательному государственному единству, а государственный языкъ сдѣлался всеобщимъ языкомъ въ силу естественныхъ, такъ сказать, стихійныхъ причинъ. Въ теченіе всего XIX в. происходило мирное культурное занятіе пустынныхъ пространствъ сѣв. Америки; всѣ необходимыя улучшенія общественной жизни совершались своевременно и исчерпывающимъ образомъ. Страна достигла полноты внутренней жизни; естественно развившаяся промышленность и скопившіеся огромные капиталы потребовали новыхъ рынковъ—и только тогда Соедин. Штаты выступили на путь внѣшнихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. То же самое замѣчаемъ мы и въ Японіи: годы серьезныхъ внутреннихъ реформъ, послѣдовавшее затѣмъ оживленіе страны во всѣхъ отношеніяхъ, естественно развившаяся промышлен-

---

дѣнъ,—говоритъ сэръ Генри,—можетъ еще скрипѣть кое-какъ въ нормальное время, но въ годину испытанія старый порядокъ можетъ довести до катастрофы". Сэръ Генри доказываетъ, что даже нынѣшній вице-король отлично сознаетъ опасность, проистекающую не отъ пробужденія общественнаго самосознанія, а отъ крупныхъ англійскихъ чиновниковъ. Недавно вице-король выступилъ въ Джейпорѣ съ рѣчью, въ которой обличалъ пріѣзжихъ чиновниковъ, всосавшихся въ организмъ туземнаго государства". Цитируя эту рѣчь, сэръ Генри обращается вообще къ индійской бюрократической машинѣ со словами: „Mutato nomine de te fabula narratur („Рус. Вѣд.", 1904, № 253).

ность—и потомъ только явилась потребность внѣшнихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Если страна при этомъ поставлена въ необходимость пріобрѣтать новыя территоріи открытой силой, то предварительная реформа ея военныхъ порядковъ должна идти одинаковымъ темпомъ съ общегосударственными и экономическими, чтобы такимъ образомъ устранить противорѣчія между соціальнымъ матеріаломъ арміи и военными условіями новаго времени, требующими толковаго, вдумчиваго и самостоятельнаго солдата, а также противорѣчія между административной отсталостью страны и колоссально разросшимися требованіями передвиженія войскъ и управленія арміей и страной во время войны.

При нормальномъ порядкѣ территоріальнаго расширенія страны, въ послѣдней не замѣчается острой потребности какихъ-либо широкихъ, радикальныхъ реформъ: она и безъ того прогрессируетъ во всѣхъ отношеніяхъ постоянно, но незамѣтно, темпъ ея внутренней жизни повышается въ атмосферѣ, созданной ея государственнымъ строемъ: если же реформы вызываются лишь жгучей необходимостью, какими либо потрясеніями внѣшняго характера, то позволительно усомниться въ искренности этихъ реформъ, въ ихъ прочности и продуктивности: то, что создается поспѣшно, не путемъ медленнаго, органическаго наростанія, а сепаратными, изолированными мѣропріятіями, при чемъ слишкомъ замѣтенъ элементъ вынужденности,—всегда таитъ въ себѣ зародышъ недодѣланности, поспѣшности и не обѣщаетъ явиться

источникомъ дальнѣйшаго органическаго роста и развитія. Конечно, и при такихъ условіяхъ реформы не утрачиваютъ всѣхъ органически присущихъ имъ благотворныхъ свойствъ, но все-таки гораздо предпочтительнѣе не тотъ порядокъ, по которому онѣ осуществляются лишь послѣ и по причинѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, а противоположный, который мы и видимъ въ Западной Европѣ, Америкѣ и даже Японіи. Глубина и прочность реформъ опредѣляются, очевидно, не фактами территоріальныхъ пріобрѣтеній, а предварительнымъ возникновеніемъ такихъ соціальныхъ и экономическихъ условій въ жизни государства, при которыхъ извѣстный status quo ante становится совершенно немыслимымъ, какъ напр., дальнѣйшее существованіе крѣпостнаго права въ Россіи второй половины прошлаго вѣка, когда освобожденіе началось бы снизу, если бы не послѣдовало сверху. Для того, наконецъ, чтобы реформы, однажды произведенныя, могли оказаться естественнымъ базисомъ для своего собственнаго дальнѣйшаго развитія въ данномъ направленіи въ цѣляхъ процвѣтанія страны, необходимы незыблемыя гарантіи государственно-правового характера, необходима организованная возможность для различныхъ теченій общественнаго мнѣнія не только свободно обозначаться, но и оказывать свою долю вліянія на самый ходъ государственной жизни.

Такимъ образомъ, утвержденіе проф. Мигулина о благодѣтельной причинной связи территоріальныхъ пріобрѣтеній Россіи съ ея внутренними реформами нужно принять съ большими оговорками.

Г. Мигулинъ и его многочисленные сторонники вполнѣ увѣрены, что стремленіе Россіи на азіатскій Востокъ, обнаружившееся въ половинѣ XIX в. и ставшее весьма интенсивнымъ въ концѣ столѣтія, составляетъ прямое продолженіе давняго историческаго процесса—покоренія Казанскаго царства и присоединенія Сибири при Иванѣ IV и его ближайшихъ преемникахъ. Стремленіе овладѣть незамерзающими портами возможно южнѣе на Тихомъ океанѣ сопоставляется съ движеніемъ Россіи въ XVIII в. къ побережьямъ Финскаго залива и Черного моря. Покореніе Казани состоялось вслѣдствіе настоятельной необходимости въ то время обезопасить мирное русское населеніе съ востока, уничтожить разбойничье гнѣздо въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ. Занятіе передней Сибири совершилось, какъ извѣстно, безъ всякихъ расходовъ и затратъ со стороны государственной казны, исключительно благодаря частной иниціативѣ. Въ теченіе всего XVII в. правительственная и вольно-народная колонизація Сибири шла параллельно, рука объ руку, невольно, безъ всякаго намѣренія помогая другъ другу. Русскій потокъ въ Сибири встрѣтилъ крайне рѣдкое, слабое, разъединенное населеніе, полное отсутствіе какой-либо мѣстной культуры, физическія условія, почти тождественныя съ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ Россіи, наконецъ, вѣрную возможность быстрой и огромной наживы въ видѣ дорогихъ мѣховъ. Вольно - народная колонизація нашла въ Сибири надежное убѣжище отъ порядковъ московскаго управленія. Необыкновенно удобное расположеніе сибирскихъ рѣкъ, переплетаю-

щихся своими притоками, позволило русскимъ въ 70 лѣтъ добраться даже до отдаленныхъ частей сѣверо-восточной Сибири. Правительственная колонизація Сибири удалась такъ хорошо потому, что она опиралась на вольно-народную; правительство лишь осуществляло планы, инстинктивно создаваемые колонизаціоннымъ народнымъ творчествомъ. Хабаровъ и Поярковъ, несмотря на всю ихъ предпріимчивость, не могли удержаться на Амурѣ; для московскаго правительства это послужило какъ бы ценнымъ указаніемъ, что отсюда начинается уже другая климатическая область, другія мѣстныя условія, въ которыхъ не можетъ развиваться великорусская колонизація, и потому Приамурье осталось внѣ сферы русскаго вліянія. Занятіе Сибири— лучшая иллюстрація естественнаго колонизаціоннаго процесса, и оккупацію Маньчжуріи ни въ какомъ случаѣ нельзя считать продолженіемъ естественнаго историческаго хода событій въ данномъ направленіи: это исключительно искусственная, правительственная, даже не колонизація, а военная оккупація; страна представляетъ совершенно иную климатическую зону не только съ особенной растительностью вообще, но и свойственными ей, туземными, хлѣбными злаками, необычными для уроженцевъ центральной Россіи, а также и съ особыми пріемами и условіями культуры этихъ злаковъ; наконецъ, здѣсь русскіе соприкоснулись съ довольно многочисленнымъ туземнымъ населеніемъ, представляющимъ не комплексъ разрозненныхъ дикихъ инородцевъ, а гражданское общество, сплоченное традиціонными и развитыми государствен-

ными формами, съ высокой, хотя и своеобразной, культурой, населеніе стойкое и упорное, несмотря на всю его видимую пассивность. Такимъ образомъ, только самое грубое и поверхностное сближеніе этихъ двухъ историческихъ фактовъ можетъ подсказать ихъ какую-то quasi—историческую послѣдовательность и естественность. Даже такой правовѣрный историкъ, какъ Д. И. Иловайскій, въ этомъ отношеніи совершенно сходится съ нами *.

Нельзя также признать основательность аналогіи, по которой стремленіе Россіи на тихоокеанское побережье въ Маньчжуріи отождествляется съ ея движеніемъ къ Финскому заливу и Черному морю въ XVIII в. Для Петра Великаго и Екатерины II это были острые вопросы дня, текущаго момента: оба они преслѣдовали живыя практическія цѣли, а не загадочные „интересы будущихъ поколѣній“ и не заботы о проблематическомъ рынкѣ. Не говоря уже о томъ, что для Петра Великаго не было иного окна на западъ, какъ побережье Финскаго залива,— старинныя, несомнѣнныя русскія владѣнія слишкомъ близко подходили къ заливу, чтобы его южные берега можно было оставить въ чужихъ, притомъ враждебныхъ рукахъ. Съ пробитіемъ этого

* „Кремль“, № 19—20. Снова остается пожалѣть, что проф. Мигулинъ въ сужденіяхъ о Востокѣ полагается всецѣло на вдохновеніе и, повидимому, совсѣмъ уклоняется отъ знакомства съ литературою предмета. Читалъ-ли онъ Colquhoun'a „The Overland to China“ (Lond. 1900), о которой много писали въ европейской политической прессѣ? Авторъ, отлично знающій предметъ, говоритъ тамъ и объ Іоаннѣ, и о Сибири, и о Маньчжуріи, но совсѣмъ не такъ, какъ проф. Мигулинъ.

жна въ Европу органически связался весь планъ реформъ, задуманныхъ Петромъ. Наконецъ, часть рискаго берега нѣкогда составляла русскія владѣнія. Для Екатерины II было совершенно необходимо гарантировать безопасность благодатной южной Россіи, житницы страны въ то время, куда двигался широкій потокъ колонизаціи, отъ набѣговъ изъ разбойничьяго притона—Крыма, за плечами котораго стояла враждебная Турція. У Петра Великаго и Екатерины II, такимъ образомъ, были ближайшія, ясныя, какъ день, задачи, вызванныя самой жизнью. Представляетъ-ли что-либо подобное маньчжурскій вопросъ? Въ немъ все такъ темно, загадочно, проблематично...

Г. Мигулинъ вполнѣ присоединяется къ тому мнѣнію, что необходимость имѣть свободный выходъ въ незамерзающее море является одной изъ важнѣйшихъ причинъ стремленія Россіи къ юго-восточнымъ берегамъ Азіи. Конечно, въ принципѣ нельзя отрицать важности вообще для всякаго государства выхода въ свободное море; нужно только вести это понятіе въ его естественныя границы. Прежде всего нужно указать на страны, которымъ не принесло никакой пользы многовѣковое обладаніе доступомъ въ прекрасныя моря, какъ, напр., Турція и Персія; для Испаніи въ новѣйшее время оказался безполезенъ ея свободный выходъ въ два великолѣпныхъ морскихъ бассейна, какъ давно уже безполезнымъ, а потомъ и невозможнымъ— стало и обладаніе чудными и обширными заморскими колоніями. Австро-Венгрія, имѣющая чрезвычайно малый выходъ въ (закрытое) море, по

степени приближенія къ тому желательному типу государственнаго организма, о которомъ мы говорили раньше,—стоитъ далеко выше многихъ странъ съ длинной береговой линіей. Соединенные Штаты только тогда въ полной мѣрѣ начали пользоваться своимъ положеніемъ между двумя океанами, когда процессъ ихъ внутренняго развитія достигъ извѣстной высоты. Изъ примѣра Англіи, Франціи, Германіи и отчасти Италіи видимъ, что лишь непосредственное соприкосновеніе ядра государства съ моремъ приноситъ ему огромную пользу и оправдываетъ его стремленіе къ морскимъ берегамъ; водная территорія въ этомъ случаѣ становится какъ бы продолженіемъ суши. Но русскія двери въ Тихій океанъ—Портъ-Артуръ и Дальній—прорубленныя на огромномъ отдаленіи отъ центра государства, въ странѣ чужой и враждебной, выводятъ туда лишь стратегическую желѣзную дорогу. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ естественнымъ, стихійнымъ исканіемъ народно-государственнымъ организмомъ выхода къ морю, а съ искусственнымъ, предвзятымъ обозначеніемъ пунктовъ, которыми должна оканчиваться чисто-стратегическая желѣзнодорожная линія, истинное значеніе которой такъ плохо замаскировано экономическими соображеніями.

Необходимость окончательнаго опредѣленія естественныхъ границъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ играетъ также замѣтную роль въ аргументаціи г. Мигулина. Береговая линія Ляодунскаго полуострова, какъ желательная естественная граница, слишкомъ коротка и не имѣетъ существеннаго

значенія безъ корейской береговой линіи. Корея будетъ вкраплена въ русскую границу и нарушитъ ея естественность: слѣдовательно, нужна оккупація Кореи, чтò едва ли возможно. Намѣченная пр. Мигулинымъ естественная граница по горнымъ хребтамъ, огромными, безлюдными степями отдѣлена отъ слабо населенной русской окраины, и охрана такой границы будетъ сопряжена съ громадными трудностями и расходами. Здѣсь мы сталкиваемся съ совершенно условными и произвольными политико-географическими представленіями. Почему, въ самомъ дѣлѣ, такая граница не можетъ быть отнесена еще южнѣе, къ Гималайскому хребту? Съ другой стороны, почему не удовольствоваться для нея Амуромъ, огромной и широкой рѣкой, или въ крайнемъ случаѣ,—чтò выдѣлить и правый берега Амура, для большей безопасности,—горными хребтами, идущими параллельно теченію этой рѣки Илхури-Алинъ и Малый Хинганъ и хребтами Кентей-Алинъ и Надонъ-Хада—параллельно теченію Уссури? Указанная сейчасъ естественная географическая граница можетъ быть естественной и этнографической, такъ какъ именно къ югу отъ этихъ хребтовъ и начинается болѣе компактное маньчжурско-китайское населеніе. Какъ извѣстно, климатическія свойства той или другой мѣстности ставятъ иногда неопреодолимыя препятствія для прочнаго поселенія тамъ пришельцевъ изъ другихъ климатическихъ зонъ. Не говоря уже о контрастахъ крайняго сѣвера и крайняго юга, напомнимъ, что, напр., европейскіе колонисты не могутъ жить въ экваторіальныхъ частяхъ Америки и Африки;

въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Индіи англичане,—они могутъ жить лишь на особомъ положеніи, не предаваясь физическому труду. Такимъ образомъ, существуютъ еще и климатическія границы, которыя также не нужно упускать изъ вида при оцѣнкѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Такъ, Приамурье, а тѣмъ болѣе Манчьжурія, находятся подъ вліяніемъ юго-восточнаго муссона съ его крайней сыростью, туманами и влажнымъ жаромъ въ лѣтнее время. Ниже мы подробнѣе коснемся климатическихъ особенностей Манчьжуріи и, въ зависимости отъ нихъ—растительнаго царства и пріемовъ культуры хлѣбныхъ злаковъ; теперь же скажемъ только, что, toutes les proportions gardées, эта климатическая зона тоже негостепріимно принимаетъ сѣверянъ. Эту климатическую границу составляетъ Становой хребетъ, такъ что даже Приамурье и остальная часть Сибири представляютъ между собой мало общаго, не говоря уже о Манчьжуріи. Наконецъ, нужно замѣтить, что горные хребты, рѣки, крѣпости не являются непреодолимыми препятствіями для проникновенія въ страну вражескихъ армій; да и страна не можетъ потерять своей самобытности и самостоятельности, если она представляетъ собою высокій, сложившійся культурно-экономическій типъ, почему, напр., для Германіи нисколько не опасно отсутствіе какихъ-либо рѣзкихъ естественныхъ границъ съ Россіей.

На предыдущихъ страницахъ мы, постоянно напоминая читателю общеизвѣстные историческіе и географическіе факты, разбирали по существу второстепенные аргументы чисто-политическаго ха-

рактера, выставленные пр. Мигулинымъ и его единомышленниками. Но главныя, основныя положенія этой категоріи формулированы ими до сихъ поръ до такой степени скало, смутно, что они, повидимому, не имѣютъ достаточно серьезнаго содержанія, приняты пр. Мигулинымъ и др. на вѣру и представляютъ не что иное, какъ petitio principii. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка гр. Муравьевъ-Амурскій, въ аксіоматическихъ положеніяхъ, утверждалъ, что для сохраненія Сибири „необходимо нынѣ же сохранить и утвердить за нами Камчатку, Сахалинъ, устье и плаванье по Амуру и пріобрѣсти прочное вліяніе на сосѣдній Китай“ *. Тогда на первомъ планѣ находилось опасеніе, какъ бы Англія не утвердилась на устьяхъ Амура. Приамурье въ то время было какъ бы res nullius, и потому одно указаніе на возможность овладѣнія имъ отстраняло всякую мотивированную аргументацію. Въ настоящее время прибавилось лишь нѣсколько „аксіомъ“: въ число соперничающихъ государствъ, кромѣ Англіи, включены Японія, Германія и Соединенные Штаты, явилось понятіе о главенствѣ Россіи на Востокѣ, объ ея культурной миссіи тамъ, о наступательномъ ея движеніи на Востокъ, о нахожденіи тамъ ею „выхода къ открытому морю, къ незамерзающимъ берегамъ Тихаго океана“. Эти положенія являются для насъ лишь petitio principii, что и избавляетъ насъ отъ труда разсматривать ихъ.

* Барсуковъ, „Жизнь гр. Муравьева-Амурскаго“, II, 105. (Конфиденціальный докладъ в. к. Константину Николаевичу).

Переходимъ теперь къ аргументамъ экономической категоріи. Экономическую важность расширенія территоріи на Дальнемъ Востокѣ пр. Мигулинъ доказываетъ слѣдующими соображеніями. По огромной задолженности (до 6½ мильярдовъ) Россія стоитъ выше всѣхъ странъ. Задолженность эта возникла въ періодъ времени съ 50-хъ годовъ по слѣдующимъ причинамъ: для ликвидаціи казенныхъ банковъ обратились къ заграничнымъ рынкамъ, гдѣ и реализировали займы изъ 6—7%, дѣйствительныхъ для разсчета со вкладчиками русскихъ банковъ, платящихъ лишь 4%. Это вызвало полное разстройство денежнаго обращенія, которое пытались поправить также съ помощью внѣшнихъ займовъ. Для организаціи ипотечнаго кредита, упраздненнаго съ ликвидаціей тѣхъ же казенныхъ банковъ, обратились снова къ иностраннымъ денежнымъ рынкамъ, гдѣ также была заключена главнѣйшая часть займовъ для сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, возникла колоссальная задолженность, въ результатѣ которой является ежегодная уплата однихъ процентовъ на сумму не менѣе 287 милліоновъ въ годъ. Чтобы избѣжать новыхъ внѣшнихъ займовъ, неизбѣженъ вывозъ русскихъ произведеній не менѣе, чѣмъ на эти 287 милліоновъ въ годъ. Кромѣ уплаты процентовъ, нужно думать также и о погашеніи самаго долга, почему приходится вывозить даже тѣ продукты, въ которыхъ нуждается сама страна, т. е. сырье всякаго рода, особенно хлѣбъ, и на этотъ главный предметъ русскаго экспорта неизбѣжны такія низкія цѣны, которыя возможны лишь

при экстенсивной системѣ земледѣлія. „Экстенсивная же система земледѣлія, говоритъ проф. Мигулинъ, возможна лишь при огромной неистощенной площади земель, которая все болѣе и болѣе у насъ сокращается, вызывая разореніе населенія и вынуждая его къ переселеніямъ. Отсюда необходимость расширенія этой площади, возможнаго лишь за счетъ свободныхъ и незаселенныхъ земель азіатскаго материка между Россіей и Китаемъ, отсюда и стремленіе русскаго народа по направленію къ Дальнему Востоку". Но какъ уже показала текущая война, для пріобрѣтенія территорій, на которыхъ могла бы процвѣтать столь любимое русскимъ народомъ экстенсивное хозяйство, также необходимы займы и невыгодныя финансово-политическія операціи (заемъ въ 800 мил. франковъ, выпуски серій на 150 мил. съ уплатой 3,6%, торговый договоръ съ Германіей), то получается какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не можетъ быть выхода: чтобы погасить долги и уплатить проценты, необходимо пріобрѣтеніе новыхъ территорій, а для этого нужно дѣлать новые долги и уплачивать новые проценты... Чѣмъ же это можетъ окончиться? Самъ проф. Мигулинъ признаетъ, что „увеличеніе территоріи нашей не можетъ, разумѣется, быть безконечнымъ", и только надѣется, что „можетъ быть" Россія прежде „покончитъ съ задолженностью", чѣмъ успѣетъ распахать и истощить всѣ свои земли. Перспектива не отрадная, такъ какъ для подобной надежды не видно солидныхъ основаній. Экстенсивность сельскаго хозяйства для Россіи представляется г. Мигулину ка-

кой-то роковой необходимостью, съ которой невозможно бороться; малоземелье европейское, въ результатѣ котораго является эмиграція, пр. Мигулинъ вполнѣ отождествляетъ съ „малоземельемъ" русскимъ, хотя на Западѣ это нужно понимать въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ слова, принимая во вниманіе густоту населенія и ограниченность территоріи вообще; въ Россіи же „малоземелье" является слѣдствіемъ внутренняго, бытоваго и общественнаго, неустройства, невѣжества и отсталости русской крестьянской массы во всѣхъ отношеніяхъ. И экстенсивность земледѣльческаго хозяйства въ Россіи должна считаться не какимъ-то стихійнымъ, пока не устранимымъ явленіемъ, а результатомъ извѣстной организаціи ея внутренней жизни, что должно исчезнуть съ измѣненіемъ этой организаціи.

Труды послѣднихъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ достаточно раскрыли причины хронической экстенсивности русскаго земледѣльческаго хозяйства и указали средства и пути для его измѣненія въ хозяйство интенсивное.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что тѣ сотни милліоновъ, которые идутъ теперь на пріобрѣтеніе новыхъ территорій, необходимыхъ, по мнѣнію пр. Мигулина, для продолженія экстенсивности этого хозяйства, могли бы съ очевидной пользой и съ очевидными результатами употребиться именно въ желательномъ направленіи. Но становясь даже на точку зрѣнія пр. Мигулина, можно сказать, что въ Россіи еще такъ много земель для экстенсивнаго хозяйства, что въ пріобрѣтеніи новыхъ территорій

пока нѣтъ надобности. Не говоря о Сибири, колонизаціонная емкость которой далеко еще не исчерпана, въ одномъ Приамурьѣ, по вычисленію г. Кауфмана, готово для пріема переселенцевъ до $1^1/_2$ милліона десятинъ. „Нашъ земельный фондъ въ Европѣ, справедливо говоритъ г. Пѣшехоновъ, далеко еще не исчерпанъ, между тѣмъ населеніе въ поискахъ земли бѣжитъ за Уралъ и переплываетъ океаны. Можетъ-ли считаться раціональнымъ переселеніе за многія тысячи верстъ, куда-нибудь на Амуръ и въ Уссурійскій край, когда обширныя пространства земли на Сѣверномъ Кавказѣ, въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ обрабатываются пришлыми рабочими? Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири крестьяне настолько уже стѣснены землей, что вынуждены переходить къ трехпольному и чуть-ли не къ плодопеременному хозяйству; между тѣмъ въ тѣхъ же южныхъ и юго-восточныхъ, несравненно болѣе близкихъ къ рынку степяхъ царитъ экстенсивная переложная система. Достаточно этихъ явныхъ, бьющихъ въ глаза своими размѣрами, несообразностей, чтобы настаивать на крайне неправильномъ распредѣленіи сельскохозяйственнаго населенія по отдѣльнымъ областямъ имперіи. Едва-ли нужно говорить, какое громадное вліяніе оказываетъ этотъ фактъ на сельскохозяйственную промышленность, уже втянутую въ сферу мѣновыхъ отношеній, и на положеніе земледѣльческаго населенія, результаты хозяйственной дѣятельности котораго въ значительной уже мѣрѣ зависятъ отъ рынка“ *. Но одного разселенія совершенно недо-

* „Земельныя нужды деревни“, „Рус. Богат.“, 1904, № 7, стр. 100.

статочно для правильнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, какъ убѣдительно доказываетъ тотъ же авторъ. „Сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается не только въ томъ, что въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ замѣчаются избытки земледѣльческаго населенія, но и въ томъ, главнымъ образомъ, что нашъ крестьянинъ, благодаря недостаточному обезпеченію надѣльной землей, съ самаго начала былъ поставленъ и доселѣ остается въ двусмысленномъ положеніи не то самостоятельнаго хозяина, не то подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора. Стало быть, и задача заключается не только въ болѣе правильномъ и свободномъ размѣщеніи населенія на территоріи, но и въ томъ, чтобы вывести, наконецъ, крестьянина изъ этого нелѣпаго положенія. Для этого же необходимо снабдить его достаточнымъ количествомъ земли.

Можно думать, что государственныхъ земель для этого, даже безъ Маньчжуріи, у насъ хватило бы. Въ крайнемъ случаѣ въ этихъ цѣляхъ могли бы быть предприняты обводнительныя и осушительныя работы, могущія дать неизмѣримыя еще пространства пригодной для культуры земли. Но и за всѣмъ тѣмъ разрѣшить исключительно этимъ путемъ задачу невозможно. Если бы все необходимое для упроченія крестьянскаго хозяйства количество земли нарѣзать на окраинахъ, то для этого пришлось бы переселить туда громадную часть крестьянства, т. е. произвести полную пертурбацію въ размѣщеніи населенія. Это было бы равносильно новому переселенію народовъ. Не говоря уже о невыполнимости подобнаго плана рѣшенія задачи

онъ и по существу представляется нецѣлесообразнымъ до нелѣпости. Осуществить его—это значило бы отказаться отъ большей части того, что нажито тысячелѣтней культурой и, въ частности, промѣнять мягкія и удобныя земли на безплодные солончаки и лѣсныя дебри. Ставя вопросъ въ этой формѣ, я желаю лишь рѣзко обозначить границы раціональнаго переселенія. При самой широкой постановкѣ переселенческаго дѣла во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы все земледѣльческое населеніе, рабочія силы котораго могутъ быть цѣлесообразно использованы при возможномъ въ данный моментъ уровнѣ хозяйства, осталось на старыхъ мѣстахъ" *. Но переселеніе, такъ рекомендуемое др. Мигулинымъ, должно вредно отзываться на оскудѣвшемъ центрѣ. „Слабѣе населенныя и болѣе богатыя землями окраины своими экстенсивными формами давятъ на земледѣліе коренной Россіи, и это давленіе является одной изъ важнѣйшихъ помѣхъ для интенсификаціи въ послѣдней хозяйства, въ особенности хозяйства чисто-денежнаго, помѣщичьяго. Съ каждой новой дорогой, приближающей окраины къ рынкамъ, давленіе ихъ становится все сильнѣе. Чтобы ослабить невыгодныя послѣдствія проистекающихъ отсюда конъюнктуръ, помѣщики черноземнаго центра желали бы использовать въ своихъ интересахъ методы международной и междуклассовой борьбы. Главныя свои надежды они возлагаютъ на желѣзнодорожные тарифы, которые должны ослабить конкуренцію окраинъ, да

* Ibid., 101.

на льготы и субсидіи, которыя позволили бы имъ поддерживать производство за счетъ другихъ классовъ. Легко, однако, понять, что такими средствами нельзя справедливо разрѣшить вопроса о взаимныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ различныхъ мѣстностей Россіи. Съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія для этого есть только одинъ путь: для этого необходимо прежде всего такъ или иначе устранить соціально-политическія препятствія, которыя мѣшаютъ населенію свободно размѣститься въ странѣ, сообразуясь съ ея естественными условіями и своими хозяйственными потребностями.

Задача эта несравненно сложнѣе, однако, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Возьмемъ тотъ же вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ центра и окраинъ: у него есть и обратная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ даже отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири крестьяне вынуждены уже переходить къ трехполью и чуть-ли не къ плодопеременной системѣ, тогда какъ въ болѣе культурныхъ и болѣе близкихъ къ рынкамъ областяхъ ведется то же трехпольное и даже залежное хозяйство. Не этимъ-ли объясняется столь удивляющее насъ сибирское малоземелье? Не черезчуръ-ли рано крестьяне были вынуждены заселять Сибирь вплоть до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ, и не черезчуръ-ли, несмотря на всѣ стѣсненія, уплотнилось сибирское населеніе? Значительная часть этого населенія при иныхъ земельныхъ отношеніяхъ не нашла ли бы себѣ достаточно еще простора въ Европейской Россіи? И если мы измѣнимъ желѣзнодорожные тарифы, какъ того желаютъ землевладѣльцы

центра, то не обречемъ-ли тѣмъ самымъ значительную часть уже втянутаго въ сферу мѣновыхъ отношеній сибирскаго населенія на острия головки? Съ паденіемъ мѣстныхъ цѣнъ на продукты, не вынуждено-ли оно будетъ вновь возвратиться къ болѣе экстенсивнымъ формамъ хозяйства, для которыхъ уже нѣтъ достаточнаго простора даже въ Сибири? Съ другой стороны, если мы передвинемъ новыя массы населенія за Уральскій хребетъ, то не обостримъ-ли мы этимъ сибирскаго малоземелья и, не разрѣшивъ, такимъ образомъ, вопроса здѣсь, не затянемъ-ли мы еще туже узелъ, который желали бы распутать?" *. Но какъ бы то ни было, переселенческій вопросъ считается теперь дѣломъ государственной важности, и потому казалось бы естественнымъ, что именно на его урегулированіе и нужно употребить хотя часть тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя затрачены на охрану новыхъ территорій. Культурное оборудованіе колонизуемыхъ мѣстностей, т. е. прокладка дорогъ, постройка школъ, больницъ, церквей и т. п., ускореніе, облегченіе и удешевленіе пути, помощь на новомъ мѣстѣ при домообзаводствѣ и т. д.—все это необходимыя затраты, польза которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Если пр. Мигулинъ не признаетъ иного выхода изъ тяжелыхъ, безпримѣрныхъ экономическихъ затрудненій, переживаемыхъ теперь Россіей, какъ только безконечное продолженіе экстенсивнаго хозяйства цѣной миллiардныхъ затратъ на пріобрѣтеніе и защиту новыхъ, отдаленныхъ территорій, —то коллек-

* Id., „Рус. Бог.", 1903, № 11, 118—119.

тивная общественная мысль, хотя, по внѣшнимъ причинамъ, и такъ неполно выразившаяся въ дѣятельности сельскохозяйственныхъ комитетовъ,—указываетъ иные выходы, болѣе цѣлесообразные и гораздо болѣе дешевые. Существующій общественно-правовой укладъ русской жизни не представляетъ самыхъ элементарныхъ условій для экономическаго подъема русскаго народа. „При обсужденіи мѣропріятій для поднятія сельскаго хозяйства во главу угла должны быть поставлены правовые вопросы, говоритъ В. М. Гессенъ. Печальное состояніе сельскохозяйственной промышленности не можетъ измѣниться къ лучшему, пока не измѣнятся общія условія русской государственной и общественной жизни, пока она не проникнется неуклоннымъ проведеніемъ начала законности, подъ строгимъ общественнымъ контролемъ. Необходимо, чтобы законность была руководящимъ началомъ для административной власти: только твердое и неуклонное исполненіе закона можетъ воспитать въ населеніи уваженіе къ нему и уваженіе къ лицамъ, призваннымъ его примѣнять.“

Таковъ тотъ Leitmotiv, который во всевозможныхъ варіаціяхъ проходитъ красною нитью чрезъ труды значительнаго числа уѣздныхъ комитетовъ.

„Для того, чтобы дѣйствительно помочь нуждамъ деревни, необходимо устранить тѣ общія условія, на почвѣ которыхъ они возникаютъ,—и, прежде всего, необходимо устранить, на ряду съ народнымъ невѣжествомъ, режимъ безграничнаго усмотрѣнія, царящій въ деревнѣ.“

Тамъ, гдѣ правовой порядокъ почти отсутству-

ть, а господствуетъ произволъ, невозможна правильная экономическая дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и прочное благосостояніе населенія. Произволъ въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ въ крестьянскомъ быту тормозитъ всякую энергію и не даетъ свободно развиваться крестьянской предпріимчивости. Правильное устройство крестьянскаго сословія „на твердомъ основаніи законовъ" является насущнѣйшей нуждой сельско-хозяйственной промышленности Россіи. Помѣщичье хозяйство находится въ тѣсной зависимости отъ правовыхъ воззрѣній народа, отъ развитія въ немъ чувства законности. Живя въ деревнѣ, нельзя оградить себя отъ многообразныхъ сношеній, а часто и столкновеній съ крестьянами, и если послѣдніе не воспитаны въ уваженіи къ закону, не только хозяйственная дѣятельность, но и жизнь въ деревнѣ становятся невозможными. Никакія частныя мѣры для подъема хозяйственнаго положенія деревни не принесутъ существенной пользы; необходимо самое строгое и неуклонное требованіе отъ населенія подчиненія закону и установленному порядку и признаніе закона единственнымъ источникомъ распоряженій, исходящихъ отъ начальствующихъ лицъ. Необходимо регулированіе народной жизни только закономъ, охраняемымъ единымъ и общимъ для всѣхъ судомъ"*. Правовая охрана и свобода личности, какъ указали и многіе сельско-хозяйственные комитеты, являются необходимыми условіями и для экономическаго

* „Нужды деревни", ст. г. Гессена „Основы правопорядка", стр. 41—43.

подъема страны. „Личная самостоятельность, предпріимчивость и энергія, говорить тотъ же авторъ, возможны только при условіи правовой охраны личности отъ всякаго надъ нею насилія, при условіи признанія личности неприкосновенной въ мѣрѣ, выработанной опытомъ цивилизованныхъ народовъ и признанной наукою права. Для экономической самодѣятельности населенія необходимо сознаніе, что населеніе обладаетъ извѣстной суммою правъ, гарантирующихъ его хозяйственную работу отъ разнаго рода случайностей, а также сознаніе способностей отстаивать эти права. Безъ увѣренности въ неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ не можетъ быть никакой производительной дѣятельности, никакой предпріимчивости. Первымъ и самымъ существеннымъ условіемъ для предотвращенія окончательнаго упадка деревни должно служить обезпеченіе свободы личности (т. е. неприкосновенности личныхъ правъ) въ интересахъ развитія инщіативы, предпріимчивости и хозяйственной самостоятельности населенія. Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté.

Система административной опеки приводитъ къ гражданскому безправію; гражданское безправіе къ отсутствію самодѣятельности, общественной и личной. Всего меньше самодѣятельности тамъ, гдѣ всего больше административной опеки,—въ крестьянской средѣ. Самодѣятельности крестьянина негдѣ проявиться; даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своей надѣльною землей крестьяне связаны по рукамъ и ногам

административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица. Властная опека надъ крестьянами, распространяющаяся даже на сферу частной жизни опекаемаго населенія, укрѣпляетъ въ нихъ ту „неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ", которая манифестомъ 19 февраля справедливо была признана необходимымъ послѣдствіемъ крѣпостного права; она принижаетъ сельское населеніе, убивая въ немъ лучшія гражданскія чувства и низводя даже самыхъ лучшихъ и разумнѣйшихъ крестьянъ на степень безсловесныхъ рабовъ. Вѣчно опекаемое, всѣмъ и каждому подчиненное, исполняющее лишь приказаніе другихъ, наше крестьянство исторически не могло выработать тѣхъ положительныхъ качествъ, которыя необходимы для проявленія творческой дѣятельности. Ничто такъ не убиваетъ личной энергіи, какъ состояніе подъ опекой, постоянная зависимость отъ другого. Система доброжелательнаго попечительства, примѣняющаяся, хотя и не въ одинаковыхъ формахъ, къ различнымъ группамъ населенія, приноситъ вездѣ одинаковые результаты: она убиваетъ самодѣятельность. До тѣхъ поръ, пока система административной опеки останется неприкосновенной, самостоятельность, самодѣятельность, иниціатива останутся несвойственными нашему крестьянству. Для развитія въ населеніи самодѣятельности, предпріимчивости и энергіи необходимо предоставленіе ему большей свободы" *.

* Ibid., 47—48.

Въ цитируемой нами книгѣ „Нужды деревни" можно найти и болѣе детальныя указанія на безусловную необходимость коренныхъ реформъ во внутренней жизни Россіи. Въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ нашли себѣ оцѣнку и тѣ условія чисто-административнаго характера, которыя оказываютъ столь замѣтное вліяніе на застой и даже регрессъ хозяйственной жизни Россіи. „Въ чрезмѣрно-сложномъ, централизованномъ, бюрократическомъ и дорого стоющемъ строѣ нашего государственнаго управленія, въ ущербъ мѣстному самоуправленію резюмируетъ г. Гессенъ мнѣнія комитетовъ, комитеты усматриваютъ одну изъ основныхъ причинъ „неблагополучія" мѣстной жизни. Законодательная дѣятельность отстаетъ у насъ отъ жизни, а не идетъ наравнѣ съ ней; законъ часто превращается въ мертвую букву. Новые законы создаются въ бюрократическихъ кабинетахъ, при предположеніи, что выслушиваніе мнѣній тѣхъ, чьи нужды они должны удовлетворить, можетъ только повредить дѣлу. Современное положеніе настолько серьезно, что, при всей своей доброжелательности и опытности, бюрократія не въ состояніи обнаружить ту жизненную чуткость, какая необходима въ дѣлѣ преобразовательныхъ реформъ; неблагопріятное для народныхъ интересовъ направленіе финансовой политики, усиленіе системы административной опеки, мѣры, направленныя къ сохраненію за крестьянскимъ населеніемъ исключительнаго правового положенія, ограниченіе доступа населенія къ образованію—всѣ эти явленія могли развиться только на почвѣ разобщенно-

между законодательною властью и мѣстными нуждами, какъ онѣ понимаются земскими дѣятелями. Необходимо, очевидно, осуществленіе въ жизни такихъ мѣръ, которыя гарантировали бы единство правительственной политики и мѣстныхъ интересовъ. Безъ такихъ гарантій не можетъ существовать увѣренности въ томъ, что эта политика не будетъ развиваться въ противорѣчіи съ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ самоуправленія и съ интересами крестьянскаго хозяйства и что всей созидательной дѣятельности земства не будетъ положенъ полный конецъ, какъ о томъ проникаютъ слухи и въ печать" *. Указанныя реформы общаго характера, равно какъ урегулированіе такихъ вопросовъ, какъ вопросъ объ арендѣ, кооперацiяхъ и т. п., имѣютъ то драгоцѣнное свойство, что для ихъ осуществленія не нужно напрягать платежныя силы населенія и отнимать людей отъ ихъ обычныхъ занятій, а нужна лишь творческая законодательная дѣятельность bona fide. Значительныхъ суммъ потребовалъ бы вопросъ народнаго просвѣщенія: но даже 200 милліоновъ, которые, приблизительно, понадобились бы для введенія въ Россіи всеобщаго обученія, были бы все-таки въ три раза меньше, чѣмъ сооруженіе Китайской Восточной желѣзной дороги. Связь экономическаго подъема народа съ просвѣщеніемъ также хорошо раскрыта въ трудахъ комитетовъ.

„По мнѣнію коммиссіи по общему и спеціальному образованію, учрежденной Самарскимъ коми-

* Ibid. 85.

тетомъ, говоритъ Н. В. Чеховъ, низкое состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи является одной изъ главныхъ причинъ бѣдности населенія и дѣлаетъ трудъ его менѣе производительнымъ, чѣмъ трудъ населенія другихъ культурныхъ странъ. Бѣдность же населенія является самымъ серьезнымъ препятствіемъ для успѣшной борьбы съ народнымъ невѣжествомъ посредствомъ школы, такъ какъ громадное большинство населенія не способно даже оцѣнить, какъ слѣдуетъ, пользу школьнаго образованія. Результатами бѣдности и проистекающаго отъ него невѣжества является недостаточное потребленіе не только мяса, но и хлѣба, который мы посылаемъ въ Европу съ лишеніемъ для себя, усиленіе смертности, увеличеніе числа той части населенія, которая сама не можетъ прокормить себя (дѣтей, сиротъ, вдовъ, стариковъ, калѣкъ и т. п.). Всѣ эти факторы, вмѣстѣ взятые, способствуютъ особенному распространенію въ Россіи заразныхъ заболѣваній и громаднаго количества глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Невѣжество и малокультурность русскаго народа крайне затрудняютъ управленіе имъ и регулированіе его жизни. Россія поэтому находится въ наихудшихъ условіяхъ для образованія устойчиваго политическаго цѣлаго. Масса русскаго народа по своему невѣжеству совершенно не понимаетъ христіанскаго ученія, истинно религіозное чувство развито въ немъ слабо. Бѣдность, умственное убожество, физическая и нравственная слабость являются главными причинами пьянства". То же невѣжество влечетъ за собою неумѣніе обращаться съ землею и вести мало-маль-

скп способное хозяйство. Безъ образованія, по мнѣнію комитета, не можетъ быть ни истинной религіи, ни общественнаго порядка, ни народнаго богатства, ни народнаго здравія, ни даже разумнаго различія добра и зла.

Еще подробнѣе останавливаются комитеты на связи общаго развитія населенія съ его экономическимъ благосостояніемъ. Многіе иллюстрируютъ эту мысль цѣлымъ рядомъ сравненій изъ жизни Западной Европы и Сѣверной Америки. Существуетъ доказанная статистическими изслѣдованіями прямая зависимость продуктивности труда отъ продолжительности школьнаго періода (Мензелинскій комитетъ). Начальное образованіе имѣетъ первенствующее значеніе въ числѣ факторовъ, обусловливающихъ народную самодѣятельность и созданіе тѣхъ культурныхъ условій деревенской жизни, на почвѣ которыхъ только и можетъ процвѣтать деревенское хозяйство (сводъ мнѣній комитетовъ Смоленской губ). Утвержденіе, что грамотность и умственное и духовное развитіе народа повышаютъ сами по себѣ производительность народнаго труда, является въ наше время истиной, не требующей никакихъ доказательствъ. Многочисленныя статистическія изслѣдованія въ совершенно различныхъ отрасляхъ труда, въ томъ числѣ и въ сельско-хозяйственной промышленности, установили несомнѣнную зависимость успѣха предпріятія отъ качествъ участвующаго въ этомъ предпріятіи исполнителя—человѣка, отъ достоинства его работы, отъ знанія рабочихъ и техническаго персонала, отъ ихъ опытности, осмысленности и даже просто отъ

степени внимательности и выдержки. Ихъ умѣніе приспособляться къ окружающимъ условіямъ и извлекать изъ даннаго положенія и средствъ наибольшую сумму продуктовъ особенно важно въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. До тѣхъ поръ, пока крестьянинъ будетъ невѣжественъ, приниженъ и лишенъ всякой иниціативы и предпріимчивости пока онъ не будетъ самостоятельно мыслящимъ работникомъ, сознательно относящимся ко всякаго рода усовершенствованіямъ,—до тѣхъ поръ немыслимы никакія улучшенія въ техникѣ и экономіи сельско-хозяйственнаго промысла (Балашовскій комитетъ). Того же мнѣнія держится и большинство уѣздныхъ комитетовъ: проникновеніе сельско-хозяйственныхъ знаній въ народную массу, по ихъ мнѣнію, невозможно, пока образованіе не сдѣлается всеобщимъ достояніемъ"*. 8 сельско-хозяйственныхъ уѣздныхъ комитевъ обратили особенное вниманіе на непроизводительные расходы государства, къ которымъ, между прочимъ, они отнесли и окраинную политику.

На послѣднемъ вопросѣ съ особеннымъ вниманіемъ остановился кн. А. Д. Голицынъ въ Харьковскомъ уѣзди. комитетѣ: „Обратите вниманіе, доказывалъ князь,—на слѣдующій странный фактъ. Всѣ государства расширяютъ свои владѣнія для вполнѣ опредѣленныхъ цѣлей—или же территорія, вновь присоединяемая, являетъ изъ себя богатую страну, могущую дать новый источникъ обложенія

---

* Статья „Народное образованіе" Н. В. Чехова въ сборникѣ „Нужды деревни", стр. 360—362.

и доходности для метрополіи, или же она нужна, какъ новый рынокъ для сбыта продуктовъ производства оной: но такъ или иначе, колоніи и пріобрѣтенныя территоріи у всѣхъ государствъ питаютъ метрополію и служатъ богатымъ источникомъ дохода для нея. Въ этомъ отношеніи яркимъ примѣромъ можетъ служить Англія. Совершенно обратное мы видимъ въ нашемъ государствѣ. У насъ нѣтъ такой окраины, которая не стоила бы намъ огромныхъ суммъ. Мы расширяли до сихъ поръ наши владѣнія лишь для того, чтобы получить новый источникъ расхода для правительства и увеличить снова размѣръ обложенія. Какъ ни странно, но Финляндія—и та стоитъ нашему правительству не мало денегъ, а ужъ объ азіатскихъ владѣніяхъ и говорить нечего. Мы затрачиваемъ 400.000.000 на постройку желѣзной дороги въ Сибири, дважды выстраиваемъ Маньчжурскую желѣзную дорогу по чужой территоріи и ведемъ изъ-за этого крайне дорогую войну, а наравнѣ съ этимъ у насъ въ центрѣ Россіи вы можете найти пространства въ нѣсколько сотъ верстъ въ діаметрѣ, не имѣющія совершенно желѣзныхъ дорогъ, и вся Россія почти полгода въ районѣ грунтовыхъ дорогъ находится въ состояніи полной непроѣздности". В. В. Усовъ въ Суджанскомъ комитетѣ указывалъ на то противорѣчіе, которое, съ одной стороны, заключается въ стѣсненіи мѣстныхъ людей расходовать ихъ средства на мѣстныя нужды и улучшенія, съ другой—въ крайней расточительности государственныхъ средствъ на дорого стоящія желѣзнодорожныя предпріятія. „Заподозрѣны были,

говоритъ г. Усовъ, въ расточительности собственники, черпающіе источникъ средствъ въ обложеніи своего имущества, т. е. тѣ люди, которые въ государствахъ Западной Европы являются элементомъ наиболѣе консервативно-бережливымъ, неохотно разстающимся съ каждой лишней копейкой. Если мы платили, то, значитъ, нужно было платить, и совершенно непонятнымъ является обстоятельство, что въ то самое время, какъ министерство финансовъ ограничило насъ, собственниковъ, въ распоряженіи своими же средствами, для себя лично въ безконтрольномъ распоряженіи чужими деньгами оно не знаетъ никакихъ ограниченій, и за 10 лѣтъ удвоило свой бюджетъ, изъ котораго, къ тому же, лишь 15% идутъ на удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ страны... Вмѣсто 300—500 милл. по смѣтѣ Сибирская дорога обошлась 800 милл., при чемъ стоимость версты съ одной колеей упрощеннымъ способомъ постройки, съ легковѣсными рельсами, ничтожнымъ подвижнымъ составомъ и т. п., достигла 100 тыс. рублей. Маньчжурская дорога обошлась еще дороже. Между тѣмъ, значеніе Сибирской дороги скажется въ далекомъ будущемъ. Маньчжурская же поставила насъ, кромѣ того, лицомъ къ лицу съ враждебно настроенной Японіей и съ затаившимъ вражду Китаемъ, что заставляетъ насъ нести огромные расходы на содержаніе 200 тыс. войска въ постоянномъ ожиданіи войны, грозящей значительно увеличить и безъ того колоссальную нашу задолженность".

Событія послѣдняго времени на Дальнемъ Во-

стокѣ доказали политическій смыслъ и дальновидность земскихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибочность тѣхъ взглядовъ, защиту которыхъ принялъ на себя проф. Мигулинъ.

Читатель видитъ, насколько непродуманно и поверхностно разбираемое мнѣніе проф. Мигулина о значеніи экстенсивнаго хозяйства для Россіи въ сравненіи съ результатами труда коллективной мысли людей земли и дѣла. Чрезвычайно фальшиво поэтому звучатъ сантиментально-риторическія фразы почтеннаго профессора:

„Народъ нашъ, обладающій страстною жаждою къ землѣ, отлично пойметъ значеніе захвата такихъ областей, какъ Монголія или Манчжурія, съ ихъ обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледѣлія, и для скотоводства. Но онъ пойметъ и значеніе открытаго моря, и важность короткаго общенія (торговаго и политическаго) съ восточными народами, живущими въ иномъ, чѣмъ мы, климатѣ и производящими предметы нашего широкаго потребленія (чай, хлопокъ, пряности, фрукты), безъ которыхъ мы не можемъ обойтись и которые мы могли бы получать непосредственно въ обмѣнъ за производимые нами продукты. Пойметъ нашъ народъ отлично также важность умноженія нашихъ естественныхъ богатствъ— расширеніе площади нашихъ золотоносныхъ, желѣзныхъ, нефтяныхъ, мѣдныхъ, каменноугольныхъ и другихъ мѣсторожденій, которыми столь обильны спорныя области,—пойметъ и пойдетъ на ихъ разработку“.

Успокоительная надежда пр. Мигулина на бла-

гіе результаты хроническаго экстенсивнаго хозяйства окончательно и безповоротно меркнетъ передъ той справедливой и угрожающей характеристикой положенія, которую даетъ г. Пѣшехоновъ въ своей статьѣ „Земельныя нужды деревни". „Безпомощное положеніе, говоритъ онъ, въ которомъ находится Россія передъ лицомъ глубокаго кризиса въ міровой хозяйственной жизни, до нельзя отягчено еще ея правовою и культурною отсталостью, обезсиливающею ее въ международной борьбѣ за существованіе. И это тяжелое положеніе съ каждымъ днемъ,— съ каждой новой мѣрой, которую предпримутъ наши западные сосѣди, съ каждымъ новымъ шагомъ, который сдѣлаютъ они и ихъ колоніи на пути общественнаго или техническаго прогресса—будетъ все усиливаться и обостряться. Аграрная проблема для насъ не праздная выдумка, и не случайная прихоть заставляетъ насъ взяться за ея рѣшеніе. Это— вопросъ о томъ, чтобы сохранить народное производство, а вмѣстѣ съ нимъ и національную независимость. Сельско-хозяйственные комитеты, приглашенные сообразить мѣры, необходимыя для поддержанія сельско-хозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда,— это, конечно, только первая и самая несовершенная попытка призвать общественную мысль къ практическому разрѣшенію очередной, несказанно важной и безусловно неотложной задачи.

Если мы не разрѣшимъ ея во-время, не разрѣшимъ сознательными и планомѣрными усиліями, то передъ нами встанетъ суровая дилемма: или сойти съ исторической сцены хорошо уже знакомой

намъ дорогой недоѣданія и хроническихъ голодовокъ, или искать себѣ метрополію, которая съ чэмбэрленовскою готовностью взяла бы насъ подъ свое высокое покровительство" *. О значеніи Манчьжуріи, какъ арены для практики тамъ экстенсивнаго хозяйства будущими переселенцами изъ Россіи, мы будемъ говорить подробнѣе ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о скотоводствѣ, столь тѣсно связанномъ у насъ съ земледѣліемъ. „Падающее наше скотоводство" пр. Мигулинъ разсчитываетъ „возстановить въ привольныхъ степяхъ Монголіи".

Для осуществленія этой мечты пр. Мигулина нужно очень немногое: нужно, чтобы поселившіеся тамъ русскіе обратились въ кочевниковъ и усвоили весь монгольскій жизненный укладъ, чего абсолютно требуютъ мѣстныя условія скотоводческаго хозяйства, а также и то, чтобы Монголія придвинулась къ рынкамъ сбыта. Ближайшіе мясные рынки совершенно удовлетворяются тѣмъ количествомъ продукта, который теперь поставляетъ Монголія, большаго имъ не нужно, а чтобъ поднять вообще русское скотоводство,—для этого Монголія слишкомъ глубоко вдвинута въ Азію. Почему же русское скотоводство не могутъ поднять степи калмыцкія, степь Киргизская, наконецъ, степная, скотоводческая часть Забайкалья?

Вѣроятно, отъ тѣхъ же общихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ упало скотоводство исконныхъ обитателей этихъ территорій — калмыковъ, киргизъ бурятъ и, vice versa, отъ отсутствія которыхъ

* Id., „Рус. Бог." 1903 г., № 10, 61.

не падаетъ, даже расширяется, австрійское скотоводство на незначительныхъ по объему „пуштахъ“. Вопросу о новыхъ территоріяхъ, какъ о рынкахъ для русской промышленности, проф. Мигулинъ посвящаетъ всего нѣсколько строкъ: „Конечно, произведенные окраинами и вассальными государствами продукты Россія получитъ не даромъ, но она получитъ ихъ за производимые ею продукты, которыхъ теперь дѣвать некуда“. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ явленіемъ той же категоріи, къ которой относится и указанное пр. Мигулинымъ экстенсивное хозяйство, какъ неизбѣжный спутникъ русской народно - хозяйственной жизни: перепроизводство вмѣстѣ съ недопотребленіемъ. Какъ для устраненія перваго явленія проф. Мигулинъ ищетъ новыхъ территорій, такъ для второго—новыхъ рынковъ на этихъ именно территоріяхъ. Оба эти явленія имѣютъ своей исходной причиной ту экономическую политику, которая клонится къ централизаціи экономической власти путемъ крайняго развитія протекціонизма. Въ періодъ времени съ половины 70-хъ годовъ по 1897—98 вывозъ 4 главныхъ видовъ русскихъ хлѣбовъ возросъ съ 257 до 485 милл. пудовъ и, очевидно, не за счетъ увеличенія производства, такъ какъ вывозились не избытки, а земледѣльческое населеніе отдавало свой насущный хлѣбъ, чтобы оправдать себя передъ фискомъ, поддержать отечественную промышленность и оплатить услуги иностранныхъ капиталистовъ. Для оправданія такъ называемаго международнаго торговаго баланса, все больше и больше хлѣба вывозится за границу и все меньше

и меньше идетъ на прокормленіе возрастающему населенію, что особенно видно изъ слѣдующей таблицы:

1894—95	953,9	мил. пуд.
1895—96	829,9	„ „
1896—97	809,1	„ „
1897—98	593,1	„ „

За это время населеніе увеличилось на 9 мил., а количество потребляемой имъ ржи уменьшилось на 360 мил. пуд. *.

Въ сферѣ фабрично-заводской промышленности замѣчается тоже не перепотребленіе продуктовъ, а также недопотребленіе. За чугунъ, керосинъ, сахаръ и друг. русскій потребитель принужденъ переплачивать, его покупательная сила совершенно подорвана, и въ результатѣ получается то, что на мѣстномъ рынкѣ находится огромное количество продуктовъ, не имѣющихъ сбыта, и въ то же время и огромное количество нуждающихся въ этихъ фабрикатахъ потребителей, къ сожалѣнію, не имѣющихъ никакой покупательной силы. По существу, слѣдовательно, въ новыхъ отдаленныхъ рынкахъ для русской промышленности нѣтъ никакой надобности. Это хилое дитя на казенныхъ костыляхъ, вѣчно питающееся народными соками изъ казеннаго рожка, эта отечественная промышленность, вовсе даже и не нуждается въ отдаленныхъ рынкахъ: она довольна тѣмъ высокимъ процентомъ, который можетъ получать съ имущихъ классовъ, благодаря отсутствію конкурренціи, при почти запретительныхъ

* „Экономическая Газета“ 1904, № 14. Статья г. Буха „Хлѣбный вопросъ“.

пошлинахъ. Ниже мы увидимъ, насколько мало наша промышленность даже интересуется на самомъ дѣлѣ Приамурьемъ, Манчжуріей и вообще Дальнимъ Востокомъ.

Такимъ образомъ, не какой-либо стихійный историческій процессъ роста государства вызвалъ исключительно экстенсивное земледѣльческое хозяйство и потребность новыхъ рынковъ, что, по проф. Мигулину, требуетъ захвата новыхъ территорій,—а та совокупность культурныхъ и соціальныхъ условій, на которую указывали сельскохозяйственные комитеты, и экономическая политика, характеризуемая г. Пѣшехоновымъ въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: „Не устрашивъ и даже не ослабивъ зависимости международной, эта политика усилила зависимость соціальную; вызвавъ усиленное производство многихъ продуктовъ, она не предусмотрѣла предѣлъ ему въ распредѣленіи, которое все болѣе и болѣе становилось неравномѣрнымъ; стянувъ громадные рессурсы, она задержала удовлетвореніе основныхъ потребностей государственной жизни ради средства, успѣвшаго сдѣлаться самодовлѣющею цѣлью. Въ результатѣ, богатство города оказалось ненужнымъ при нищетѣ деревни, успѣхи „удачниковъ“—непрочными при неблагополучіи трудящейся массы, накопленіе богатства—невозможнымъ при понижающемся уровнѣ народнаго благосостоянія. Вмѣсто освобожденія отъ чужого рынка, приходилось выкидывать за границу, въ ущербъ себѣ, все большее и большее количество продуктовъ; вмѣсто расширенія производства, пришлось съ еще большими жертвами всячески

ограничивать его стихійный ростъ. Между тѣмъ основныя противорѣчія экономической жизни настолько обострились, что игнорировать ихъ сдѣлалось небезопаснымъ для устойчивости государственнаго организма. Назрѣваетъ необходимость коренного поворота въ экономической политикѣ. Необходимость этого поворота все болѣе и болѣе сознается въ правящихъ сферахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе выясняются въ общественномъ сознаніи тѣ условія, при которыхъ онъ сдѣлается возможнымъ" *.

---

* „Централизація экономической власти" въ сборникѣ „На очередныя темы", стр. 203.

II.

Цифровые результаты русской колонизаціи Приамурья.—Плохіе элементы первоначальной колонизаціи и принудительный ея характеръ.—Искусственные пріемы для дальнѣйшаго развитія переселенческаго движенія въ Приамурье.—Чрезвычайныя льготы и пособія.—Неудовлетворительные результаты колонизаціи съ внутренней стороны.—Почвы Приамурья и примитивная система хозяйства.—Климатъ Приамурья и его вліяніе на земледѣліе.—Недопроизводство хлѣба въ Приамурьѣ. Увеличивающаяся аренда земли китайцами и корейцами у русскихъ переселенцевъ.—Благопріятствующія этому особыя мѣстныя условія.—Неустранимыя мѣстныя причины, тормазящія приамурское земледѣліе. Цвѣтущее состояніе китайскаго и корейскаго земледѣлія въ Приамурьѣ.—Необходимость новыхъ громадныхъ затратъ для колонизаціи Приамурья и разнорѣчивые отзывы представителей мѣстной администраціи о дѣйствительномъ колонизаціонномъ значеніи края. Отсутствіе научнаго изученія Приамурья до самаго послѣдняго времени.—Плохія качества и дороговизна рогатаго скота и лошадей въ Приамурьѣ.—Причины, тормазящія тамъ развитіе скотоводства. Невозможность промышленнаго плодоводства въ Приамурьѣ.—Прямое отношеніе мѣстной фабрично-заводской промышленности къ военно-административнымъ нуждамъ и низкій ея уровень.—Искусственное развитіе Хабаровска и Владивостока и сравненіе послѣдняго съ американскимъ городомъ Такомой.—Корейская и китайская иммиграція въ Приамурье.—Расходы на Приамурье со времени его занятія изъ доходовъ центральной Россіи и характеръ этихъ расходовъ.—Общіе выводы.

Какъ мы говорили выше, движеніе Россіи на азіатскій востокъ началось съ половины прошлаго вѣка, когда по айгунскому трактату съ Китаемъ въ 1858 г. были уступлены земли, лежащія по

лѣвому берегу Амура до Тихаго океана и по Уссури. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ предстоитъ разсмотрѣть, съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, новѣйшія данныя, выясняющія результаты полувѣковаго господства Россіи въ Приамурьѣ, а также и мѣстныя условія, такъ или иначе повліявшія на эти результаты. Нужно прибавить, что мы будемъ имѣть въ виду не показную, такъ сказать, фрапжерейную, сторону культуры, возможную при всякихъ условіяхъ, только бы не щадить денежныхъ средствъ,—а сторону народно-хозяйственную въ широкомъ смыслѣ, результаты сельско-хозяйственной дѣятельности народной массы, а также и определившіеся уже результаты торговой, промышленной и фабрично-заводской жизни края. Не отвлеченныя теоретическія, а потому спорныя, соображенія политической и экономической категоріи подскажутъ намъ не только извѣстные, основанные на очевидныхъ фактахъ выводы, но и дадутъ возможность судить объ истинномъ народно-хозяйственномъ значеніи Манчьжуріи для Россіи: тамъ тѣ же, но болѣе ярко выраженныя, свойства климата, тѣ же условія для сельско-хозяйственной дѣятельности русскихъ пришельцевъ. Отъ болѣе извѣстнаго мы пойдемъ къ менѣе извѣстному, но однородному; знакомымъ, уже точно опредѣленнымъ, масштабомъ мы будемъ, такимъ образомъ, пользоваться для болѣе вѣрнаго и обоснованнаго сужденія о той неожиданной роли, которую почти невѣдомая до сихъ поръ Манчьжурія считается призванной играть въ народно-хозяйственной жизни Россіи, а также о характерѣ и продуктивности

того напряженія и тѣхъ жертвъ для государства, которыя вызвало это новое территоріальное пріобрѣтеніе.

Такъ какъ при занятіи всякой новой территоріи является вполнѣ понятно желаніе предоставить ее въ пользованіе представителямъ оккупирующей страны, по возможности, колонизировать ее изъ метрополіи, то мы укажемъ прежде всего на цифровые результаты русскаго заселенія Приамурья. Прежде всего напомнимъ, что Приамурье, т. е. Амурская и Приморская области, конечно, безъ Охотско-Камчатской окраины, не имѣющей никакого значенія,—заключаетъ въ себѣ до 980.000 кв. верстъ, на которыхъ чисто-земледѣльческаго населенія не болѣе 175.000 человѣкъ: въ Амурской области 78.000 (52.000 крестьянъ и 26.000 казаковъ), въ Приморской области 97.000 (до 80.000 крестьянъ и 17.000 казаковъ). Остальное населеніе края состоитъ изъ инородцевъ (до 60.000), войска и чиновниковъ. Насколько медленно идетъ заселеніе края производительнымъ русскимъ элементомъ, показываютъ слѣдующія данныя: съ 1892 по 1901 г.г. населеніе Амурской области увеличилось всего на 25.000, а въ Приморскую область до 1890 г. переселилось всего $4^1/_2$ тысячи крестьянъ. Заселеніе Уссурійскаго края началось особенно съ 1898 г.: конечно, въ предвидѣніи грядущихъ событій, по первое полугодіе 1903 г. туда было переселено до 46.000 человѣкъ. Изъ сопоставленія этихъ рѣзко различающихся между собою цифръ нельзя не усмотрѣть искусственнаго характера колонизаціи этого района за послѣднее время. Русское населе-

ніе Приамурья распредѣлено далеко неравномѣрно: въ Амурской области—преимущественно по Зейско-Бурейской равнинѣ, въ Приморской—на Ханкайской долинѣ, частью въ бассейнѣ Сучана и по нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Японское море. По границѣ, вдоль Амура и Уссури, тянется лишь рѣдкая цѣпь казачьихъ станицъ и поселковъ; вся же прочая территорія—неоглядная лѣсная пустыня*. Но и въ этихъ мѣстностяхъ Приморской области, въ которыхъ замѣчается наплывъ переселенцевъ, изслѣдователи отмѣчаютъ явленіе перекочевокъ. „Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, особенно въ бассейнѣ оз. Ханка, говоритъ г. Крюковъ, замѣчается довольно оригинальное явленіе: земледѣльческое населеніе, какъ старое, такъ и вновь прибывшее, стремится занимать все новыя мѣста, а старыя деревни постепенно пустѣютъ. Вообще, колонизація Южно-Уссурійскаго края идетъ подобно волнамъ: хлынетъ въ какую-нибудь мѣстность волна народная, а потомъ постепенно сбѣгаетъ. Но вслѣдствіе такого волнообразнаго движенія физіономія края существенно измѣняется: лѣсъ истребляется до чиста, почва истощается и заростаетъ такими бурьянами, съ которыми труднѣе справиться, чѣмъ съ дикой цѣлиной. Новому поселенцу жутко на такихъ мѣстахъ, да и заманить его сюда трудно" **. Это явленіе можно объяснить лишь тѣмъ, что дѣйствительность далеко не оправдываетъ надеждъ

* Эти свѣдѣнія взяты нами изъ одной печатной записки строго-оффиціальнаго происхожденія.

** „Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области". 140.

переселенцевъ. По даннымъ переписи 1897 г., въ Амурской области было всего 103.909 человѣкъ (по 1 на 3³/₄ кв. версты), въ Приморской—112.944 (по 1 на 4 кв. в.); селеній съ 500 и болѣе жителями было въ Амурской обл. 46, въ Приморской 40, а всѣхъ русскихъ поселеній 344 (184 въ Амурской и 160 въ Приморской) *. Нужно сказать, что заселеніе края русскимъ элементомъ началось ровно 50 лѣтъ тому назадъ: еще въ 1854 и 1855 г.г. возникли первыя русскія поселенія въ низовьяхъ Амура, куда принудительно были направлены казаки изъ Забайкалья и добровольно прибыли крестьяне изъ Иркутской губ. и Забайкальской области, а въ 1857 г. туда были отправлены 62 женщины изъ ссыльно-каторжныхъ. Съ 1856 г. началось заселеніе лѣваго берега Амура въ предѣлахъ нынѣшней Амурской области, куда высылались забайкальскіе казаки и поселялись въ пунктахъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, стратегическое значеніе. Въ 1858 г., по настоянію гр. Муравьева-Амурскаго, было отправлено на казенный счетъ 1000 семей на Амуръ, но дошло только 500, такъ какъ ассигнованныхъ средствъ оказалось мало. Переселеніе на казенный счетъ было прекращено; въ 1861 г. переселялись принудительно казаки изъ Забайкалья, штрафные солдаты (586 человѣкъ въ 1860 г.) и очень немногіе добровольные переселенцы изъ крестьянъ, всего около 7 тыс. до 1869 г. Съ этого года до 1882 переселеніе совсѣмъ ослабѣло и вновь оживилось только съ 1883 г., когда стало

* „Дальній Востокъ“, 1904, № 43

выражаться нѣсколькими сотнями семействъ въ годъ. Такимъ образомъ, численность всего русскаго населенія Амурской области дошла до 31.320 человѣкъ къ 1894, по подсчету г. Грумъ-Гржимайло *. Историческія данныя о заселеніи южныхъ частей Приморской области сгруппированы у ген. Унтербергера, бывшаго губернатора Приморской области, въ его трудѣ „Приморская область". Колонизація началась съ 1858 г. принудительнымъ переселеніемъ 150 семей забайкальскихъ казаковъ и штрафныхъ солдатъ, что и продолжалось до 1862 г., когда выяснилась неуспѣшность этой системы. Такая же неудача постигла и 100 человѣкъ финляндцевъ, которыхъ поселили отъ бухты Находка до вершины Уссурійскаго залива. Но колонисты оказались элементомъ не земледѣльческимъ: были провизоры, фотографы, былъ даже одинъ богословъ. Въ 1871 г. всѣ дѣла колоніи были ликвидированы за полной ея неудачей. Послѣ 1869 г. переселеніе въ Приморскую область почти прекратилось, въ виду плохихъ вѣстей отъ первыхъ колонистовъ. Въ 1882 г. ген.-губ. Анучинъ предложилъ организовать переселеніе моремъ на казенный счетъ, и по 1885 г. въ область дѣйствительно были доставлены 754 семьи, послѣ чего этотъ способъ заселенія былъ оставленъ, какъ невыгодный для казны, хотя льготы, предоставленныя для казеннокоштныхъ, остались въ силѣ и для своекоштныхъ. Льготы состояли въ слѣдующемъ: на душу по 15 дес. земли, а на семью 100 дес. maximum, давались орудія

* „Описаніе Амурской обл.", гл. X.

обработки, слагались недоимки, предоставлялась свобода отъ государственныхъ сборовъ въ теченіе 5 лѣтъ. Переселялись уже не обнищавшіе и слабосильные элементы, какъ это было раньше, а люди съ нѣкоторымъ достаткомъ, такъ какъ требовалось, чтобы каждая семья привезла съ собой не менѣе 600 р. Въ періодъ времени съ 1883—1897 г.г. въ Южно-Уссурійскій край переселилось 24.405 человѣкъ, главнымъ образомъ, изъ Полтавской и Черниговской губ. Въ 1894 г. сочли нужнымъ усилить въ краѣ военный элементъ, поднять военный духъ, и рѣшено было привлечь туда казаковъ донскихъ и оренбургскихъ, несмотря на то, что климатическія свойства Южно-Уссурійскаго края далеко не напоминаютъ степей Оренбургской губ. и Донской области. Переселяемымъ были даны большія льготы: свобода отъ земскихъ повинностей на 3 года, кормовое довольствіе во время пути, выдача годового провіанта, ссуда въ 600 р., изъ которыхъ безвозвратное пособіе въ 50 р. на лошадь. Переселеніе каждой семьи стоило казнѣ по 700 р. Въ 1895 г. на этихъ условіяхъ было переселено 183 семьи донскихъ и 50 семей оренбургскихъ казаковъ, всего 1608 человѣкъ. Своекоштное переселеніе къ этому времени совсѣмъ упало, чему способствовала, по мнѣнію ген. Унтербергера, установка интендантствомъ болѣе низкихъ цѣнъ на хлѣбные продукты, такъ какъ переселенцевъ туда и привлекали чрезмѣрно высокія цѣны, безъ которыхъ въ ихъ глазахъ не имѣли значенія и огромные земельные надѣлы. По подсчету г. Мурова, перевозка въ 1895 г. 1422 донцовъ обошлась казнѣ въ

250.000 р. „Бесѣдуя со мною объ этомъ переселеніи, пишетъ г. Муровъ, уссурійскіе старожилы говорили: ѣхали сюда эти самые донцы или хоть оренбуржцы, какъ г.г. офицеры. А пріѣхали—не пожелали строить себѣ ни избъ, ни дворовъ, такъ что начальство вынуждено было нагнать къ нимъ китайцевъ для этихъ построекъ. Даже на пищу отпустили имъ муки 2 сорта: одну къ обѣду, ржаную, другую бѣлую, къ чаю. А на кашу крупы для трехъ перемѣнъ: рисъ, гречневую и буду" *. Такимъ образомъ, переселеніе имѣло или принудительный характеръ, или переселялся элементъ слабосильный, безъ всякихъ средствъ, привлеченный въ край слухами о многоземельѣ и очень большими льготами. Зажиточныхъ, переселявшихся на свой счетъ, было меньшинство, а на самомъ дѣлѣ должно было бы оказаться наоборотъ, въ интересахъ русской культуры въ краѣ. Нестойкость и слабость этихъ элементовъ въ колонизаціонномъ отношеніи скоро обнаружилась и остается таковой до сего дня. „Нигдѣ такъ ярко не выступаютъ лѣнь и безпечность жителей, говоритъ объ Амурской области Коржинскій, нигдѣ не бросаются такъ въ глаза какія-то городскія замашки и претензіи вмѣстѣ съ крайней нищетой и бездомовностью. Здѣсь вы увидите праздныхъ казаковъ, вѣчно слоняющихся безъ всякаго дѣла на улицѣ; бабы и дѣвки ихъ въ отрепанныхъ юбкахъ и грязныхъ кофтахъ городского фасона, неизмѣнно съ папиросками въ зубахъ, похожи скорѣе на обитатель-

* „Люди и нравы Дальняго Востока", 153.

ницъ извѣстныхъ притоновъ въ городскихъ трущобахъ, чѣмъ на крестьянокъ. Здѣсь въ каждой лавчонкѣ вы найдете сардинки, сигары, „иностранныя вина“, но въ цѣлой станицѣ подчасъ невозможно найти крынки молока, десятка яицъ и фунта масла. Казаки сами говорятъ, что „у насъ въ станицѣ можно съ голоду помереть“ *. Казеннокоштные переселенцы въ Приморской области „лѣниво, вяло устраивались, и ихъ хозяйство и черезъ нѣсколько лѣтъ имѣло неустроенный видъ“, говоритъ г. Унтербергеръ **. Многіе изъ донскихъ и оренбургскихъ казаковъ, о которыхъ мы упоминали выше, не захотѣли оставаться въ краѣ и стали требовать обратной перевозки. „Ихъ распредѣлили по поселкамъ и по станицамъ, по распоряженію властей, а противъ главарей пришлось принять энергическія мѣры“, говоритъ тотъ же авторъ ***.

Изъ борьбы съ уссурійской природой, по словамъ г. Мурова, переселенцы пока не выходили побѣдителями. По мнѣнію компетентныхъ старожиловъ, мѣстные казаки вырождаются съ каждымъ поколѣніемъ, дѣти ихъ слабы въ физическомъ и умственномъ отношеніи, они чужды предпріимчивости, энергіи. Несмотря на ихъ 40-лѣтнее пребываніе въ краѣ, имъ извѣстны лишь самыя ближайшія мѣстности къ станицамъ. Изъ боязни тигровъ и хунхузовъ, мѣстное населеніе почти не зани-

* „Отчетъ объ изслѣдованіи Амурской области, какъ земледѣльческой колоніи“, 56—57.

** „Приморская область“, 79.

*** „Op. cit., 105—106.

мается даже охотой, несмотря на обиліе дичи. Донцы вообще старались захватить мѣста, удобныя не столько для земледѣлія, сколько для отхожихъ промысловъ. „Шкотово (недалеко отъ Владивостока), говоритъ г. Шрейдеръ, не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія на посѣтителя. Живутъ, какъ и раньше (т. е. лѣтъ 25—30 назадъ) бѣдно: не видно здѣсь признаковъ зажиточности" *. Вообще, по наблюденіямъ г. Шрейдера, большинство старожильскихъ поселеній отличается грязью, запущенностью и неустроенностью, и лишь деревни переселенцевъ-малороссовъ производятъ благопріятное впечатлѣніе. Эти наблюденія подтверждаютъ фактъ неудовлетворительности большинства русскаго колонизаціоннаго элемента въ Приамурьѣ. Теперь разсмотримъ, какого уровня достигла къ настоящему времени русская сельско-хозяйственная культура края, особенно земледѣліе и скотоводство, два основныхъ устоя народнаго благосостоянія. Система хозяйства въ Амурской области, по словамъ проф. Коржинскаго, весьма примитивна: пользуясь обиліемъ свободной земли, распахиваютъ ее до истощенія (6—8 лѣтъ), бросаютъ и ищутъ другую. Почвенныя и климатическія условія замѣтно оказываютъ неблагопріятное вліяніе на положеніе сельскаго хозяйства въ Приамурьѣ. Съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ удобствъ, проф. Коржинскій Амурскую область, т. е. долину по лѣвой сторонѣ Амура (мѣстности къ сѣверу наполнены горами, лѣсами и болотами) дѣлитъ на три района. Отъ

* „Нашъ Дальній Востокъ", 313.

границъ Забайкалья до Благовѣщенска долина Амура сначала очень узка, участковъ удобной земли очень мало, да и то съ песчаной или супесчаной почвой. Далѣе, къ востоку отъ Благовѣщенска, идетъ низменность между Зеей и Буреей, наиболѣе плодородная во всей области. „Эта площадь, говоритъ проф. Коржинскій, сложена изъ песчанистыхъ глинъ, довольно вязкихъ въ верхнемъ горизонтѣ. Онѣ покрыты слоемъ темной перегнойной почвы, имѣющей на пологихъ увалахъ 4—6 вершковъ, а въ низинахъ до полутора аршина мощности. Мѣстные жители называютъ эту почву черноземомъ. На сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ она, дѣйствительно, по своимъ физическимъ свойствамъ и структурѣ напоминаетъ черноземъ, въ болѣе же низкихъ мѣстахъ она явно полуболотнаго происхожденія. Скорѣе всего можно сравнить эти почвы съ подобными перегнойными почвами Барабинской низменности. Онѣ точно также подобны чернозему и носятъ его имя, хотя ни по своему происхожденію, ни по экономическому значенію ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться съ настоящимъ черноземомъ Европейской Россіи *. Наконецъ, третій районъ, отъ устья Буреи до Хабаровска, состоящій изъ трехъ частей: заливной долины Амура, подверженной наводненіямъ, древней рѣчной террасы, почти сплошь покрытой болотами и каменистыхъ предгорій Малаго Хингана, имѣетъ почву въ наиболѣе удобныхъ для земледѣлія мѣстахъ песчаную, илистую и глинистую. Въ Уссу-

* „Изслѣдованіе Амурской области“, 33.

рійскомъ краѣ преобладаетъ сѣрый суглинокъ отъ 2—6 вершковъ въ толщину. Изъ докладовъ, прочтенныхъ на послѣдней сельско-хозяйственной выставкѣ въ Хабаровскѣ, выяснилось вполнѣ, что всюду въ Приамурьѣ встрѣчается лишь тонкій слой почвы, мощность котораго простирается отъ 2 до 5, рѣдко до 8 вершковъ. Преобладающая почва долинъ—суглинокъ, мѣстами глина, рѣдко встрѣчается песокъ или супесь. Ближе къ сопкамъ и въ почвѣ, и на ея поверхности встрѣчаются камни различной величины. Низкія мѣста подвержены наводненіямъ, и тогда даже выростающая на нихъ трава оказывается малопитательной. Среднія по положенію мѣста также имѣютъ неблагопріятныя для земледѣлія свойства: обильная лѣтняя влага задерживается непроницаемой глинистой подпочвой, сама почва поэтому раскисаетъ, дѣлается вязкой и даже прямо невозможной не только для обработки, но и для проѣзда. Такимъ образомъ, почвенныя условія Приамурья не особенно благопріятны, въ общемъ, для земледѣльческой культуры. Въ отношеніи климатическомъ Приамурье представляетъ большія особенности и значительныя неудобства. Амурская область отличается климатомъ континентальнымъ, продолжительными и сильными холодами зимой и высокой температурой лѣта. Средняя t° января въ Благовѣщенскѣ—25,5°, іюля +21,4, Хабаровска—25,2° и +20,8°. Ясная, малоснѣжная, безвѣтренная зима отличается ровностью, но зато лѣтомъ количество осадковъ громадно: для Благовѣщенска 321,8 миллиметровъ (зимой 3,8), для Хабаровска 363,9 (зимой 25,0),

такъ что 91% всѣхъ осадковъ въ Благовѣщенскѣ и 82% въ Хабаровскѣ приходится только на одинъ пятимѣсячный растительный періодъ. Въ половинѣ іюля наступаютъ страшные дожди, такъ что въ августѣ иногда бываетъ 23 дождливыхъ дня. Лѣтомъ часты росы и сухіе туманы. Въ сентябрѣ начинаются ночные холода, инеи. Отъ этихъ климатическихъ свойствъ Амурской области и происходитъ то, что озимые хлѣба здѣсь не удаются, пшеница мельчаетъ и вырождается, вслѣдствіе крайней лѣтней сырости, травы на влажныхъ лугахъ выростаютъ водянистыми и мало питательными. Такими же, въ сущности, свойствами отличается и климатъ Уссурійскаго края, хотя средняя годовая t° тамъ значительно выше: для Никольска +3°, для Владивостока +4,5°, въ то время какъ для Благовѣщенска —0,7, для Хабаровска +0,5°. Но климатъ даже Южно-Уссурійскаго края нужно назвать континентальнымъ, какъ положительно доказываетъ докторъ Гарнакъ *. Въ Никольскѣ (климатъ его типиченъ для всего края) средняя t° января —22°, и морозы тамъ доходятъ до —39,2°, средняя іюльская +22°, такъ что амплитуда равна 44°, т. е. больше, чѣмъ въ Барнаулѣ, а максимальная t° доходитъ до +33°. Весной, вслѣдствіе огромной разницы въ степени нагрѣванія суши и моря, здѣсь до половины іюля свирѣпствуютъ сильные вѣтры съ моря, особенно холодные въ маѣ, сильно понижающіе температуру и губительно дѣйствующіе на растительность южныхъ склоновъ

* Цитируемъ по „Приамур. Вѣд." 1900 г., № 307.

горъ. Во второй половинѣ лѣта, вслѣдствіе частыхъ и обильныхъ дождей, влажность воздуха доходитъ до полнаго насыщенія, и это, въ связи съ высокой t°, является чрезвычайно благопріятнымъ факторомъ для развитія низшихъ грибныхъ формъ, приводящихъ въ отчаяніе здѣшняго земледѣльца, садовода и огородника („пьяный хлѣбъ", огуречная ржавчина, ржавость листьевъ смородины и пр.). Слѣдовательно, тѣ же основныя черты климата Амурской области, неблагопріятныя для сельскаго хозяйства, остаются въ силѣ и для Уссурійскаго края, еще, пожалуй, увеличенныя большимъ количествомъ лѣтней влажности. Крайняя влажность воздуха въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ не позволяетъ хлѣбнымъ сѣменамъ хорошо наливаться, гонитъ ихъ въ солому, въ ущербъ развитію зерна, значительно содѣйствуетъ распространенію головни и др. паразитовъ; эта же влажность, съ другой стороны, затрудняетъ уборку, такъ какъ крестьянинъ долженъ буквально ловить каждый ясный, солнечный день, чтобы предохранить снопы отъ проростанія и сложить ихъ въ скирды. Та же влажность обусловливаетъ сорность мѣстныхъ хлѣбовъ и ихъ болѣзненность *. Яричный хлѣбъ въ Амурской области

---

* Вслѣдствіе особаго сочетанія климатическихъ условій, всякаго рода низшіе организмы развиваются здѣсь очень быстро и сильно, и многіе изъ нихъ вовсе неизвѣстны въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., грибки, являющіеся причиной „пьянаго хлѣба": хлѣбъ, приготовленный изъ пораженныхъ ими зеренъ, производитъ сильное головокруженіе, тошноту и судороги. По изслѣдованіямъ Пальчевскаго, Воронина и Сорокина, появленіе „пьянаго хлѣба" зависитъ, главнымъ образомъ, отъ

не имѣетъ такой питательной силы, какъ такой же хлѣбъ въ Россіи: это касается не только ярицы и пшеницы, но и овса и др. хлѣбовъ. Еще меньшія питательныя свойства имѣютъ уссурійскіе хлѣба. Паразиты и засоренность еще болѣе понижаютъ качество мѣстнаго хлѣба. Населеніе, питаясь подобнымъ хлѣбомъ, не пріобрѣтаетъ развитія мускульной силы и крѣпости, необходимыхъ какъ земледѣльцу, такъ и воину. Питаніе недоброкачественнымъ хлѣбомъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, какъ извѣстно, ослабляетъ организмъ, дѣлаетъ его слабосильнымъ, болѣе воспріимчивымъ ко всякаго рода психическимъ и физическимъ заболѣваніямъ. Это обстоятельство должно естественно вести къ вырожденію пришлаго населенія даже въ слѣдующемъ поколѣніи. Вредное вліяніе приамурскаго климата на хлѣба, преимущественно культивируемые русскимъ населеніемъ, настолько неустранимо, что даже интенсивная грядовая культура не можетъ вполнѣ парализовать его. Поверхностные наблюдатели напрасно восхищаются ростомъ и чистотой русскихъ хлѣбовъ, разводимыхъ манзами и корей-

---

4 паразитовъ: 1) Fusarium roseum, образующаго на колосьяхъ и зернахъ красныя и розовыя пятнышки, 2 Gibberella Sanbinetti (видоизмѣненіе перваго). 3) мельчайшія бактеріи изъ рода Micrococcus, поражающія внутреннія части зеренъ, 4 Helmitosporium, образующій на колосьяхъ хлопковидный коричневый налетъ. Кромѣ того, на хлѣбахъ Приморской области встрѣчается головня (ustilago), спорынья и др. низшіе организмы. „Пьяный хлѣбъ" оказывается иногда настолько распространеннымъ и упорнымъ явленіемъ, что заставляетъ цѣлыя деревни переселяться на другое мѣсто.

цами грядовымъ способомъ: щуплость и малопитательность зерна не устраняются и при такой культурѣ. Зато растенія, не входящія въ обиходъ русскихъ хозяйствъ, какъ буда, бобы, гаолянъ, развиваются у корейцевъ и маизъ превосходно и даютъ доброкачественное зерно *. При указанныхъ условіяхъ, задерживающихъ земледѣльческое хозяйство Приамурья, самый размѣръ запашекъ увеличивается очень медленно: въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, напр., въ 1895 г. было обсѣменено 43.993, въ 1896—45.590, въ 1897—47.259 десятинъ. „Приамурскій край, говорится въ цитированной выше запискѣ, разсматриваемый какъ цѣлое, до сихъ поръ не только не имѣетъ продажныхъ излишковъ хлѣба, но, напротивъ, ввозитъ хлѣбные продукты въ большемъ количествѣ, чѣмъ ввозилъ 10 лѣтъ тому назадъ“. Это подтверждается слѣдующими данными о ввозѣ хлѣба морскимъ путемъ во Владивостокѣ:

	Пудовъ.	
1895 г.	829.800	
1896 „	1.374.000	
1897 „	1.121.000	
1898 „	1.785.600	
1900 „	1.303.000	(изъ Китая).
„ „	260.000	(изъ Японіи).
„ „	1.356.000	(изъ Америки).

Въ томъ же году изъ Маньчжуріи въ Амурскую область было ввезено на $1\frac{1}{2}$ мил. рублей разныхъ продуктовъ (особенно скота и хлѣба): хлѣбъ вво-

* Крюковъ, „Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области“, стр. 58, 75, 85, 146, 154—157.

зится туда также и изъ Забайкалья. Медленное расширеніе засѣянной площади объясняется разными обстоятельствами: для веденія хозяйства, особенно вначалѣ, требуются немалыя денежныя средства, а кредитъ почти недоступенъ: амурскіе казаки получаютъ деньги изъ станичныхъ суммъ за 6—10% годовыхъ, а крестьяне въ Уссурійскомъ краѣ—за 10—18—36, даже 60%. Это, конечно, должно очень вредно отозваться на развитіи земледѣльческой культуры въ краѣ. Далѣе, такъ какъ цѣны на хлѣбъ въ Приморской области устанавливаетъ интендантство, какъ главный покупатель, то, вслѣдствіе сильной конкурренціи корейскаго и манзовскаго хлѣба, производство его для русскихъ становится маловыгоднымъ и не оправдываетъ большихъ предварительныхъ расходовъ. Кромѣ того, совершенно новыя, непривычныя для переселенцевъ климатическія условія, при невѣжествѣ и инертности колонистовъ, препятствуютъ успѣхамъ земледѣлія; на хлѣбѣ то появятся паразиты грибка, черви и гусеница, то хлѣбъ „поломаетъ" сильными мѣстными вѣтрами. Вслѣдствіе этихъ причинъ часть переселенцевъ уклоняется отъ личнаго земледѣльческаго труда. Г. Унтербергеръ говоритъ, что даже по Суйфуну и Цимухэ, на земляхъ расчищенныхъ, отнятыхъ у корейцевъ и манзъ, новые переселенцы не занимаются сами земледѣліемъ, а сдаютъ ихъ въ аренду тѣмъ же манзамъ и корейцамъ. Число такихъ колонистовъ на обѣихъ этихъ рѣкахъ дошло уже до 200. „Изъ числа крестьянъ, отдавшихъ земли въ обработку инородцамъ, часть совсѣмъ прекратила заниматься земледѣліемъ и

живетъ на счетъ чужого труда" *. На послѣдней амурско-приморской сельско-хозяйственной выставкѣ въ Хабаровскѣ выяснилось, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ очень распространенъ обычай отдавать поля для обработки китайцамъ и корейцамъ за извѣстную долю урожая или опредѣленное число пудовъ хлѣба съ десятины. Такой способъ веденія хозяйства особенно распространенъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Переселенцы скоро превращаются тамъ въ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, отдавая землю въ аренду манзамъ и корейцамъ. Напр., въ Никольскѣ въ 1901 г. 65 семей совсѣмъ не занимались хлѣбопашествомъ, отдавая цѣликомъ землю въ аренду, 140 семей засѣвали сами только по 3—8 десятинъ. Земля сдается въ аренду по 6—12 рублей десятина или исполу, причемъ владѣльцы даютъ манзамъ воловъ и зерно для посѣва. По справедливому мнѣнію г. Крюкова, такой способъ хозяйства имѣетъ тѣ невыгодныя стороны, что земля быстро истощается, такъ какъ никто не заинтересованъ въ сохраненіи ея плодородія, и создается элементъ праздныхъ людей, тунеядцевъ, нежелательныхъ особенно въ новомъ краю **. „Крестьяне говоритъ авторъ не разъ цитированной „Записки", по крайней мѣрѣ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, гдѣ наиболѣе рѣзко выражены особенности климата и гдѣ поэтому особенно сильно чувствуется несостоятельность русскихъ способовъ культуры,—все въ большей мѣрѣ дѣлаются про-

* „Приморская область", 135.
** Крюковъ, op. cit., 151.

стыми землевладѣльцами, получателями весьма высокой—благодаря жестокой эксплуатаціи китайскаго труда—земельной ренты“ *. Въ этомъ обстоятельствѣ нужно видѣть не только желаніе крестьянъ жить барами, оставить себѣ лишь minimum труда, но и яркое доказательство существованія особыхъ условій, которыя являются непреодолимымъ препятствіемъ для заселенія русскими Приамурья въ желательной формѣ. Китайскій грядовой способъ обработки земли, выработанный, сообразно мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, путемъ многолѣтняго, если не многовѣковаго опыта, несмотря на все его совершенство въ техническомъ смыслѣ, для русскихъ экономически невозможенъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію г. Кауфмана, „стоимость обработки по китайскому способу, при существующей въ краѣ весьма высокой оцѣнкѣ русскаго труда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ окупиться стоимостью продукта при нынѣшнихъ сравнительно невысокихъ его цѣнахъ. Экономически возможною китайская культура является только для китайца, котораго трудъ, какъ извѣстно, расцѣнивается значительно ниже труда русскаго рабочаго и который притомъ, если онъ хозяинъ-одиночка, не учитываетъ и не цѣнитъ времени, проводимаго на раздѣлкѣ пашни, если же онъ работникъ или арендаторъ, то работаетъ на разныхъ кабальныхъ или испольныхъ условіяхъ, еще болѣе обезцѣнивающихъ его трудъ и оста-

---

* Стр. 16.

вляющихъ землевладѣльцу или предпринимателю достаточную долю ренты или барыша“ *.

Даже частно-владѣльческія хозяйства не оправдали надеждъ, возложенныхъ на нихъ въ этомъ отношеніи: и тамъ, даже въ образцовыхъ, премированныхъ, какъ Фика и Гольденштедта, обработка земли производится китайцами-испольщиками, и владѣльцамъ принадлежитъ лишь опредѣленіе порядка посѣвовъ.

Г. Муровъ привелъ немало именъ владѣльцевъ, которые сдаютъ свои участки въ аренду китайцамъ. „Ученый агрономъ-отзеецъ купилъ 200 десятинъ. Сначала пробовалъ разводить фрукты. Разочаровавшись, продалъ землю купцу Лангелитье за крупную сумму. Нынѣ оно арендуется китайцами“. „Пфейферъ, отзеецъ-врачъ, другъ и пріятель покойнаго барона Корфа, купилъ болѣе 1000 десятинъ прекрасной земли, сдалъ ее китайцамъ и получилъ солидную аренду, живетъ по барски во Владивостокѣ“ **, и т. п.

Такимъ образомъ, ни крестьянское, ни частновладѣльческое хозяйство не дали, да и не могли дать, желательныхъ результатовъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ ***. Русская обработка полей не выдерживаетъ никакого сравненія съ китайской или

* „Матеріалы по вопросу о колонизаціонной вмѣстимости Приамур. края“, 278.

** Муровъ, op. cit., 102.

*** Несмотря на все покровительство, мѣстное земледѣліе въ Южно-Уссурійскомъ краѣ не можетъ удовлетворить даже мѣстную нужду въ хлѣбѣ: въ 1900 г., при потребности въ 2½ мил. пудовъ зерна, недостало 1.137.211 п., въ 1901 г. не

корейской: поля засорены, развитіе хлѣбовъ идетъ хуже, посѣвъ практикуется сплошной, разбросанный. Даже на хабаровскую выставку экспонаты доставлены были въ самомъ небрежномъ видѣ; напр., почти всѣ образцы конопли были засорены камнями, землей, экскрементами мышей. Китайцы и корейцы своей грядовой культурой достигли того, что почвенный слой почти удваивается, и растенія избавляются отъ излишней влаги. А при соединеніи съ дренажемъ эта грядовая культура даетъ еще лучшіе результаты. Сельско-хозяйственныя орудія въ краѣ дороги и не вполнѣ примѣнимы по мѣстнымъ условіямъ: у сакковскаго плуга на твердой почвѣ Уссурійской степи ломаются чугунныя стойки, у геновскаго на нивѣ ломается отвалъ, у шелевскаго всѣ части скоро изнашиваются и т. п. Нужно прибавить, что поправка стоитъ дорого, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе невозможна за недостаткомъ умѣлыхъ людей. Само многоземелье иногда является фиктивнымъ: въ число 100 десятинъ на семью входитъ лѣсъ, кустарникъ, болото, горы, такъ что удобной земли бываетъ иногда 12—15 десятинъ, а остальныя 85 пропадаютъ для пашни, такъ какъ у крестьянина не хватаетъ ни силъ, ни

хватило 1.061.518 п. Въ 1901 г. было ввезено американской муки 750.000 п., а въ первую половину 1903 г.—396.893 п. Притомъ мѣстное зерно далеко уступаетъ по качеству привозному: оно сорно, щупло, сыровато, легковѣсно и часто съ паразитными грибками. Нечего и думать, чтобы такое зерно могло когда либо конкуррировать на заграничныхъ рынкахъ съ американскимъ.

времени, чтобы привести ихъ въ годный для обработки видъ *.

Обильные осадки лѣтомъ производятъ во всемъ Приамурьѣ неожиданныя и страшныя лѣтнія наводненія, и, какъ нарочно, наиболѣе плодородныя мѣста расположились въ рѣчныхъ долинахъ, особенно около устьевъ рѣкъ. Внезапныя наводненія уносятъ сѣно, хлѣбъ, строенія, скотъ, даже людей. Когда въ 1896 г. разлился Суйфунъ, то у одной Полтавской станицы погибло свыше 200 человѣкъ. Число жертвъ по р. Тумень-Ула было свыше 500 человѣкъ. „Еще издали, когда подъѣзжаешь къ деревнѣ, писали въ одну изъ мѣстныхъ газетъ, замѣтно, что тамъ что-то не ладно: не поднимается надъ каждой трубой дымъ столбомъ, не видно заборовъ, стоговъ сѣна, а чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе выступаютъ дома безъ крышъ, оконъ, дверей, съ обвалившейся штукатуркой и сыростью выше оконъ. И съ болью въ сердцѣ видишь, что это слѣды недавняго наводненія. Почти половина домовъ находится въ такомъ состояніи, что жить въ нихъ нѣтъ никакой возможности. Вездѣ встрѣчаете вы печальныя, блѣдныя, исхудалыя лица жителей этой злосчастной деревни; дѣтишки бѣгаютъ по снѣгу оборванныя и босикомъ, скотъ тощій, бродитъ, едва передвигая ноги“ и т. д. **. Конечно, эти огромныя несчастія бываютъ лишь въ годы исключительныхъ наводненій; но гдѣ гарантія, что

* Шрейдеръ, „Нашъ Дальній Востокъ“, 396.

** Цитируемъ по книгѣ г. Шрейдера „Нашъ Дальній Востокъ“, 389.

такое наводненіе не случится въ каждый данный годъ? Мнѣніе о періодичности наводненій не всегда оправдывается; да и вообще возможность гибели хотя бы одной жатвы изъ ряда уцѣлѣвшихъ не соотвѣтствуетъ представленію о желательной прочности земледѣльческаго труда и деморализуетъ земледѣльца, такъ какъ поселяетъ въ немъ вполнѣ понятную неувѣренность, и у него часто опускаются руки. Отъ соединенія всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и происходитъ неудовлетворительное положеніе сельскаго хозяйства въ Приамурьѣ. Пр. Коржинскій говоритъ, что казачье хозяйство въ Амурской области стоитъ на весьма низкой степени развитія. Казаки нисколько не заботятся объ улучшенной обработкѣ земли, о культурѣ иныхъ сортовъ злаковъ, объ улучшеніи скота. Казаки стремятся только захватить какъ можно больше земли, накосить какъ можно больше сѣна, развести какъ можно больше скота—и все это дѣлается поспѣшно, кое-какъ, и потому плохо. Сѣно косится какъ будто для того, чтобы кормить имъ плохой скотъ, который разводится только для вывоза этого сѣна съ отдаленныхъ покосовъ. Получается безтолковый кругъ. Вслѣдствіе громадныхъ покосовъ уборка хлѣба затягивается, сжатый хлѣбъ прорастаетъ въ снопахъ отъ дождей. Населеніе не живетъ въ довольствѣ, несмотря на видимое изобиліе и окружающій просторъ. Даже въ лучшемъ по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ Южно-Уссурійскомъ краѣ для сносной жизни требуется не только постоянный упорный трудъ, безъ праздниковъ и пьянства, но и глубокое знаніе мѣстныхъ

почвенныхъ и климатическихъ особенностей, съ которыми колонистъ можетъ освоиться только послѣ цѣлаго ряда эмпирическихъ, разорительныхъ для него опытовъ, потому что агрономическая наука не можетъ прійти къ нему на помощь за ея слабымъ развитіемъ въ Приамурьѣ. Въ иномъ положеніи находятся хозяйства манзъ и корейцевъ: стремленіе къ интенсивности, любовь къ кропотливому труду, порядку и аккуратности, заботливое удобреніе, распашка, грядовой способъ посѣва, наконецъ, вѣроятно, свойство самыхъ воздѣлываемыхъ ими растеній: буда, овесъ, кукуруза, китайская капуста, овощи, гаолянъ. Отъ этого происходитъ, что поселенія корейцевъ и китайцевъ производятъ безконечно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ казачьи станицы. Пр. Коржинскій особенно одобряетъ корейское село Благословенное въ Амурской области. Г. Крюковъ также очень хвалитъ систему обработки корейскихъ полей. „Корейцы, говоритъ г. Шрейдеръ, въ общемъ живутъ безбѣдно и не испытываютъ крайней нужды: ихъ пашни, хотя и крайне невелики, но, благодаря своему плодородію, удовлетворяютъ ихъ личныя потребности въ основныхъ предметахъ питанія—будѣ, бобахъ и кукурузѣ“ *. Недавно разоренныя маньчжурскія деревни за Зеей около Благовѣщенска, по словамъ „Амурскаго края“, поражали своимъ цвѣтущимъ видомъ и зажиточностью. Словомъ, выходитъ, что китайцы и корейцы—гораздо

---

* Коржинскій, op. cit., 62.

лучшіе земледѣльческіе колонизаторы Приамурья, чѣмъ русскіе.

Помимо уже произведенныхъ громадныхъ затратъ на Приамурье, необходимы новыя огромныя жертвы со стороны государственнаго казначейства, чтобы упрочить русскую колонизацію этого края: устройство цѣлой сѣти грунтовыхъ дорогъ, обширныя осушительныя работы на болотахъ, мокрыхъ и заболоченныхъ мѣстахъ, устройство въ селеніяхъ казенныхъ складовъ муки, сѣмянъ, хлѣба и др. предметовъ хозяйственнаго обзаведенія, а также временныхъ бараковъ для жительства переселенцамъ, а иначе, какъ опасается г. Кауфманъ, либо потерпѣвшіе хозяйственную неудачу поселенцы совсѣмъ оставятъ край, либо ихъ надѣльныя земли перейдутъ почти въ сплошное фактическое обладаніе къ корейскимъ и китайскимъ арендаторамъ. Всѣ эти предпріятія, повторяемъ, потребуютъ огромныхъ денежныхъ затратъ безъ какой-либо серьезной гарантіи за то, что положеніе дѣла измѣнится къ лучшему. Мнѣнія какъ о колонизаціонной емкости Приамурья, такъ и о значеніи различныхъ его мѣстностей для земледѣльческой колонизаціи значительно расходятся между собой: въ то время какъ представители высшей мѣстной администраціи, какъ Гродековъ, Чичаговъ, Омельяновичъ-Павленко, настроены въ этомъ отношеніи оптимистично, большинство мѣстныхъ изслѣдователей, какъ чины усурійской партіи—Кокшаровъ, Пожарскій, Ивановъ, Колчинъ, также проф. Коржинскій, агрономъ Крюковъ и др.—смотрятъ на эти вопросы весьма пессимистично. Проф. Коржинскій положи-

тельно отрицаетъ за Приамурьемъ возможность ...ать русской земледѣльческой колоніей, а г. Крю...овъ утверждаетъ, что „исторія Амура доказываетъ ...шу полную неспособность и непригодность для ...лонизаціи“, и что „Амуръ всегда былъ пустъ, ...лавнымъ образомъ потому, что тамъ очень трудно ...уществовать“. Объективные климатическіе и поч...нные факты и безрезультатность 50-лѣтней коло...низаціи края заставляютъ, дѣйствительно, скло...ниться въ сторону пессимистическихъ взглядовъ ...а Приамурье. Въ исторіи занятія этой окраины ...чрезвычайно рѣзко обнаружилось систематическое ...пренебреженіе къ изслѣдованію и изученію зани...маемой страны, изъ которой увлекающіеся умы уже ...создавали цвѣтущую колонію. „Что же было сдѣ...лано для того, чтобы реализировать всѣ эти на...дежды? Были-ли посланы туда экспедиціи для ...климатическихъ, почвенныхъ и сельско-хозяйствен...ныхъ изслѣдованій? Были-ли устроены земледѣль...ческія станціи, дѣлались-ли опыты культуры тѣхъ ...или другихъ растеній, были-ли призваны туда люди ...знанія и труда для выработки раціональной системы ...сельскаго хозяйства? Нѣтъ. Были посланы по жре...бію невѣжественные казаки изъ Забайкалья, страны ...радикально отличающейся по своей природѣ отъ ...Амурскаго края, и имъ приказано колонизировать ...страну; къ нимъ были причислены „сынки“, штраф...ные солдаты, за дурное поведеніе нетерпимые въ ...строю. Вотъ піонеры русской культуры! Одновре...менно съ тѣмъ потянулись изъ разныхъ мѣстъ Рос...сіи добровольные переселенцы, столь же мало зна...комые съ мѣстными условіями, какъ и забайкаль-

скіе казаки, пришли съ тѣми же самыми пріемамі культуры, которые они практиковали въ средней Россіи. И какъ тамъ, на далекомъ западѣ, русскі крестьянинъ сталкивается съ нѣмецкимъ колони стомъ, который тѣснитъ его во всеоружіи знанія такъ и здѣсь, на восточной окраинѣ, онъ встрѣ чается съ грязнымъ и оборваннымъ маньчжуромъ, который, однако, при ближайшемъ знакомствѣ, ока зывается гораздо болѣе культурнымъ и кромѣ тог лучшимъ знатокомъ сельскаго хозяйства, чѣмъ рус скій крестьянинъ" *.

Переходимъ теперь къ другому основанію сел скаго хозяйства — скотоводству, которое во всем Приамурскомъ краѣ находится въ еще менѣе уд влетворительномъ положеніи, чѣмъ земледѣліе. Ро гатый скотъ въ Амурской области происхожден смѣшаннаго, но, вслѣдствіе частыхъ падежей, те перь получила преобладаніе порода маньчжурска съ поразительно малой молочностью коровъ. Пл хая защита скота отъ морозовъ въ теченіе 7-м мѣсячной зимы, слишкомъ ранняя случка вслѣ ствіе отсутствія надзора еще болѣе ухудшаютъ к чество скота. Случается, что при 5 дойныхъ кор вахъ на дворѣ, говоритъ г. Крюковъ, хозяйка с трудомъ можетъ получить отъ нихъ 2 бутылки м лока, и фунтъ коровьяго масла стоитъ въ дере няхъ 50 к., да и не вездѣ его можно достать.

Молочность коровъ въ Приамурьѣ поразителы мала: лучшія даютъ послѣ отела по 1/2 ведра в день, затѣмъ уже черезъ недѣлю или двѣ уд

---

* Коржинскій, op. cit., 62—63.

ыстро падаютъ, и черезъ 3—4 мѣсяца получается молока не больше стакана. Даже у потомства коровъ, пригнанныхъ изъ Россіи или Сибири, молочность быстро падаетъ, что происходитъ отъ вліянія быковъ маньчжурскаго происхожденія *.

„До сихъ поръ Амуръ, говоритъ пр. Коржинскій, довольствуется коровьимъ масломъ, привозимымъ изъ Томска черезъ всю Сибирь; рогатый скотъ пригоняютъ изъ Забайкалья“. Въ Амурской области хорошія коровы встрѣчаются у молоканъ, но крупныхъ стадъ нѣтъ, въ Приморской нѣкоторыя частныя лица обладаютъ стадами рогатаго скота отъ 75—200 головъ, а всего въ Амурской области рогатаго скота до 45½ тысячъ головъ, т. е. по одной головѣ почти на 5 жителей. Почти столько же скота и въ Приморской области: 38.066 (въ 1897 г.), т. е. по одному животному на 4 души населенія. Забайкальскій скотъ, выросшій на степныхъ, сухихъ пастбищахъ, плохо привыкаетъ къ влажнымъ лугамъ Приамурья. Скотъ корейскій въ Приморской области у русскихъ крестьянъ болѣетъ и гибнетъ, потому что не пользуется тѣмъ внимательнымъ уходомъ, къ которому цѣлымъ рядомъ поколѣній привыкъ у корейцевъ. Цѣна пары рабочихъ быковъ средняго достоинства въ Уссурійскомъ краѣ доходила въ 1900 г. до 350 р. и только благодаря привозу партіи скота изъ Австраліи упала въ 1901 г. до 250 р.; корова, также средняго достоинства, стоила въ Зейско-Бурейскомъ районѣ 40—50 р., а въ 1901 г., благодаря изгнанію маньч-

* Крюковъ, op. cit., 88.

журъ изъ такъ называемаго зазейскаго обрѣза, стоила уже не менѣе 70—80 р. *. Коневодство въ Приамурьѣ оставляетъ желать многаго. Забайкальская и маньчжурская породы лошадей, при всей ихъ быстротѣ, не годятся для возки тяжестей, даже не вполнѣ пригодны для сельско-хозяйственныхъ работъ; томскія лошади, вслѣдствіе вязкости почвы въ періодъ дождей, слишкомъ тяжелы для почтовой гоньбы и для сельскихъ работъ. Монгольскія лошади лучше, но вообще наиболѣе подходящій средній типъ еще не выработанъ въ Приамурьѣ. Томскія лошади въ Амурской области стоятъ отъ 100 до 150 р., забайкальскія отъ 50—80. Въ Приморской области цѣны уже выше: первыя отъ 180—200 р., вторыя отъ 60—100. Для неимущихъ переселенцевъ (число которыхъ возростаетъ) такія цѣны непосильны. По наблюденіямъ пр. Коржинскаго, коневодству въ краѣ мѣшаетъ обстоятельство, причины котораго не выяснены: „кобылы рѣдко вынашиваютъ жеребятъ, часто выкидывая ихъ; жеребята же плохо растутъ и развиваются хуже своихъ родителей. Поэтому крестьяне не имѣютъ не только избытка лошадей, но постоянно прикупаютъ ихъ“ **. Въ Приамурьѣ существуетъ двѣ спеціальныя и мѣстныя причины, чрезвычайно вредныя для скотоводства: эпизоотіи (чума и сибирская язва) и „гнусъ“. Чума и сибирская язва неудержимымъ потокомъ разливаются по Приамурскому краю изъ Монголіи, Маньчжуріи и Ко-

* Кауфманъ, op. cit. 287.
** Op. cit., 40.

ен, и по причинѣ огромнаго протяженія границы .ѣтъ никакой возможности ограничить распростраеніе этихъ болѣзней. Сырыя долины Приамурья :акъ нельзя лучше приспособлены для развитія ибирской язвы. Въ 1887 г. эпизоотія выкосила 3% рогатаго скота въ Зейско-Бурейскомъ районѣ, въ 1869 г. 8% всѣхъ лошадей. „Зараза, говоитъ г. Шрейдеръ, съ поразительной быстротой аспространяется по всей территоріи окраины, не щадя ни одного уголка. Рогатый скотъ иногда валится тысячами, лошади падаютъ въ упряжи посреди дороги, а почтовые тракты усѣиваются трупами павшихъ животныхъ. Доходитъ иногда до эго (какъ это было, напр., всего 2 года назадъ за Никольскимъ), что на всѣхъ притрактовыхъ почтоыхъ станціяхъ падаютъ всѣ лошади, содержатели танцій бросаютъ свои жилища, и въ нѣкоторыхъ гѣстностяхъ края на долгое время прекращается сякое сообщеніе“ *. Даже домашняя птица подержена здѣсь мору, преимущественно отъ холеры дифтерита; вотъ почему разведеніе домашней тицы здѣсь распространено мало, а потому она тоитъ дорого. Хроническимъ лѣтнимъ бѣдствіемъ ля скота является здѣсь „гнусъ“—слѣпни, овода, омары и мошки. „Съ ранней весны уже появлятся комары и мошки, говоритъ г. Грумъ-Гржиайло, а затѣмъ мухи и овода, достигающіе огромыхъ для такихъ насѣкомыхъ размѣровъ (до 1 верика длины). Въ полѣ коровы и лошади не въ сиахъ отмахиваться отъ назойливыхъ насѣкомыхъ;

---

* „Нашъ Дальній Востокъ“, 1897 г., стр. 216.

облѣпленныя ими съ головы до ногъ, онѣ бѣгутъ домой и скрываются между строеніями, находя отдыхъ только ночью. При этомъ овода переносятъ сибирскую язву и заразительныя болѣзни съ больныхъ животныхъ на здоровыхъ“ *. „Гнусъ, говоритъ г. Шрейдеръ, не дающій покоя ни одному живому существу въ жаркіе дни уссурійскаго лѣта являются однимъ изъ серьезныхъ препятствій для развитія здѣсь скотоводства, такъ какъ въ теченіе почти цѣлаго лѣта, пока стоитъ жаркая погода скотъ нельзя выпустить на пастбище и приходится держать его въ закрытыхъ хлѣвахъ, вокругъ которыхъ днемъ и ночью для отраженія гнуса нужно постоянно въ порядкѣ держать дымокуры“ **. Кромѣ того, буйная, свѣжая на видъ растительность здѣшнихъ влажныхъ луговъ даетъ вообще для скота кормъ водянистый и малопитательный. Поэтому и число лошадей въ Приамурьѣ не велико: 49.10[illegible] въ Амурской и 39.215 въ Приморской (т. е. одна почти на 3 и на 5 человѣкъ). Овцеводство въ краѣ развивается плохо: овецъ всего 7.500; это происходитъ вслѣдствіе сырого климата, слишкомъ буйной травянистой растительности и мѣстной болѣзни на овцахъ — печеночной глисты. Не блестяще и свиноводство: разводится преимущественно маньчжурская порода, мелкая, плохого сложенія и съ невкуснымъ мясомъ ***. Въ заключеніе своего бѣг

* Грумъ-Гржимайло, „Амур. обл.“, 557.

** Шрейдеръ, op. cit., 149.

*** Плохимъ состояніемъ скотоводства въ краѣ объясняется значительный ввозъ туда молочныхъ продуктовъ, все бол

аго обзора различныхъ отраслей приамурскаго ельскаго хозяйства остановимся на южно-уссурійкомъ плодоводствѣ, о которомъ почему-то укрѣлились совершенно невѣрныя представленія. Дуаютъ, что въ Приамурьѣ вырастаютъ хорошіе рукты въ дикомъ видѣ, и что легко можно развести плодовыя деревья, привозимыя изъ Россіи. и то, ни другое невѣрно. Дѣйствительно, въ лѣахъ Южно-Уссурійскаго края растутъ яблони, вишни, абрикосы, грецкій орѣхъ, даже виноградъ,— о что это за фрукты? Вотъ какъ характеризуетъ хъ г. Абаза, безпристрастный знатокъ этого дѣла ь краѣ: плоды яблони величиной не крупнѣе ябины; груши терпки и кислы на вкусъ и редставляютъ мякоть, переполненную твердыми рупинками; мѣстные абрикосы величиной съ обыковенную некрупную сливу, вкусъ ихъ не завиенъ; ягоды черешни величиной съ крупную горошину и нѣсколько горьковаты на вкусъ; вишня личается незавиднымъ вкусомъ сырыхъ ягодъ; рецкій орѣхъ имѣетъ некрупные, но чрезвычайно истокожіе плоды; ягоды крыжовника мелки, какъ

болѣе возрастающій: въ 1895 г. на 189.000 руб., 1896 г.— 3.000 руб., 1897 г.—138.000 руб., 1901 г.—491.000 руб. Одного еса ввозится во Владивостокъ: 36.000 пудовъ изъ Россіи, 00 пуд. изъ Китая, Японіи, Германіи и Америки — 0.000 пуд., не считая сливокъ и масла въ консервахъ. До йны пудъ мяса во Владивостокѣ стоилъ 7—8 руб. бутылка олока 25 к. (въ окрестныхъ деревняхъ—10—15 к.). При договизнѣ рабочихъ рукъ разведеніе скота является прямо ыточнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ корейцы и манзы не могутъ быть употреблены въ дѣло.

горохъ, и покрыты жесткими колючками; виноград
синій, мелкій, въ иные годы довольно сладкій, н
разводить массами его не стоитъ; только один
кишмишъ—отличный дессертный плодъ*. Хуж
всего то, что всѣ попытки улучшенія этихъ плохих
плодовъ остаются до сихъ поръ безрезультатными
Эти попытки имѣли любительскій, почти оранже
рейный характеръ, требовали затраты большихъ
средствъ, а при этомъ условіи и въ Петербург
можно выращивать пальмы. Но съ точки зрѣні
широкаго народнаго хозяйства плодоводство в
Южно-Уссурійскомъ краѣ не можетъ имѣть будущ
ности по свойствамъ мѣстнаго климата, о котором
мы уже говорили выше.

Итакъ, развѣ можетъ выдержать любительска
почти оранжерейная, культура плодовъ въ Южно-
Уссурійскомъ краѣ конкурренцію съ привозным
консервированными фруктами—грушами, персика-
ми, виноградомъ изъ Калифорніи и ананасами из
Сингапура?

Какимъ же образомъ, при мѣстныхъ климати-
ческихъ условіяхъ можетъ развиваться въ кра
плодоводство? Попытки акклиматизировать приве-
ные сорта оказались неудачными, опыты гибриди-
заціи (полученія помѣсей съ желаемыми свойства-
ми) еще въ самомъ зародышѣ, но во всякомъ сл-
чаѣ зимніе холода и лѣтняя сырость поставят
извѣстную непреодолимую границу для улучшен
мѣстныхъ плодовыхъ деревъ. Нельзя ожидать осо-
бенныхъ результатовъ отъ дѣйствій наперекор

---

* „Приамурск. Вѣдом.", 1900 г., № 326.

стихіямъ. Если даже деревья, если даже могучій дубъ, портятся на юго-восточныхъ склонахъ горъ Уссурійскаго края, вслѣдствіе рѣзкой разницы весной между жаркими, влажными днями и холодными ночами, то что и говорить о болѣе нѣжныхъ растеніяхъ! Свѣдѣнія о приамурскомъ плодоводствѣ, приведенныя ген. Унтербергеромъ въ его книгѣ „Приморская область", позволяютъ заключить, что удалось достигнуть лишь улучшенія мѣстныхъ яблокъ, но и то лишь подъ условіемъ любительской, почти тепличной культуры, виноградъ же, груши и абрикосы улучшенію не поддаются. Даже и арбузы, по словамъ г. Крюкова, не сладки и водянисты, хотя ген. Унтербергеръ и хвалитъ ихъ.

Но такъ какъ арбузы и дыни требуютъ чисто континентальнаго лѣта, жаркаго, яснаго, безъ дождя и тумановъ, чего нѣтъ въ Приамурьѣ,—то приходится склониться къ утвержденію г. Крюкова.

Такимъ образомъ, важнѣйшія отрасли сельскаго хозяйства въ Приамурьѣ не вышли изъ весьма неудовлетворительнаго состоянія и не даютъ надеждъ на улучшеніе. О зажиточности и благосостояніи сельскаго населенія Приамурья могутъ утверждать лишь поверхностные, случайные наблюдатели, проѣзжавшіе по большимъ дорогамъ края, подобно тому какъ они увлекаются его разнообразной флорой, яркой окраской цвѣтовъ и могучимъ развитіемъ травянистой растительности и придаютъ этому чрезмѣрное хозяйственное значеніе: благосостояніе приамурцевъ лишь видимое, казовое и потому мнимое. Оно не имѣетъ подъ собой солиднаго хозяйственнаго фундамента, серьезныхъ экономи-

ческихъ основъ и поддерживается лишь внѣшнимъ воздѣйствіемъ и искусственными мѣрами: широкими льготами, щедрыми казенными ссудами и пособіями, почтовой гоньбой, перевозкой грузовъ военнаго вѣдомства, казенными поставками по ненормально высокимъ цѣнамъ *, всякими заказами интендантства, корейской и китайской арендой. Тамъ, гдѣ условія хоть нѣсколько ухудшаются — населеніе бѣжитъ, ищетъ новыхъ мѣстъ. Въ послѣднее время замѣчено, что многія переселенческія семьи, заработавъ въ Амурской области нѣкоторое количество денегъ, передвигаются въ западную или среднюю Сибирь, гдѣ на эту сумму можно стать зажиточнымъ хозяиномъ, а въ Приамурьѣ возможно пріобрѣсти лишь самый необходимый инвентарь **.

Такъ какъ правительство интересуется въ Приамурьѣ различными отраслями народнаго труда лишь постольку, поскольку онѣ имѣютъ отношеніе къ содержанію военнаго элемента въ краѣ и къ планамъ его обороны, то мѣстная фабрично-заводская промышленность стоитъ на уровнѣ, еще болѣе низкомъ, чѣмъ земледѣліе и скотоводство: всѣ фабрично-заводскіе продукты, нужные для цѣлей арміи и флота, легко можно получить изъ Россіи и изъ-за границы. Понятно поэтому, что наиболѣе высокаго развитія должно было достигнуть мельничное дѣло (403 мельницы) и солева-

---

* Интендантство въ Амурской обл. покупаетъ крестьянскій хлѣбъ по 80 к. за пудъ, въ то время какъ при частной покупкѣ хлѣбъ стоитъ 60—65 к., а маньчжурскій даже 45 к.

** Кауфманъ, op. cit., 288.

енное (30), чтобы доставлять арміи и флоту такіе необходимые для нихъ продукты, какъ мука и соль, и кирпичное производство (28; всѣ цифры относятся къ 1897 г.), чтобы приготовлять нужный матеріалъ для постройки казармъ и вообще казенныхъ зданій *. Въ 1901 г. въ Амурской области было 87 фабрикъ и заводовъ съ 1103 рабочими и съ производствомъ на 3.255.000 р., а въ Приморской въ 1900 г. 148 фабрикъ и заводовъ (3600 рабочихъ и на 4.100.000 р. производство). Заведенія чисто фабрично-заводскаго типа въ Приморской области оказываются въ поразительномъ меньшинствѣ: 9 механическихъ заводовъ (на производство 190.000 руб.) и спичечный (44.000 р.)**. Въ Амурской области было 9 механическихъ заводовъ (272.000 р.) и 1 стекольный (250,000 р.).

Во всемъ Приамурьѣ нѣтъ даже зачатковъ производствъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, перерабатывающихъ металлы, привозное сырье. При существованіи искусственно высокихъ цѣнъ на хлѣбные продукты, мѣстные капиталисты стремятся пріобрѣсти землю въ собственность, чтобы потомъ отдавать ее въ столь выгодную аренду китайцамъ и корейцамъ. О томъ, чтобы Приамурье могло быть даже сноснымъ рынкомъ для фабрично-

* Унтербергеръ, op. cit., X, XI (приложеніе).

** 4.100.000 р. производства Приморской области распредѣляются такимъ образомъ: 1.059.000 р. винокуренный заводъ, [illegible]7.000 р. мукомольные, 613.000 р. рыбное и китобойное дѣло, 12.000 р. кирпичное и известковое производство, 373.000 р. [illegible]ографское, 63.000 р. искусств. минеральныхъ водъ, 53.000 р. колбасное.

заводской промышленности внутренней Россіи, нечего и говорить вслѣдствіе крайней обширности края и крайней незначительности русскаго населенія въ немъ.

Общій видъ русскихъ поселеній въ Приамурьѣ не внушаетъ понятія о значительности культурнаго уровня, достигнутаго новыми обитателями края. Главная дорога края, Амуръ, несмотря на всю его живописность, отличается безлюдностью и пустынностью.

„Веселые берега долинъ, говоритъ одинъ путешественникъ, поражаютъ васъ полнымъ почти безлюдіемъ. Тутъ положительно отсутствуетъ та бойкая жизнь, житейскій пульсъ народонаселенія, характерные, напр., для такой рѣки, какъ Волга. Если въ теченіе цѣлаго дня вы встрѣтите два парохода, столько же баржъ, это уже много. Если попадется одна станица на протяженіи цѣлой сотни верстъ, вы начинаете убѣждаться въ томъ, что и здѣсь тоже есть населеніе. Но какія это убогія людскія поселенія: рѣдко—рѣдко виднѣется садикъ или огородъ, такъ оживляющіе наши села. На покатомъ къ рѣкѣ и обыкновенно усѣянномъ огромными голышами берегу вьется нѣсколько тропинокъ. Эти тропинки доводятъ васъ до кое-какъ сколоченной лѣстницы, ведущей на крутую возвышенность, гдѣ раскинулась станица. Бревенчатыя избы безъ всякой претензіи на какія-либо украшенія, частенько безъ всякой огородки, производятъ впечатлѣнія какой-то неуютности, безхозяйственности. Вамъ кажется, что это только недавно возникшій переселенческій поселокъ, не успѣвшій обжиться на новомъ мѣстѣ.

Можно подумать, что обыватели здѣсь живутъ лишь на перепутьѣ, пока не отыщутъ другихъ „кисельныхъ береговъ“ *.

Въ pendant къ этому любопытно поставить отзывъ о Хабаровскѣ, административной столицѣ края. „На Хабаровскѣ лежитъ та же печать Амура, широкаго, не занятаго, безпредѣльнаго, чающаго себѣ благъ изъ государственнаго кармана. Вотъ видны громадныя каменныя зданія. Ихъ воздвигла казна. Тамъ ходятъ, живутъ люди: это казенные люди—чиновники, солдаты, желѣзнодорожные служащіе, воспитанники казенныхъ учебныхъ заведеній. Кругомъ, спереди, сзади, все формы и кокарды. Кажется, весь Хабаровскъ состоитъ на государственной службѣ. Рѣдко-рѣдко мелькнетъ частный обыватель. Извозчиковъ и купцовъ тоже, пожалуй, можно причислить къ казеннымъ людямъ. Безъ казны имъ нечего дѣлать, нечѣмъ жить. И живетъ Хабаровскъ, пока казна щедро кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ его“ **. Въ Хабаровскѣ нѣтъ ничего, что органически принадлежало бы ему собственно, и онъ можетъ существовать лишь на счетъ казны. Поѣзда желѣзной дороги изъ Хабаровска ходятъ почти всегда пустыми—нѣтъ ни пассажировъ, ни грузовъ, и только въ вагонахъ III кл. виднѣются проѣзжающіе китайцы. Самый Владивостокъ, конечный пунктъ сѣверно-азіатской желѣзнодорожной линіи, имѣетъ всѣ примѣты города со спеціальнымъ военнымъ и административ-

* „Вост. Обозр.“, 1904, № 78.

* О-въ. „Мысли и факты“. „Амур. Край“. 1903, № 78.

нымъ значеніемъ. Онъ получилъ начало въ 1860 г. въ видѣ военнаго поста (150 жителей); въ 1870 г. въ немъ было 2.500 жителей, въ 1875 г.—4.800, въ 1883 г.—10.000, въ 1890 г.—16.000, въ 1895 г.—21.000, въ 1900 г.—38.000, лѣтомъ 1903 г. около 50.000.

Развитіе Владивостока обусловливалось экстренными общегосударственными мѣропріятіями. Во-первыхъ, здѣсь устраивалась первоклассная крѣпость, тратились милліоны рублей на возведеніе фортовъ, постройку казармъ; во-вторыхъ, здѣсь расположены военно-морскія учрежденія—обширныя мастерскія, докъ, часто стояли на отдыхѣ суда тихоокеанской эскадры; въ-третьихъ, въ послѣдніе годы ввозились массы грузовъ для постройки Уссурійской и Маньчжурской желѣзныхъ дорогъ.

Сообразно съ этимъ, на заднемъ планѣ стоятъ здѣсь интересы торговли, промышленности, вообще плоды мирнаго прогресса и культурной жизни.

Набережная естественной прекрасной бухты Золотаго Рога почти вся занята морскимъ вѣдомствомъ, имѣющимъ у себя и доки. Но для купеческихъ кораблей, пассажировъ, построена лишь 300-саженная набережная, не имѣющая притомъ площади, заставленная грузами, лишенная приличнаго проѣзда; доковъ коммерческихъ нѣтъ; базаръ тѣсный, грязный, состоитъ изъ жалкихъ ларей и деревянныхъ лачугъ; мостовая лишь на 3 версты; освѣщеніе—керосиновое; водопровода нѣтъ; телефоны—лишь въ казенныхъ учрежденіяхъ; конки, омнибусовъ нѣтъ; домовъ съ центральнымъ отопленіемъ и электрическимъ освѣ-

щеніемъ—менѣе десятка; изъ товарныхъ складовъ лишь одинъ большой каменный, вмѣщающій до 200.000 пудовъ. И при такихъ условіяхъ привозъ товаровъ достигъ максимума 22 милл. пудовъ въ годъ, а вывозъ—7 милл. пудовъ; преобладаютъ въ привозѣ грузы казенные и для постройки Восточной Китайской жел. дор., въ вывозѣ—грузы, слѣдующіе въ Квантунскую область, т. е. всѣ эти грузы временнаго характера. Духовнымъ просвѣщеніемъ Владивостокъ похвалиться не можетъ: число учащихся въ немъ во всѣхъ школахъ, считая и Восточный институтъ, достигаетъ лишь 1.200 человѣкъ, при общемъ числѣ учебныхъ заведеній 14.

Владивостокской таможней въ теченіе года пропущено иностранныхъ товаровъ на 8 милл. руб., но взыскано пошлинъ и штрафовъ до $1^1/_2$ милл. р., причемъ по отсутствію складовъ и скопленію грузовъ много разныхъ товаровъ испорчено, и тысячи пассажировъ жалуются на испытанную ими въ таможнѣ мучительную и длительную пытку *.

---

* Поучительную параллель Владивостоку представляетъ американскій городъ Такома, находящійся на другой сторонѣ Тихаго океана и заканчивающій сѣверо-американскую Тихоокеанскую желѣзную дорогу. Такома, столица штата, имѣетъ отъ основанія всего 25 лѣтъ и еще въ 1880 г. считала 1.000 жителей, а теперь сравнялась съ канадскимъ Сѣтлемъ и обладаетъ 52.000 населенія. Это населеніе—постоянное, безъ войскъ, промышленное, быстро прогрессируетъ съ 1888 года, когда до Такомы была доведена трансамериканская желѣзнодорожная линія, параллельная канадской, кончающейся въ Сѣтлѣ. Но несмотря на соперничество этихъ двухъ портовъ, они оба быстро растутъ, причемъ Такома, вѣроятно, превзойдетъ своего болѣе сѣвернаго конкуррента. Уже въ настоящее

Теперь остановимся нѣсколько на явленіи интересномъ и знаменательномъ — корейской и китай-

---

время Такома нѣкоторыми учрежденіями превосходитъ Санъ-Франциско. Такъ, въ Такомѣ имѣется первая въ мірѣ по величинѣ и благоустройству лѣсопильня; склады зерноваго хлѣба, элеваторы здѣсь могутъ вмѣстить 2 милл. кулей (четвериковъ, бушелей), они длиной до 340 саженъ, шириной—21 саженъ; здѣсь же устраивается докъ въ 375 саженъ длины, хотя имѣется уже нѣсколько доковъ въ 50 саженъ и болѣе. Набережная Такомы просторна, принимаетъ къ себѣ всѣ приходящіе пароходы и снабжена всѣми механическими приспособленіями, начиная съ электрическаго освѣщенія. Портъ Такомы принимаетъ свыше 420 входящихъ паровыхъ судовъ за годъ; ввозъ однако достигаетъ лишь суммы 16-ти милл. рублей, тогда какъ вывозъ за тотъ же 1902 г. дошелъ до 12-хъ милл. рублей; приблизительно такими же цифрами экспортъ и импортъ выражаются и въ пудахъ. Такимъ образомъ Такома въ противоположность Владивостоку болѣе вывозитъ товаровъ, чѣмъ получаетъ.

Чтобы охарактеризовать самый городъ Такому со всѣми его удобствами, достаточно сказать, что здѣсь публикуютъ о себѣ восемьдесятъ три церкви самыхъ различныхъ наименованій и направленій и имѣется до сорока учебныхъ заведеній, считая въ томъ числѣ университетъ, при 9,600 учащихся. Университетъ владѣетъ 146,000 акр. земли и имѣетъ годичный бюджетъ въ 1 милл. руб. Въ Такомѣ, кстати отмѣтить, находится съ десятокъ японскихъ коммерческихъ конторъ, и туда ѣдутъ молодые японцы кончать свое образованіе. Имѣется въ Такомѣ и таможня; съ иностранныхъ товаровъ, цѣнностью до 14-ти милл. руб., взыскано пошлины всего 200,000 руб.; коммерсанты не жалуются тамъ ни на какія задержки, а пассажиры проходятъ чрезъ таможню номинально. (Въ 1900 году во Владивостокъ было ввезено грузовъ на 24,000,000 р., вывезено въ пять разъ менѣе). „Владивостокъ и Такома", „Рус. Вѣдом.", 1904, № 243).

Естественное, мирное, культурное, торгово-промышленное развитіе Такомы съ одной стороны, искусственный, военный

ской иммиграціи въ Приамурье. Уже съ начала 70-хъ годовъ были приняты серьезныя мѣры для ограниченія корейской иммиграціи, оказавшіяся безуспѣшными. Корейцы безъ всякихъ средствъ, безъ льготъ, пособій и ссудъ, при наличности всякихъ ограниченій, проникали въ край, поселялись тамъ, успѣшно занимались земледѣліемъ и пріобрѣтали извѣстную зажиточность. Въ настоящее время десятки тысячъ корейцевъ живутъ въ Уссурійскомъ краѣ. Въ началѣ 90-хъ годовъ часть корейцевъ была выселена, а оставшіеся приняли русское подданство, православіе и административную организацію русскихъ крестьянъ: не находя возможности вытѣснить ихъ за предѣлы края, этимъ надѣялись, по возможности, руссифицировать ихъ. Нѣтъ надобности доказывать, что эти внѣшнія мѣры не могутъ дать положительныхъ результатовъ: языкъ, обычаи, способъ веденія хозяйства, пища, весь жизненный укладъ остались у нихъ прежними.

Обращеніе въ православіе и пр. было только неизбѣжнымъ обязательствомъ для сохраненія пріобрѣтеннаго матеріальнаго благосостоянія, возможности жить въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ на родинѣ, въ Кореѣ. Посьетскій участокъ, въ которомъ живетъ до 15 т. корейцевъ, потому что тамъ наиболѣе рѣзко выражены климатическія особенности

формально-бюрократическій ростъ Владивостока съ другой какъ бы символизируютъ тотъ типъ оккупаціи Дальняго Запада, котораго держались Соединенные Штаты, и тотъ характеръ движенія на Дальній Востокъ, который былъ усвоенъ Россіей.

Приамурья, — считается худшимъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а тѣмъ не менѣе корейское земледѣліе тамъ процвѣтаетъ. Это показываетъ, что корейцы, подвинувшись отъ своей родины къ сѣверу, въ предѣлахъ одной и той же климатической зоны, въ какой жили сотни ихъ предшествовавшихъ поколѣній, не нашли тамъ никакихъ препятствій для своего привычнаго образа жизни, для своихъ традиціонныхъ пріемовъ земледѣльческой культуры. Да и вообще желтая раса, не смотря на всѣ внѣшнія препятствія, легко и быстро проникаетъ въ Приамурье, потому что встрѣчаетъ тамъ полное тождество физическихъ условій со своей родиной. Это подтверждается и той охотой, съ которой китайцы и корейцы арендуютъ земли у русскихъ переселенцевъ на очень тяжелыхъ условіяхъ (кстати сказать, большая часть этихъ земель раньше обрабатывалась ими на хозяйскихъ правахъ и была отчуждена отъ нихъ въ пользу пришельцевъ), а также и благопріятными результатами ихъ хозяйственной дѣятельности. Какъ для искусственной, „тепличной“ иммиграціи оказываются безполезными всѣ создаваемыя ad hoc благопріятныя внѣшнія условія, всѣ административныя и финансовыя мѣры, такъ иммиграцію естественную, стихійную, не могутъ остановить внѣшнія препятствія той же категоріи.

Познакомившись съ результатами русской колонизаціи Приамурья, перейдемъ къ вопросу о тѣхъ суммахъ, затраченныхъ для осуществленія колонизаціонныхъ задачъ, суммахъ, которыя, очевидно, не могли быть доставлены самимъ Приамурьемъ.

Книга проф. Ясенольскаго и статья г. Васильева (Дигамма) дали определенный ответъ на этотъ важный вопросъ *. Амурская область за время съ 1871 г. по 1890 г. дала 16.716.700 руб. дефицита, причемъ доходы не подымались выше 746.300 р. (1890 г.), а за весь 50-летній періодъ владенія ею она дала общаго дефицита 32.788.309 руб.

Расходъ на Приморскую область съ 1860 г. по августъ 1900 г. гораздо больше: при доходе въ 37.119.742 р. она потребовала расхода 268.628.156 р., такъ что ея дефицитъ определяется въ 231.508.414 р. Съ 90-хъ годовъ расходы заметно шли crescendo: 1891 г.—$10^1/_2$ мил., 1892 г.—$13^1/_2$ мил., 1898 г.—28 мил., 1899 г.—25 мил. Такимъ образомъ, общій дефицитъ возросъ къ 1900 г. до 264.296.723; притомъ это лишь расходы местные, местнаго губернскаго, а не центральные, главнаго казначейства. Если присчитать % на капиталъ въ 264 мил. за истекшіе годы, то получится еще 13.214.836 руб. Какъ известно, 10% изъ общаго бюджета Приморской области составляютъ расходъ на флотъ, и за 40 летъ по этой статье получится 26.862.815 руб. Такимъ образомъ, общій расходъ на Приамурье за все это время определится въ сумме 304.374.374 р. Если же принять во вниманіе расходы на войско и флотъ въ Приамурье съ 1900 г., расходы по управленію и колонизаціи, то мы врядъ-ли ошибемся, установивъ цифру не менее 400 милліоновъ руб.

---

* „О географическомъ распределеніи государств. расходовъ въ Россіи“ и „Что далъ Амуръ Россіи?“ („Дальній Востокъ“, 1900, № 43).

Наглядное представленіе о цифрѣ 304 мил. руб. дала бы дорога отъ Николаевска на Амурѣ до Петербурга въ видѣ непрерывной ленты изъ пятирублевыхъ бумажекъ, причемъ осталось бы еще 4 мил. руб. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что въ то время какъ средній годовой дефицитъ Приамурья за первое десятилѣтіе равнялся всего 562.052 р., за послѣднее пятилѣтіе уже 21.199.030 руб., т. е. послѣднее 5-лѣтіе въ этомъ отношеніи въ 40 разъ превзошло предшествовавшій періодъ *. Чтобы понять причины этого, а также и общій характеръ расходовъ на Приамурье, приведемъ процентное расчисленіе годовыхъ расходовъ по Приморской области, напр., за 1893 г.

По системѣ госуд. кредита	0,43	%
Вѣд. св. синода	0,54	„
Военнаго министерства	54,31	„
Морского	20,4	„
Министерства финансовъ	5,42	„
Министерства госуд. имуществъ	1,86	„
Министерства внутр. дѣлъ	17,66	„
Министерства народн. просвѣщ.	0,46	„
Министерства путей сообщенія	0,05	„
Министерства юстиціи	0,71	„
Госуд. контроль	0,49	„

* Въ 1897 году въ Приморской области считалось всего 112.944 русскихъ, и если раздѣлить средній годовой дефицитъ (21.975.757) на количество русскихъ семей въ краѣ (18.824) то получимъ на семью 1.168 р. 80 к., т. е. каждая русская семья потребовала пособія въ размѣрѣ, превышающемъ обычную пенсію дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

** Въ то время какъ, по вычисленію проф. Янопольскаго, на каждаго жителя Амурской области расходъ на войско со-

Такимъ образомъ, армія, флотъ и администрація поглотила до 90% всѣхъ расходовъ въ 1893 г., который является, конечно, не исключительнымъ, а ординарнымъ.

Причина этихъ огромныхъ дефицитовъ — страхъ утраты Приамурья: растутъ укрѣпленія, вооруженія, контингентъ войскъ, флотъ, особенно съ 1884 г., основывается приамурское генералъ-губернаторство. Въ 1895 г., послѣ японско-китайской войны, этотъ страхъ усиливается убѣжденіемъ, что Китай „дряхлъ“, что скоро послѣдуетъ его раздѣленіе, что Тихій океанъ—Средиземное море будущаго, и что поэтому Россіи необходимо имѣть подлѣ Китая и на Великомъ океанѣ прочную базу. Чтобы понять, изъ какихъ средствъ пополнялись ежегодные дефициты Приамурья (съ 1868—1890 г.г. по 7.723.000 р. среднимъ числомъ), приведемъ нѣкоторыя губерніи, дававшія превышеніе доходовъ надъ расходами, несмотря на все разореніе этихъ губерній: Воронежская (избытокъ 7.531.000 р.), Курская (7.531.000 р.), Рязанская (5.513.000), Самарская (4.978.000) и т. д.

Очевидно, избытки средствъ центральной Россіи считаются еще настолько значительными, что они могутъ быть передвинуты даже за предѣлы Приамурья, въ территоріи, de jure торжественно признаваемыя чужими...

Резюмируя все, сказанное выше о цѣляхъ,

ставляетъ 10 р., а въ Приморской даже 34 р., на флотъ въ послѣдней 11 р., — на церковь и духовенство въ первой 1 р. 26 к., во второй—65 к., на народное образованіе въ первой—82 к., а во второй — 76 к. (все въ круглыхъ цифрахъ; т. III, таблицы).

пріемахъ и результатахъ колонизаціонной дѣятельности Россіи въ Приамурьѣ, необходимо прійти къ слѣдующимъ выводамъ: цѣли эти имѣли чисто-политическій характеръ и опредѣлялись тѣми „задачами Россіи на Дальнемъ Востокѣ", которыя впервые были поставлены 50 лѣтъ тому назадъ, съ теченіемъ времени осложнялись въ данномъ направленіи и окончательно выяснились и обнаружились въ самые послѣдніе годы, причемъ до 90% всѣхъ расходовъ на Приамурье прямо вызывались этими цѣлями; съ самаго начала до послѣднихъ моментовъ практиковалось искуственное привлеченіе въ край тѣхъ элементовъ, которые прямо или косвенно должны были играть главную роль въ осуществленіи указанныхъ цѣлей и задачъ, почему колонизація возбуждалась, направлялась и регулировалась въ чисто-военныхъ и военно-вспомогательныхъ соображеніяхъ, безъ предварительнаго научнаго изученія, до самаго послѣдняго времени, мѣстныхъ климатическихъ, почвенныхъ и др. условій; несмотря на колоссальныя жертвы, потребованныя отъ центральной Россіи, не только фабрично - заводская промышленность, но даже земледѣліе и скотоводство не процвѣтаютъ въ краѣ, немногочисленное населеніе котораго нуждается въ привозномъ хлѣбѣ, пригоняемомъ изъ сосѣднихъ областей скотѣ и ввозныхъ молочныхъ продуктахъ и не можетъ приспособиться къ мѣстнымъ климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, далеко уступая въ этомъ отношеніи китайцамъ и корейцамъ, естественная иммиграція которыхъ растетъ, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія.

III.

стественныя условія Маньчжуріи съ народно-хозяйственной точки зрѣнія ельефъ, почва, климатъ и его свойства).—Продолжительность и успѣшость китайской колонизаціи Маньчжуріи.—Интенсивность китайскаго емледѣльческаго хозяйства.—Исключительныя свойства мѣстныхъ хлѣбовъ.—Количество русскаго населенія въ Маньчжуріи и его профессіональный составъ.—Различіе русскихъ и китайскихъ пріемовъ въ дѣлѣ олонизаціи Маньчжуріи.—Единодушіе отзывовъ о качествѣ русскихъ олонизаторовъ.—Экономическое значеніе прежнихъ (китайскихъ) и новыхъ (русскихъ) городовъ.—Искусственность созданія Дальняго.—ифровыя данныя о русскихъ торговыхъ оборотахъ въ Китаѣ и Маньчжуріи не даютъ основаній видѣть тамъ рынокъ для русской промышленности.—Подавляющая конкурренція Европы и Сѣв. Америки.—Затрудненія для русской торговли и промышленности на Дальнемъ Востокѣ.—Объясненіе видимаго временнаго оживленія русской торговли въ арбинѣ и Портъ-Артурѣ.—Значеніе морского пути и морскихъ фраховъ въ южную Маньчжурію.—Естественная невозможность для Россіи оставлять въ Китай нѣкоторые виды сырья и полусырья, особенно ребуемые тамъ.—Личныя качества китайскихъ коммерсантовъ.—Отсутствіе данныхъ экономической категоріи при рѣшеніи вопроса о началѣ тройки Восточной Китайской желѣзной дороги.—Отсутствіе предварительнаго плана въ дѣлѣ попытки экономическаго завоеванія новаго рынка.

Сторонники пріобрѣтенія Маньчжуріи указываютъ на нее, какъ на обширную и удобную трану, гдѣ открывается большой просторъ для примѣненія экстенсивнаго хозяйства, слѣдовательно,

какъ на территорію, куда можетъ быть направленъ широкій колонизаціонный потокъ изъ внутренней Россіи. Маньчжурія (600.000 кв. верстъ, по пространству почти равна Австро-Венгріи и вдвое больше Японіи)—страна, настолько гористая, что низменныя пространства являются лишь рѣдкими свѣтлыми пятнами на ея поверхности. Особенно гористый характеръ имѣетъ сѣверная Маньчжурія * (почти 5/6 всей страны), которая заполнена хребтомъ Большимъ Хинганомъ (до 1.000 в. въ длину отъ сліянія Шилки и Аргуни до Зеи къ востоку и на юго-западъ, до Шаньдунскаго нагорья въ Китаѣ), Малымъ Хинганомъ (онъ и отроги его заполняютъ треугольникъ между р.р. Нонни, Уссури, и Амуромъ) и Чанбошаньской горной страной, занимающей пространство между долинами Сунгари и Уссури и Кореей и Ляодунскимъ полуостровомъ. Большой Хинганъ, особенно широкій на сѣверѣ, имѣетъ необыкновенно рыхлый слой почвы, которая, подобно губкѣ, впитываетъ и удерживаетъ воду, не давая ей стекать въ низкія мѣста; поэтому даже наиболѣе крутые косогоры отличаются здѣсь чрезвычайной топкостью. Вслѣдствіе этого весь Большой Хинганъ необыкновенно обиленъ топями и болотами, которыя налагаютъ рѣзкій отпечатокъ на весь пейзажъ. По обилію стекающей воды въ низменныя мѣстности Большой Хинганъ напоми-

---

* Мы имѣемъ въ виду представить не географическій очеркъ Маньчжуріи, а лишь тѣ географическія ея условія которыя должны были бы оказать несомнѣнное вліяніе на хозяйство предназначаемыхъ сюда переселенцевъ изъ Россіи.

часть Уссурійскій край. Но въ то же время все это пространство — не безконечное болото: подъ тонкимъ слоемъ влажной почвы простирается каменистая подпочва, такъ что объ осушеніи ея какимъ бы то ни было образомъ не можетъ быть и рѣчи. На востокѣ съ Большимъ Хинганомъ сливается Хулунбуирское нагорье. По всему этому пространству разбросано множество озеръ съ соленой водой, и прѣсная вода встрѣчается рѣдко, лишь въ горныхъ ущельяхъ. Хулунбуирскія степи имѣютъ очень твердый грунтъ, изъ глины и гравія, и по большей части пропитаны солями. Относительно территоріи, занятой развѣтвленіями Малаго Хингана, должно сказать, что слой земли тамъ очень неглубокъ. Мѣста съ хорошей почвой тамъ не только очень рѣдки, но и расположены въ ущельяхъ горныхъ ручьевъ и по рѣчнымъ долинамъ, подвергающимся наводненіямъ въ періодъ дождей. Чанбошаньская система горъ (между Амуромъ, Сунгари, Мудань-Цзяномъ и Мурени—400 в. въ длину и 200 въ ширину) покрыта дремучими лѣсами, болотами, топкими мѣстами, никогда не просыхающими, съ множествомъ древесныхъ корней и иногда загроможденными огромными корнями. Долина Сунгари представляетъ собою травянистыя степи, озера, болота, влажные луга. Долина Уссури съ перваго взгляда можетъ показаться удобной для колонизаціи, но въ ней много влажныхъ луговъ, болотъ, озеръ, мало возвышенныхъ мѣстностей, и во время наводненія уровень воды поднимается до 5 саженъ, такъ что рѣка нерѣдко разливается на десятки верстъ. Кромѣ того, вода Сунгари для питья не пригодна.

Вотъ что говоритъ академикъ Максимовичъ о флорѣ рѣчныхъ долинъ сѣверной Маньчжуріи, повидимому, столь привѣтливой, если смотрѣть на берегъ съ палубы проходящаго парохода: „Сойдите на берегъ, постарайтесь разглядѣть поближе эту необыкновенную степь, проникнуть въ нее поглубже. Вамъ мѣстами не удается пройти и 100 шаговъ—нога по колѣно проваливается въ толстый слой прижатой зимнимъ снѣгомъ прошлогодней соломы, упругая стѣна растительности, связанная вьющимися травами, передъ вами не раздается, вы должны прикладомъ ружья класть ее передъ собой, чтобы взобраться на нее, вслѣдъ за вами она снова подымается, и вотъ вы на днѣ зеленой воронки съ сажень глубиной и должны руководствоваться солнцемъ или компасомъ, чтобы не кружиться на одномъ мѣстѣ. Различный шиповникъ рветъ вамъ одежду, запрятанные въ травѣ валежникъ и колоды заставляютъ васъ спотыкаться: между тѣмъ вездѣсущіе здѣсь овода, шмели, мошки, комары густымъ облакомъ обдаютъ васъ и не замедлятъ обратить васъ въ бѣгство. Вы чувствуете все безсиліе, всю безпомощность единичнаго человѣка передъ этой мощной, необузданной природой". („Очеркъ растительности восточной Азіи"). Вверхъ по Сунгари равнина поросла жесткими травами или имѣетъ видъ голой степи, испещрена озерами, лужами, а иногда большими переносными дюнами песковъ съ растительностью, свойственной солончакамъ. „Древесная растительность сѣверной Маньчжуріи, несмотря на ея свѣжій, привлекательный видъ лѣтомъ, на самомъ дѣлѣ плоха: деревья здѣсь

не долговѣчны, такъ какъ корни, проходя черезъ очень тонкій слой почвы, встрѣчаютъ непроницаемую каменную подпочву, не могутъ противостоять бурямъ и наводненіямъ и погибаютъ прежде, чѣмъ успѣютъ достигнуть полнаго развитія. Даже строевой лѣсъ здѣсь имѣетъ всего 6—7 вершковъ толщины. Представленіе о несмѣтныхъ лѣсныхъ богатствахъ Маньчжуріи имѣетъ мало основаній. Съ одной стороны, дремучій лѣсъ, покрывающій Хинганъ, недоступенъ для эксплоатаціи вслѣдствіе отдаленности и бездорожья, съ другой—онъ невысокаго качества, такъ какъ, благодаря обилію топей и болотъ, онъ почти наполовину состоитъ изъ гнилыхъ деревьевъ, которыми бури усѣиваютъ склоны горъ и дѣлаютъ окончательно непроходимой маньчжурскую тайгу. Мѣстный лѣсъ настолько плохъ и недоступенъ, что, напр., жители долины Нонни употребляютъ на топливо не его, а кизякъ, камышъ и солому. Въ южной Маньчжуріи лѣса нѣтъ совсѣмъ. Южная Маньчжурія представляетъ по своему рельефу аналогію съ сѣверной въ томъ отношеніи, что въ обѣихъ большую часть страны наполняютъ невысокіе горные массивы, группирующіеся въ двухъ мѣстахъ и раздѣленные широкой, наносной, рѣчной долиной. Ляодунское нагорье поражаетъ дикимъ характеромъ своихъ горныхъ массивовъ, рѣзкость очертаній которыхъ еще болѣе увеличивается полнымъ отсутствіемъ на нихъ древесной и кустарниковой растительности. Военные корреспонденты не разъ удивлялись причудливымъ, пугающимъ горнымъ пейзажамъ южной Маньчжуріи, къ которымъ никакъ не можетъ привыкнуть

глазъ пришельцевъ и которые просто подавляютъ и угнетаютъ ихъ своей необычайностью и безжизненностью. Недаромъ Маньчжурія раньше называлась китайцами „областью мрака". Рѣки южной Маньчжуріи также внезапно разливаются въ періодъ дождей, и по ихъ долинамъ также расположены наиболѣе плодородныя мѣстности, которыхъ вообще мало. Долина рѣки Ляо-хэ, напр., въ самомъ широкомъ мѣстѣ, у моря, имѣетъ всего 90 верстъ въ ширину. Такимъ образомъ, Маньчжурія имѣетъ немного плодородныхъ пространствъ, да и тѣ, какъ увидимъ ниже, почти всѣ уже заняты.

Несмотря на то, что Россія занимаетъ Квантунскій полуостровъ уже 6 лѣтъ и оккупировала Маньчжурію три года тому назадъ, метеорологическія наблюденія производились тамъ лишь въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ,—какъ и всегда, научное ознакомленіе со страной откладывается на самый задній планъ.

Маньчжурія лежитъ въ области восточно-азіатскихъ муссоновъ — періодическихъ вѣтровъ, дующихъ зимой съ азіатскаго материка, а лѣтомъ съ Тихаго океана. Муссонный характеръ маньчжурскихъ вѣтровъ сказывается не только въ періодической смѣнѣ ихъ направленій, но и въ періодичности атмосферныхъ осадковъ. Дующій съ материка зимній муссонъ — сухой, почему зима отличается въ Маньчжуріи сухостью и холодомъ; лѣтній, приносящій съ моря пары — влажный, отчего лѣто тамъ дождливое и туманное. Даже въ Портъ-Артурѣ зимой выпадаетъ осадковъ не болѣе, чѣмъ въ Закаспійской области; въ Джилантунѣ (въ во-

сточномъ предгорьѣ Большого Хингана) въ зиму 1899 г. выпало всего 3 миллиметра осадковъ и было всего 4 дня съ осадками. Лѣтомъ, наоборотъ, преобладаютъ пасмурные дни: въ Джилантунѣ ихъ отношеніе къ яснымъ = 5 : 18, въ Харбинѣ = 11 : 26. Когда лѣтніе дожди дойдутъ до самыхъ отдаленныхъ частей страны (со 2-й половины іюля), то обдаютъ ее почти непрерывнымъ ливнемъ, и въ то же время становится такъ сыро, что бѣлье и обувь зацвѣтаютъ, папиросы, сохраняемыя даже въ закрытомъ помѣщеніи, съ трудомъ закуриваются. Въ общемъ количество лѣтнихъ осадковъ въ Маньчжуріи не менѣе 300 мил., т. е. больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи, исключая лишь кавказское побережье Чернаго моря. Лѣтніе осадки составляютъ, въ среднемъ, $^3/_4$ всего годового ихъ количества, причемъ до половины ихъ падаетъ въ видѣ ливней, сопровождающихся грозами.

О силѣ маньчжурскихъ ливней и наводненій такъ говоритъ очевидецъ, г. Немировичъ-Данченко:

„Сегодня послѣ сильныхъ ливней южная Маньчжурія — сплошное озеро. Лагери, заставы, посты стоятъ въ водѣ. Всюду рвутся бѣшеные потоки. Обозы едва тянутся въ бушующихъ волнахъ. Мѣстами эти потоки перекидываются черезъ желѣзную дорогу, несутся поверхъ мостовъ. Вдоль дамбъ — бурныя рѣки, гдѣ можно утонуть. Домики пограничниковъ залиты. Всадники едва борются съ быстротой теченія. Движеніе пѣхоты и артиллеріи невозможно. Города наводнены. Въ горахъ водопады, сносящіе въ бездны все живое. Повсюду неописуемыя картины разрушенія. Все, что разсказы-

вали о сезонѣ ливней, блѣднѣетъ передъ действительностью“ *.

Тягость дождливаго лѣта увеличивается еще на материкѣ высокой t°, а на берегу Японскаго моря—туманами. Средняя t° іюля—августа на Квантунѣ 24.5° Ц., въ южномъ районѣ Восточной Китайской жел. дор. свыше 26° Ц.; въ сѣверномъ—отъ 20—23° Ц. Максимальная t° доходитъ до 30° Ц. на берегахъ Квантуна, до 36° Ц. въ Харбинѣ. Вотъ что пишетъ тотъ же очевидецъ о маньчжурской жарѣ:

„Какой ужасъ эта жара! Я былъ лѣтомъ въ Марокко, въ іюлѣ и августѣ странствовалъ по Закавказью и Персіи, проводилъ знойное лѣто въ Андалузіи,—но не испытывалъ ничего подобнаго. Тутъ и солнце, и небо кажутся ужаснѣйшими врагами. Грозно блещетъ первое, какъ символъ непобѣдимаго гнѣва; безжалостно обнимаетъ васъ горячею синевою второе, давая вамъ знать—отъ меня тебѣ некуда уйти, негдѣ спрятаться. И внизу все—злобно, распалено, сухо, какъ змѣиная кожа. Закружитъ голову — обопрешься рукою о скалу,—обожжешь ладонь; сядешь на сѣрый выступъ чернаго камня—точно на раскаленную кухонную плиту; хочешь уѣхать—сѣдло за часъ успѣло разжечься донельзя. Пьешь огонь въ воздухѣ, которымъ дышишь, глаза слѣпитъ безпощадный блескъ, въ ушахъ звенитъ,—сердце расширяется до дурноты... Чувствуешь, еще минута — и рухнешь, побѣжденный этимъ страшнымъ маньчжурскимъ зноемъ. И еще

* „Рус. Сл.“, 1904, № 217.

недавно въ такомъ зноѣ, подъ безчисленными огнями солнца должны были итти солдаты, неся на себѣ по два пуда амуниціи! И теперь, посмотрите на нихъ—вѣдь они до боя уже поражены этимъ безпощаднымъ небомъ, убиты зноемъ и замучены жаждою. Все слабѣетъ, все обливается потомъ. Онъ проходитъ сквозь рубашку, сюртукъ, сквозь хваленое англійское хаки... Мокры вы, ваша лошадь, и отъ этой влаги нѣтъ облегченія, какъ нѣтъ его въ русской банѣ на полкѣ, въ раскаленномъ ея пару. Но на полкѣ вы просидите нѣсколько минутъ,—а тутъ часы за часами, съ утра до вечера, когда, наконецъ, повѣетъ на васъ освѣжающей прохладой" *.

Слѣдовательно, знойно-сырое лѣто Маньчжуріи должно быть чрезвычайно тяжело для сѣверянина; за то маньчжурская зима продолжительна и сурова. Въ сѣверной Маньчжуріи она продолжается до 5, а къ западу отъ Большого Хингана даже до 6 мѣсяцевъ. Осень въ сѣверной Маньчжуріи наступаетъ довольно рано, рано же начинаются и морозы. На крайнемъ сѣверо-западѣ, въ Хулунбаирскомъ округѣ, таяніе снѣга происходитъ еще въ маѣ. Январскій minimum на сѣверѣ доходитъ до 35°, на Сунчарѣ (широта Женевы) минимумъ спускается даже до 47° Ц. Такимъ образомъ, и для сѣверянина зимой маньчжурскій климатъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Конечно, вліяніе подобнаго климата на здоровье не можетъ быть благотворно. Зимой населеніе поражаютъ ревматизмы и чахоточ-

---

* Ibid., № 224.

ныя заболѣванія. При наступленіи весны t° мѣняется быстро и внезапно, да и вообще рѣзкая перемѣна t° ночью даже въ лѣтніе жары, обычная въ Маньчжуріи, весьма вредна для здоровья. Въ мартѣ поднимаются сильные южные вѣтры. Человѣческій организмъ слабѣетъ, пищеварительные органы дѣйствуютъ плохо, аппетитъ пропадаетъ, многіе страдаютъ отъ упадка силъ. Пыль и мельчайшій песокъ, поднимаемый въ это время сильными вѣтрами, причиняютъ тогда обычныя болѣзни глазъ. Лѣтомъ развиваются болѣзни пищеварительной системы. Малярія, корь и скарлатина являются нерѣдкими болѣзнями въ Маньчжуріи.

Кромѣ того, маньчжурскій климатъ дѣйствуетъ крайне угнетающимъ образомъ на психику, почему самоубійства и сумасшествія оказываются тамъ частыми явленіями. „Климатическія условія на Квантунѣ, говоритъ г. Хвостовъ не могутъ быть названы благопріятными для здоровья. Высокая лѣтняя температура вызываетъ случаи солнечныхъ ударовъ, а въ связи съ обильными осадками способствуетъ разложенію органическихъ веществъ и служитъ причиной разнаго рода желудочныхъ, эпидемическаго характера, заболѣваній. Рѣзкія смѣны температуры днемъ и ночью въ осеннее время года, неожиданно налетающія снѣжныя бури и сѣверовосточные вѣтры, поднимающіе обильную пыль, зимою развиваютъ горловыя и грудныя болѣзни. Вліяніе климата и обстановки Квантуна на русское населеніе еще менѣе благопріятно, чѣмъ на китайское. Въ 1898 году войска перенесли эпидеміи тифа и дезинтеріи, причемъ первый господствовалъ въ

Таліенванѣ, а вторая—въ Портъ-Артурѣ. Эти эпидеміи возобновились и въ слѣдующихъ годахъ. По словамъ нашего бывшаго агента въ Китаѣ, полковника Вогака, воспріимчивость иностранцевъ и вообще пришельцевъ къ мѣстнымъ эпидеміямъ тифа и дезинтеріи увеличивается въ послѣдующіе годы ихъ пребыванія, пока они не акклиматизируются" *. Слѣдовательно, переселенцы встрѣтили бы въ Маньчжуріи еще болѣе неблагопріятныя климатическія условія, чѣмъ въ Приамурьѣ, и дорогой цѣной должны были бы заплатить за увлеченіе (не свое, конечно) этой „Желтороссіей".

Точная цифра населенія Маньчжуріи неизвѣстна до настоящаго времени, но можно предположить, что она колеблется между 12—14 милліонами, причемъ коренныхъ обитателей страны, маньчжуръ, едва ли наберется и милліонъ, а по нѣкоторымъ авторамъ ихъ всего не болѣе 5%, причемъ они до такой степени ассимилировались съ китайцами, что ихъ не можетъ отличить отъ послѣднихъ даже и достаточно опытный глазъ. Маньчжурія, китайская Сибирь, давно уже начала колонизироваться китайцами. Еще задолго до воцаренія въ Китаѣ дай-цинской династіи плодородная долина р. Ляо-хэ начала привлекать къ себѣ китайцевъ, которые всегда оказывались побѣждаемыми въ открытой борьбѣ съ болѣе сильными физически туземцами, но впослѣдствіи маньчжуры всякій разъ неизбѣжно подпадали духовному превосходству и

---

* „Русскій Китай", „Вѣстн. Евр.", 1902 г., № 10, стр. 674—675.

цивилизаціи китайцевъ — такова сила китайской культуры. Китайцы основали города въ южной Маньчжуріи, начали заниматься земледѣліемъ и торговлей. Утвердившись въ Китаѣ, маньчжурская династія изъ политическихъ соображеній хотѣла сохранить Маньчжурію для однихъ только маньчжуръ и потому запретила китайцамъ арендовать тамъ земли, но запрещеніе это не могло остановить стихійное движеніе китайскихъ народнымъ массъ въ Маньчжурію, подобно тому, какъ запрещенія русскаго правительства не могли остановить вольно-народную колонизацію Сибири. Потокъ китайскихъ переселенцевъ особенно усилился въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда пекинское правительство, въ періодъ европейской войны, тайпингскаго и мусульманскаго движеній, находилось въ состояніи полнаго безсилія. Въ Маньчжурію устремились тогда не только переселенцы-хлѣбопашцы, но и разный темный, бездомный людъ, даже преступники и всякіе подонки общества, за поисками золота и жень-шеня, запрещенныхъ, но выгодныхъ промысловъ. Тогда-то и образовались шайки хунхузовъ, которыя въ послѣднее время достигли такого развитія. Оправившись отъ англо-французскаго разгрома и междоусобныхъ войнъ, китайцы съ особеннымъ усердіемъ и успѣхомъ занялись Маньчжуріей и менѣе чѣмъ въ четверть вѣка, при ничтожныхъ матеріальныхъ затратахъ, весьма успѣшно разрѣшили вопросъ о поземельномъ устройствѣ двухъ наиболѣе населенныхъ теперь провинцій—Мукденской и Гиринской. Сохраняя въ силѣ старый законъ о льготахъ аборигеновъ, китайцы

нарѣзали каждой семьѣ маньчжура по 6 шанъ земли (около 5 десятинъ) на душу, что, при интенсивности мѣстнаго хозяйства, считается уже большимъ надѣломъ. Всѣ оставшіяся земли были объявлены собственностью казны. Такимъ путемъ въ одной Гиринской провинціи было обмежевано до $1^1/_2$ мил. десятинъ земли, которая была затѣмъ пущена въ продажу по 1 р. за десятину, при чемъ 5 десятинъ было объявлено нормой надѣла, который могъ быть уступленъ въ однѣ руки, такъ какъ правительство благоразумно не допускало образованія въ Маньчжуріи крупной земельной собственности. Мы не будемъ перечислять многихъ весьма разумныхъ и практичныхъ мѣръ, принятыхъ китайскимъ правительствомъ при колонизаціи Маньчжуріи,—скажемъ только, что въ пограничныхъ съ Россіей мѣстностяхъ земля уступалась безплатно на 5 лѣтъ, съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы она была обработана: что при дальнѣйшихъ сдѣлкахъ объектомъ продажи может быть не земля, но лишь вложенный въ нее трудъ (затраченное удобреніе, постройки) и т. п. Для колонизаціи страны китайское правительство утилизировало даже мѣстныхъ инородцевъ — и вотъ тѣ же гольды, которые на лѣвомъ берегу Амура считаются дикимъ, бродячимъ племенемъ, обреченнымъ самой судьбой на постепенное вымираніе,— на правомъ, благодаря разнымъ матеріальнымъ и политическимъ льготамъ, стали осѣдлыми земледѣльцами. Китайцы позаботились и объ ихъ умственномъ развитіи, настроивъ для нихъ и содержа на свой счетъ школы, храмы и т. п. Съ начала

80-хъ годовъ китайская колонизація Маньчжуріи усилилась. Въ 1882 г. въ долинѣ одной только р. Сахэ поселилось до 1.000 семей, въ 1883 г. до 3000. Въ 1881 г. въ округахъ Хуланъ-Ченъ и Боянъ-Сусу поселилось до 200.000 семей китайскихъ иммигрантовъ.

Въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Харбину, даже болотистые участки по склонамъ горъ скоро покрылись фанзами и нивами. Въ то же время началась интенсивная колонизація лѣвыхъ притоковъ Сунгари. Позже, въ 90-хъ годахъ, потокъ китайской колонизаціи двинулся въ полосу, лежащую по лѣвому берегу Сунгари. Но особенно усердно китайцы занялись колонизаціей Маньчжуріи съ начала XX в. Они заселили всю Хейлундзянскую провинцію, а зимой 1901—1902 г.г. работали надъ окончательными проектами заселенія Гиринской провинціи. Занятіе Квантуна Россіей послужило поводомъ къ усиленному заселенію Мукденской провинціи, куда предполагалось даже массовое переселеніе съ Квантуна, чему, впрочемъ, воспрепятствовало русское правительство. Теперь участки по р. Долянхэ почти всѣ розданы. Такимъ образомъ, въ Маньчжуріи мы видимъ то же, что было въ Сибири: правительственная колонизація страны шла и идетъ параллельно съ вольно-народной. Здѣсь мы имѣемъ яркій примѣръ такого же естественнаго колонизаціоннаго процесса, на какой мы указали выше, говоря о занятіи Россіей территоріи Сибири. Китайская культура до такой степени повліяла на мѣстное туземное населеніе, что въ Маньчжуріи получило полное господство все

китайское: языкъ, нравы, религія, одежда, домостроительство, система обработки земли. Маньчжурскій языкъ сталъ языкомъ мертвымъ и изучается лишь въ нѣкоторыхъ школахъ. Въ китайской колонизаціи Маньчжуріи мы встрѣчаемъ поразительный фактъ: пришельцы, не превратившись въ представителей военно - полицейскаго кулака, предоставивъ аборигенамъ страны административныя и военныя функціи, тѣмъ не менѣе de facto оказались истинными хозяевами страны, всецѣло и безповоротно подчинивъ ее своей культурѣ: высшая культура всегда подчиняетъ себѣ низшую, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ и насильственныхъ пріемовъ. Съ инстинктомъ земледѣльца, пріобрѣтеннымъ тысячелѣтней работой надъ землей, съ неслыханнымъ врожденнымъ трудолюбіемъ, съ крайне малыми потребностями, китайцы уже заняли едва-ли не всѣ мѣстности Маньчжуріи, сколько-нибудь удобныя для земледѣльческаго труда: въ Гиринской и Мукденской провинціяхъ живетъ не менѣе 10 милл. человѣкъ, а на всю остальную Маньчжурію приходится не болѣе 2—4 милл. Квантунскій полуостровъ заселенъ густо (264.141 человѣкъ на 2.784 кв. версты—95 человѣкъ на версту), почему земля тамъ цѣнится очень высоко: высшая мѣра—„му"=1/17 десятины дѣлится на 10 „фынь", фынь на 10 „ли", а „ли" на 10 „хао" (нѣсколько больше квадратнаго аршина). Въ податныхъ спискахъ можно видѣть, что у мелкаго землевладѣльца числится столько-то „хао". Для широкаго экстенсивнаго хозяйства, о которомъ мечтаетъ пр. Мигулинъ для русскихъ пришель-

цевъ въ Маньчжурію, тамъ уже нѣтъ мѣста, нѣтъ свободной удобной земли, и если въ Приамурьѣ возможно было согнать съ насиженныхъ гнѣздъ нѣсколько тысячъ корейцевъ и манзъ, то эту операцію немыслимо повторить съ нѣсколькими милліонами маньчжурскихъ туземцевъ. Китайское земледѣльческое хозяйство въ Маньчжуріи въ высокой степени интенсивно и представляетъ сложный и кропотливый процессъ. Уже въ самомъ концѣ марта или въ началѣ апрѣля трудолюбивые китайцы приступаютъ къ полевымъ работамъ. Сначала земля два раза перепахивается сохой, убираются мелкіе камни, а потомъ земля боронуется обыкновенной бороной съ желѣзными зубьями. Всѣ неровности сглаживаются, комки земли разрыхляются особеннымъ орудіемъ, похожимъ на борону и сдѣланнымъ изъ прутьевъ. Затѣмъ на сцену является ручная небольшая соха, которой прокладывается рядъ неглубокихъ параллельныхъ бороздъ, засѣваемыхъ при помощи пустой тыквы, наполненной зерномъ, которое падаетъ въ борозды, равномѣрно высыпаясь по желобку изъ камыша. За сѣятелемъ идетъ другой рабочій съ корзиной удобренія, который засыпаетъ зерно ровнымъ слоемъ. Третій рабочій прокатываетъ каменнымъ валькомъ засѣянныя канавки, чтобы вѣтромъ не разносило удобренія и зерна, отчего образуется плотный слой, подъ которымъ земля лучше сохраняетъ влагу. Когда всходы достигнутъ извѣстной высоты, начинается полка и осыпаніе. Осыпаніе происходитъ два-три раза въ лѣто при помощи особой сапки или обыкновенной сохи, которую тащитъ пара животныхъ, идущихъ

между полосками всходовъ. Уборка полей происходитъ весьма тщательно и на нее выходитъ вся семья, начиная съ сѣдыхъ стариковъ и кончая трехлѣтними ребятишками. По снятіи всего, что было на поверхности, происходитъ очистка полей отъ корней, которые идутъ на топливо. Послѣ уборки нива запахивается для озимаго посѣва пшеницы или огородныхъ овощей, могущихъ созрѣть до зимы, какъ-то: лука, рѣдьки или особаго рода салата, замѣняющаго нашу капусту. Мы съ цѣлью подробно остановились на томъ, какъ маньчжурскіе китайцы относятся къ своимъ полямъ: эта почти садовая культура полей не имѣетъ ничего общаго съ экстенсивнымъ, иначе сказать хищническимъ, хозяйствомъ русскихъ крестьянъ-переселенцевъ, на содѣйствіе которыхъ такъ разсчитываетъ проф. Мигулинъ для погашенія русскаго $6^{1}/_{2}$ милліарднаго долга. Не говоря уже о малоземельѣ, климатическія условія Маньчжуріи требуютъ именно китайской, почти садовой культуры хлѣбныхъ злаковъ, а не экстенсивнаго хищническаго русскаго хозяйства. Въ Квантунской области малоземелье настолько ощутительно, что преобладающимъ типомъ участковъ являются $2—2^{1}/_{2}$-десятинные (нерѣдко и $^{1}/_{2}$-десятинные). Несмотря на всю интенсивность китайской культуры (десятина даетъ тамъ до 60 пудовъ хлѣба всякаго рода, а на прокормленіе семьи нужно не менѣе 360 пудовъ, т. е. 6 десятинъ), земля тамъ не обезпечиваетъ существованіе земледѣльца, и потому большинство населенія принуждено прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ. Такимъ образомъ, своего хлѣба не

хватаетъ на Квантунѣ даже для мѣстныхъ жителей; недостатокъ пополняется привозомъ хлѣба изъ Инкоу, Фучжоу и отчасти изъ Шаньдуна. Весь пришлый элементъ, въ томъ числѣ и войско, должны питаться привознымъ хлѣбомъ. Нужно не забывать и того обстоятельства, что въ южной Маньчжуріи, благодаря мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, еще рѣзче обозначеннымъ, чѣмъ въ Приамурьѣ,— наиболѣе успѣшно произрастаютъ мѣстные злаки, не имѣющіе значенія на всемірномъ рынкѣ и употребляемые въ пищу исключительно мѣстнымъ, туземнымъ населеніемъ Маньчжуріи. Главнѣйшіе виды маньчжурскихъ хлѣбовъ слѣдующіе: 1) чумидза, которая, собственно, имѣетъ два названія: мицза (просо) и гуцзо (родъ проса), 2) кукуруза (боами), 3) гаолянъ (въ переводѣ „высокій стебель“, отъ $4^1/_2$ до 5 аршинъ): этотъ злакъ извѣстенъ въ Уссурійскомъ краѣ подъ именемъ индійскаго проса. Гаолянъ играетъ очень видную роль въ китайскомъ хозяйствѣ: зерна идутъ въ пищу людямъ и на кормъ скоту, на приготовленіе китайской водки, а толстый стебель служитъ топливомъ и употребляется на крыши и заборы, 4) бобы „доуцза“ (до 20 сортовъ): одни идутъ въ пищу людямъ, другіе на кормъ скоту или для выжимки масла, которое въ большомъ употребленіи у китайцевъ; изъ нѣкоторыхъ сортовъ выдѣлываютъ родъ вермишели. Разводится въ большомъ количествѣ макъ для приготовленія опіума и табакъ. Пшеница воздѣлывается въ Маньчжуріи въ ограниченномъ количествѣ, преимущественно для вывоза въ Приамурье. Плодоводство въ Маньчжуріи почти не су-

ществуетъ; плоды вообще деревянисты и безвкусны, особенно груши, виноградъ плохого качества и больше служитъ для украшенія дворовъ. Въ большомъ количествѣ плоды и особенно виноградъ привозятся въ Маньчжурію изъ сосѣднихъ китайскихъ провинцій, преимущественно изъ Шандуньской.

Переходимъ теперь къ вопросу о количествѣ русскаго населенія Маньчжуріи и о пріемахъ и цѣляхъ русской колонизаціи въ этой странѣ. По даннымъ 1903 г., русское населеніе Харбина равнялось 15.338 и Портъ-Артура 17.709 человѣкамъ. Если къ этому прибавить 30.000 человѣкъ охранной стражи и хотя 20.000 населенія Дальняго, желѣзнодорожныхъ станцій по линіи Восточной Китайской жел. дор., подрядчиковъ, надсмотрщиковъ и др. лицъ, имѣющихъ отношеніе къ дорогѣ, то получимъ едва 83.000 русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ всей Маньчжуріи. Свѣдѣнія, подобныя сообщенію Ular'а въ его книгѣ „Empire russo-chinois" о 70—80.000 русскихъ переселенцевъ въ Маньчжуріи, нужно, конечно, отнести къ области сказокъ, если тутъ только не ошибка—не указаніе на общую цифру русскихъ въ Маньчжуріи. По даннымъ о населеніи Портъ-Артура 23 янв. 1903 г., оказывается, что его не-военный русскій элементъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ: духовныхъ 8, дворянъ и чиновниковъ 1.171, купцовъ 73, мѣщанъ 1.884, итого 3.136 (военныхъ, значитъ, 14.573). Военный и желѣзнодорожный элементы играли, конечно, преобладающую роль среди 15-тысячнаго населенія Харбина. Слѣдовательно, въ то время

какъ китайская колонизація, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, наводнила Маньчжурію милліонами переселенцевъ - земледѣльцевъ, сразу ставшихъ осѣдлыми, прикрѣпившихся къ землѣ, предавшихся производительному труду,—изъ Россіи на казенный счетъ передвигались тысячи людей, имѣвшихъ спеціальную цѣль—постройку стратегической желѣзной дороги, десятки тысячъ для ея охраны, наконецъ, небольшая группа торговцевъ и ремесленниковъ для удовлетворенія потребностей агентовъ по постройкѣ и функціонированію желѣзной дороги и военнаго элемента для охраны оккупированной территоріи. Такимъ образомъ, между задачами и пріемами русской и китайской колонизаціи обнаруживается очевидная и существенная разница. Китайское населеніе преобладало даже въ такихъ, повидимому, чисто-русскихъ пунктахъ, какъ Харбинъ и Портъ-Артуръ: въ первомъ китайцевъ было 28.338, во второмъ 23.709. Переходя отъ количественнаго состава русскихъ колонизаторовъ Маньчжуріи, руссификаторовъ мѣстнаго населенія, къ качественному, мы должны прежде всего констатировать единодушіе отзывовъ по этому вопросу какъ мѣстной печати, портъ - артурской, благовѣщенской и владивостокской, такъ и посѣщавшихъ Маньчжурію путешественниковъ. Въ Харбинѣ, говоритъ г. Шмидтъ, „больше иностранцевъ, чѣмъ русскихъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности и вывѣски читать,—стоитъ только присмотрѣться къ встрѣчнымъ на улицѣ: кромѣ синихъ куртокъ манзъ, снующихъ всюду, встрѣчаешь то и дѣло крючкомъ изогнутые армянскіе и грузин-

скіе носы, еврейскіе пейсы, выпуклые съ огромными бѣлками глаза грековъ, вертлявыя фигуры черномазыхъ японцевъ. Рѣже натолкнешься на чисто-русскую физіономію, но и та преобразилась въ типъ „маньчжурца"—типъ, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ описаннымъ Щедринымъ въ свое время „ташкентцемъ". Глаза пріобрѣтаютъ болѣе хищный блескъ, ротъ расширяется въ виду увеличенія аппетита, на головѣ появилась огромная мохнатая папаха, чтобы наводить подобающій страхъ на „невѣрныхъ". Типу этому свойственно носить сапоги бутылками, рубаху-косоворотку, толстую цѣпь новаго золота на жилетѣ, выступать храбро и съ гордостью посреди улицы и давать въ ухо нахалу-манзѣ, если онъ осмѣлился не посторониться передъ носителемъ культуры" *. „Я познакомился съ харбинской „публикой", говоритъ г. Мавровъ. Боже, что за ужасъ! Мѣстная пресса въ отчаяніи: столько скандаловъ, какой развратъ, что перомъ не описать, въ сказкѣ не сказать! Руки опускаются. Полиція очень скверная. Злоупотребленія, бездѣйствіе и превышеніе власти" **.

„Маньчжурцы" стали по ту сторону добра и зла. „Въ Маньчжуріи, говоритъ одинъ наблюдатель, пороку скрываться нечего, и онъ дѣйствуетъ совершенно открыто, даже похваляется своей разнузданностью и молодечествомъ". Всякія этическія мѣрки совершенно отсутствуютъ за станціей „Маньчжурія", оттуда начинается „развеселое Кунавино",

---

* „По Маньчжуркѣ", „Рус. Бог.", 1902 г., № 9.
** „Въ Русской Маньчжуріи", „Нов. Кр.", 1903, № 139.

„гдѣ можно встрѣтить въ одной компаніи и инженера, и его „сподручника—боя“, и каторжника, и восточнаго человѣка съ кинжаломъ, и простого мужика въ „синилкакѣ“, и чиновника съ кокардой, и мелкаго желѣзнодорожнаго служащаго. Самое выгодное занятіе въ Харбинѣ—лупанары, и ихъ открываютъ даже счетоводы Восточной Китайской желѣзной дороги, подъ самыми легкими прикрытіями“. Лучше всего организованъ въ Харбинѣ институтъ воровъ, противъ котораго полиція безсильна. Этотъ же авторъ такъ характеризуетъ руссификаторскіе пріемы пришельцевъ по отношенію къ мѣстнымъ китайцамъ. „Когда я вижу, какъ повсюду третируютъ китайцевъ, хотя бы на нашемъ вокзалѣ, какъ ихъ тамъ толкаютъ, ругаютъ, бьютъ, дергаютъ за косы, опрокидываютъ лотки китайскихъ разносчиковъ, грабительски берутъ съ лотковъ папиросы, орѣхи, фрукты, то мнѣ кажется, что сюда пріѣхали не люди, а вырвались спущенные съ цѣпи злые псы, вкусившіе человѣческаго мяса“.

Вопреки увѣреніямъ кн. Ухтомскаго, что азіатскіе люди представляются русскимъ „своими, родными“, очевидцы единогласно увѣряютъ, что далеко не таковы отношенія послѣднихъ къ китайцамъ не только въ Маньчжуріи, но и въ Приамурьѣ *).

* „То ли еще случается у насъ, говорилъ одинъ морякъ г. Мурову по поводу видѣннаго послѣднимъ случая уличной

Объ отношенія „удальцовъ-забайкальцевъ“ къ ихъ маньчжурскимъ сосѣдямъ сообщаетъ характерныя свѣдѣнія г. Александровъ въ своихъ любопытныхъ очеркахъ Приаргунья („Вѣст. Ев.“, 1904 г., № 9). Припомнимъ, наконецъ, общеизвѣстный фактъ потопленія нѣсколькихъ тысячъ китайцевъ въ Амурѣ около Благовѣщенска лѣтомъ 1900 г. Множество фактовъ подобнаго рода совершенно не вяжется съ сантиментальными фикціями кн. Ухтомскаго и вовсе не доказываетъ цивилизаторской, гуманизирующей дѣятельности „руссификаторовъ“ на Дальнемъ

расправы русскихъ съ китайцами. По деревнямъ китайцы еще хуже страдаютъ отъ крестьянъ.

— Что же начальство не предпринимаетъ никакихъ мѣръ противъ подобныхъ „шутокъ“?

— Не знаю, что оно думаетъ объ этихъ обычныхъ во Владивостокѣ (и даже по всему краю) сценахъ. Но мы, представители интеллигенціи, каждый фактъ такого рода публикуемъ въ своей газеткѣ. Нечего и говорить, что публикуется только сотая доля. Къ сожалѣнію, нашъ голосъ—голосъ вопіющихъ въ пустынѣ...

— Быть можетъ, вы недавно стали публиковать, а потому пока и не замѣчаютъ этого безобразія, говорю я.

— Какъ разъ наоборотъ. Чтобы доказать вамъ, что объ этомъ хроническомъ нашемъ недугѣ мы пишемъ не со вчерашняго дня, покажу вамъ хоть это, говоритъ морякъ, доставая изъ книжнаго шкафа книгу газеты „Владивостокъ“. Вотъ вамъ одна изъ многочисленныхъ нашихъ замѣтокъ почти одного и того же содержанія, прибавилъ онъ, указывая мнѣ на нижеслѣдующія строки въ 27 № „Владивостока“ за 1893 г. „Кулачная расправа съ манзами вошла у насъ въ обычаи и только лѣнивый не бьетъ ихъ“ и т. д., а затѣмъ разсказывается одинъ изъ тысячи случаевъ расправы россіянъ съ китайцами“ („Люди и нравы Дальняго Востока“, стр. 20)

Востокѣ. Заботы русскихъ о просвѣщеніи туземцевъ выразились до сихъ поръ лишь въ учрежденіи двухъ плохихъ русско-китайскихъ школъ въ Бидзиво и Цзинчжоу, основанныхъ, впрочемъ, съ цѣлью подготовленія переводчиковъ, въ которыхъ русскіе нуждались все время. Сами представители русской культуры, напр., въ Портъ-Артурѣ, какъ утверждаетъ „Нов. Кр.", разбились на профессіональныя или, точнѣе, служебныя группы—военныхъ, моряковъ и пр., не только не сплочивающіяся, но и ссорящіяся одна съ другой. „Такое разложеніе не можетъ, конечно, создать общественности, справедливо говоритъ газета, не можетъ подвинуть съ этой стороны русскаго дѣла на Квантунѣ" *.

Благодаря чрезвычайному скопленію разнузданнаго и безнравственнаго элемента и обилію шальныхъ денегъ, пріобрѣтенныхъ безъ всякаго труда,—въ Харбинѣ необыкновенно поднялся спросъ на женщинъ. „Спросъ на этотъ „товаръ", говоритъ одинъ корреспондентъ, до такой степени превысилъ предложеніе, что, несмотря на чрезвычайное обиліе явныхъ и тайныхъ домовъ терпимости, разныхъ гастролершъ всѣхъ странъ и національностей, практиковавшихъ въ одиночку и артелями, несмотря на свободную продажу родителями дочерей, начиная чуть не съ 10-лѣтняго возраста, братьями сестеръ, мужьями женъ,—въ этомъ „товарѣ" ощущался все время недостатокъ до такой степени, что въ пополненіи его начали, наконецъ, принимать участіе полиція и управленіе построй-

* „Нов. Края", 1903, № 33.

ками дороги. Первая снабжала „предпринимателей" открытыми предписаніями, а вторая безплатными билетами на ихъ проѣздъ и провозъ проститутокъ, какъ въ свое время сообщали газеты. Можно почти безъ преувеличенія сказать, что какъ Монако стало всемірнымъ игорнымъ домомъ, такъ Харбинъ и Артуръ сдѣлались всемірными публичными домами. Вотъ гдѣ нашли себѣ помѣщенія невѣроятныя цифры стоимости версты Восточной Китайской желѣзной дороги"*. О господствѣ „этихъ дамъ" въ Харбинѣ такъ говоритъ корреспондентъ „Восточнаго Обозр.":

„Цѣлый день по Пристани разъѣзжаютъ коляски на резинахъ, невольно обращая на себя вниманіе. Иногда въ нихъ, нагло развалясь, проѣдетъ грузинъ въ папахѣ на затылокъ,—это содержатель шантана или кабака, но большей частью въ этихъ колясках катятъ „дамы". Даже война не спугнула ихъ, и приходится удивляться, сколько ихъ здѣсь по разнымъ явнымъ и неявнымъ домамъ, легализованнымъ сложившимися традиціями временъ постройки дороги. Тогда онѣ появлялись временными подругами инженеровъ, техниковъ и низшихъ служащихъ. Бытъ и нравы Маньчжуріи, устанавливавшіеся нормально преобладающимъ количествомъ женщинъ, оказались сильно развращающими. „Дамы" пили только шампанское,—оно шло вмѣсто воды. Онѣ не знали цѣны деньгамъ,—лакеямъ бросали „на чай" бумажки, не считая, и, благо-

* „Листокъ Никольскъ-Уссурійскій", 1903, № 41. Женщинъ въ Харбинѣ было лишь 14°/₀ всего населенія.

даря этому, здѣсь образовался огромный контингентъ „услужающихъ", ютящихся вмѣстѣ съ сими дамами по разнымъ притонамъ подъ кличками Колхидъ, Лондоновъ и Монте-карло.

Это было,—такъ и осталось.

Теперь „эти дамы" появляются вездѣ, разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ, „кружева, доводящія умъ до восторга". Днемъ онѣ разъѣзжаютъ по Китайской въ самыхъ эксцентричныхъ костюмахъ и позахъ, а вечеромъ „ужинаютъ" съ посѣтителями увеселеній и распѣваютъ шансонетки, даже не двусмысленныя. „Импрессаріо" ихъ лупятъ у пришедшихъ повеселиться передъ выступленіемъ офицеровъ по 20 руб. за бутылку шампанскаго и самыя невѣроятныя цѣны за все остальное. И здѣсь платятъ, что ни спросятъ. О деньгахъ не стоитъ говорить, когда завтра идешь въ битву. Лишь бы сегодня было весело" *.

Относительно Портъ-Артура Цабель говоритъ, что „ни въ какомъ другомъ городѣ Востока женщинамъ не представлено столь независимое положеніе, какъ именно въ этомъ пунктѣ. Здѣсь преимущественно пребываютъ дамы полусвѣта, которыя здѣсь буквально кишатъ, и которымъ можетъ быть противопоставленъ лишь весьма слабый контингентъ дѣйствительно приличныхъ дамъ. Собравшіеся сюда люди съ донжуанскими инстинктами могутъ производить выборъ между представительницами всѣхъ національностей, начиная съ грязныхъ японокъ и обыкновенныхъ австрійскихъ

* 1904 г., № 116.

пѣмокъ и кончая образчиками американской красоты, и Лепорелло мѣстныхъ донъ-Жуановъ списки какъ требуемыхъ, такъ и предлагающихся красавицъ безъ малѣйшаго труда могли бы довести до двухъ тысячъ. Для русскихъ офицеровъ это обстоятельство составляетъ настоящее бѣдствіе“ *.

Одному наблюдателю Харбинъ-Пристань представляется въ такомъ видѣ: „Это непрерывный рядъ лавокъ, трактировъ, магазиновъ—виннобакалейныхъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ, снова виннобакалейныхъ, опять кабачковъ, трактировъ, публичныхъ домовъ подъ самыми разнообразными прикрытіями... соусами, гостиницъ, снова кабаковъ, магазиновъ, харчевенъ и т. д. и т. д. **

Не говоря уже о Маньчжуріи, даже въ Харбинѣ и Портъ-Артурѣ не могутъ утвердиться чисто-русскіе представители торговли: „Настоящаго русскаго купечества здѣсь нѣтъ. Посмотрите на эти магазины и фирмы въ Харбинѣ, Мукденѣ, Никоу, даже въ Портъ-Артурѣ—ни одной извѣстной фамиліи и фирмы нѣтъ. Большею частью это или голытьба, пріѣхавшая съ ящикомъ водки или двумя кусками ситца и желающая начать торговлю съ сотней рублей, или же это прежніе обитатели Сахалина, грузины, армяне, артисты разныхъ профессій, да кулаки-мѣщане. Похвалиться нечѣмъ, да и ожидать хорошаго нельзя. Безденежной интеллигенціи здѣсь пока дѣлать нечего. Наши капиталисты тяжелы на подъемъ и неохотно выходятъ за

* „Durch die Mandschurei und Sibirien“, 70.

** „Вост. Вѣст.“ 1903 г., № 140.

районъ населеннаго мѣста. Купечество со своей мануфактурой продолжаетъ дремать въ то время, когда нѣмцы и англичане, изучая вкусы и потребности Востока, все больше и больше забираютъ торговлю въ свои руки" *).

Всматриваясь въ карту Маньчжуріи, не трудно убѣдиться, что ея старые города возникли правильнымъ и естественнымъ путемъ: одни, какъ Инкоу, Ычжоу—на устьяхъ судоходныхъ рѣкъ—Ляохэ и Ялу, впадающихъ въ море, другіе, какъ Гиринъ, Сансинъ—на берегу достаточно судоходной рѣки (Сунгари), третьи, какъ Мукденъ—въ центрѣ населенной и плодородной территоріи и на рѣчной сѣти; при взглядѣ же на Портъ-Артуръ становится вполнѣ очевиднымъ, что онъ стоитъ внѣ всякой связи съ мѣстными естественными и экономическими условіями и обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно военно-стратегическимъ соображеніямъ и потому не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой органической связи съ мѣстной экономической жизнью. Вслѣдствіе указаннаго характера Портъ-Артура мѣстной фабрично-заводской промышленности тамъ нѣтъ и быть не можетъ. Исключительно для интендантскихъ надобностей работала тамъ единственная мельница (паровая, принадлежавшая Тифонтаю, китайцу, принявшему русское подданство). Мука привозится изъ Одессы, а американская изъ Чифу и Шанхая. Изъ другихъ заведеній фабрично-заводскаго характера нужно от-

*) „Вост. Вѣстн.", 1903, № 24.

мѣтить лишь табачную фабрику, открытую въ 1899 г. Что касается другихъ заведеній упомянутой категоріи, то, по словамъ г. Хвостова, на Квантунѣ нѣтъ даже условій для ихъ возникновенія. Административное созданіе города Дальняго, даже въ Маньчжуріи справедливо называемаго „Лишнимъ", стоитъ въ непосредственной связи съ Восточной Китайской желѣзной дорогой и потому болѣе подробно будетъ оцѣниваться ниже. Здѣсь скажемъ только, что Дальній, стоившій до 36 мил. рублей, хотя и сооруженъ на мѣстѣ, лишенномъ прѣсной воды и расположенъ у гавани мелкой, открытой, замерзающей въ сильные холода,—созданъ съ исключительной цѣлью привлечь къ себѣ ввозную и вывозную торговлю Маньчжуріи и, такимъ образомъ, направить ее по Восточной Китайской дорогѣ. Частныхъ жителей Дальній не привлекъ къ себѣ до самаго начала войны; за то административный городъ, причудливое созданіе фантазіи желѣзнодорожныхъ инженеровъ, построенъ былъ съ необычайной роскошью и всевозможными прихотями на казенный счетъ. Видѣвшіе Дальній иностранцы и русскіе путешественники удивлялись оригинальности его построекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствію какой-либо необходимости въ немъ самомъ. Въ первый разъ въ исторіи колонизаціи, говоритъ Цабель въ своей книгѣ „Durch die Mandschurei und Sibirien", государство выступило спекулянтомъ и построило на свой счетъ, собственно говоря, ненужный городъ, придерживаясь притомъ принципа: чѣмъ расточительнѣе, тѣмъ, значитъ, лучше. До сихъ поръ искусственные города создавали только

американцы-спекулянты съ цѣлью привлечь туда населеніе и пользоваться доходомъ.

„Въ общемъ административная часть города, говоритъ одинъ русскій путешественникъ, построенная для служащихъ на средства О-ва Восточной Китайской дороги (т. е., въ дѣйствительности на казенныя), производитъ странное, но съ перваго раза импонирующее впечатлѣніе: столько труда и изобрѣтательности потрачено на всѣ эти причуды и вычурности и такъ мало житейскихъ удобствъ и уютности, такъ мало или даже совсѣмъ нѣтъ русской архитектуры съ ея незатѣйливой, но узорной постройкой!“

Надежда на легкую и быструю наживу, основанную не на трудѣ, даже не на предпріимчивости, а или на непосредственномъ и завѣдомо упрощенномъ отношеніи къ казенному сундуку, или на возможности оказывать болѣе или менѣе неблаговидныя услуги для лицъ, уже хорошо ознакомившихся съ содержаніемъ этого сундука,—все это привлекло въ Маньчжурію огромное количество соціальной мути. Многіе изъ этихъ людей, дѣйствительно, нажились въ Маньчжуріи и вернулись въ Россію съ деньгами, но и съ окончательно утраченнымъ нравственнымъ и гражданскимъ чувствомъ; другіе, неудачники, привлеченные высокими окладами, неожиданно встрѣтили страшную дороговизну жизни и возвратились домой, потерявъ послѣднія сбереженія и разстроивъ здоровье.

Хотя, конечно, моральный вредъ, принесенный Россіи оккупаціей Маньчжуріи за эти годы, не можетъ, по существу дѣла, быть опредѣленъ въ та-

нихъ же точныхъ цифрахъ, какъ ущербъ, причиненный русской государственной казнѣ, однако и его нельзя упускать изъ вида при окончательной оцѣнкѣ всѣхъ послѣдствій этой оккупаціи.

Теперь мы переходимъ къ весьма важному вопросу: насколько Маньчжурія и Китай представляютъ собой выгодный рынокъ для русской фабрично-заводской промышленности, удобное поле для операцій русской торговли, и постараемся освѣтить этотъ вопросъ не общими, апріорными соображеніями, имѣющими характеръ гипотезъ, а данными опыта, соображеніями, непосредственно вытекающими изъ фактовъ. Общіе торговые обороты Китая съ иностранными государствами за послѣднее время значительно возросли; Китай вышелъ изъ прежней изолированности, и иностранцы уже успѣли пробить широкія бреши для ввоза туда своихъ фабрикатовъ. По вычисленію г. Коростовца, берущаго въ основу своего разсчета 1894 г., на долю Великобританіи и ея колоній пришлось 75% всей внѣшней торговли страны, Германіи—6,6%, Японіи—2,5%, Россіи—1,55%. Изъ общей суммы торговыхъ оборотовъ Россіи въ 1894 году на торговлю съ Китаемъ приходилось 42,99 милл., причемъ на ввозъ изъ Китая приходилось 38,5 милл. рублей, а на вывозъ изъ Россіи всего 4,49 милл. руб. Вывозъ изъ Китая, такимъ образомъ, въ 9 разъ превышаетъ ввозъ туда. Эти данныя дѣлаютъ невозможными всякіе разговоры о „преобладаніи русскаго вліянія въ Китаѣ“, о „завоеваніи китайскаго рынка“. Поразительно ничтожно и число русскихъ судовъ, посѣ-

щающихъ китайскіе порты и понятіе объ этомъ даетъ слѣдущая таблица (данныя за 1896 г.):

	Число судовъ.	Количество тоннъ.
Великобританія . .	19.711	21.847.082
Германія	2.090	7.251.292
Швеція и Норвегія.	1.126	870.173
Японія	546	565.992
Франція	427	434.415
Данія	333	171.826
Америка	143	165.578
Россія.	66	113.656

Положеніе дѣла не измѣнилось, очевидно, и въ позднѣйшее время, какъ показываетъ таблица судовъ, пришедшихъ въ Никоу съ 1897—1899:

	1897	1898	1899
Англійскихъ .	165	312	346
Нѣмецкихъ. . .	71	144	94
Китайскихъ . .	62	—	220
Японскихъ . .	52	244	384
Шведскихъ и Норвежскихъ .	31	—	46
Голландскихъ .	3	—	—
Русскихъ . . .	1	0	7*

Какъ извѣстно, на первомъ мѣстѣ въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ стоитъ привозъ въ Россію чая; слѣдовательно, сухопутная торговля играетъ болѣе важную роль, чѣмъ морская, и слѣдующая таблица показываетъ соотношеніе русскаго вывоза и китайскаго ввоза морскимъ путемъ:

* Zabel, op. cit., 52.

	Вывозъ изъ Россіи.	Привозъ изъ Китая.
1900 . . .	788.000 р.	13.299.000 р.
1901 . . .	3.166.000 „	18.064.000 „
1902 . . .	944.000 „	15.543.000 „

„Участіе Россіи въ торговлѣ Ньючжуана, говоритъ Дигамма, до послѣдняго времени было самое ничтожное и ограничивалось лишь сбытомъ морской капусты: даже русскій керосинъ, одерживающій побѣды въ нѣкоторыхъ другихъ портахъ Китая, здѣсь въ 1896 г. цѣликомъ былъ вытѣсненъ американскимъ“ *.

Число иностранныхъ резидентовъ и торговыхъ фирмъ находится въ прямомъ соотношеніи съ размѣрами торговли. Еще въ 1894 г. въ Китаѣ было 350 англійскихъ фирмъ и насчитывалось свыше 8.000 англичанъ.

Слѣдующее мѣсто занимала Германія—85 фирмъ и 350 нѣмцевъ, Японія съ 50 фирмами, Франція съ 32, Америка съ 31 и наконецъ Россія съ 12 фирмами и 200 русскими подданными, проживавшими въ восточномъ Китаѣ. Въ самомъ Шанхаѣ, этомъ „купеческомъ раѣ“ по дешевизнѣ труда и всѣхъ продуктовъ и неимовѣрно высокимъ цѣнамъ на всѣ фабрикаты, русскихъ почти не было даже въ февралѣ 1904 г. „Въ виду близкаго сосѣдства, думалъ было сначала корреспондентъ „Восточ. Обозр.“, ** такой рай, навѣрное, кишитъ русскими вообще и русскимъ купечествомъ въ особенности! Повсюду видишь русскія вывѣски, вездѣ понима-

* „Торговля съ Китаемъ“, 51.

** № 41, 1904 г.

ютъ по русски, вообще китаецъ, англичанинъ, нѣмецъ по неволѣ обрусѣваютъ. Таковы были мои ожиданія, когда я приближался къ Шанхаю изъ Нагасаки, гдѣ уже сильно замѣтно, если не торговое, то матросское, флотское вліяніе.

„И представьте себѣ мое разочарованіе, когда русскихъ въ Шанхаѣ мнѣ пришлось разыскивать днемъ съ фонаремъ! Оказалось, что кромѣ десятка—двухъ служащихъ при Русско-Китайск. банкѣ. Вост.-Кит. ж. д. и консульствѣ въ этой столицѣ—русскихъ совсѣмъ нѣтъ. Ни одной русской вывѣски, ни одной русской лавки; за исключеніемъ единственной мелочной, скрывшейся отъ взоровъ въ далекомъ предмѣстьѣ, въ переулкѣ и подъ именемъ: „General store Keeper's, Boon road. № 3". Тамъ нашелъ и русскій табакъ, и соленые огурцы (40 коп. фунтъ). Большинство товаровъ (всего на сотни двѣ-три рублей) были, однако, тоже иностранные. Съ гордостью даю этотъ адресъ читателямъ, чтобы, при посѣщеніи Шанхая, они могли познакомиться съ піонеромъ и представителемъ русской торговли и промышленности въ торговой столицѣ Дальняго Востока, воздать ему должныя почести и кстати купить соленыхъ огурцовъ."

Сухопутная русская торговля Приамурья съ китайской территоріей была очень незначительна, и ввозъ китайскихъ товаровъ также превышалъ вывозъ русскихъ. По аргунской границѣ въ 1894 г. вывезено было въ Маньчжурію товаровъ всего на 35.000 р., а ввезено на 70.000 р. Общій ввозъ изъ Маньчжуріи въ Благовѣщенскъ въ 1895 г. равнялся 1.361.000 р., изъ которыхъ на 900.000 р.

убойнаго скота, на 275.000 пшеницы, риса, овса, муки, и т. п. Ввозъ въ Маньчжурію въ 1894 г. черезъ Айгунъ и Сахалянъ (уничтоженные русскими въ 1900 г.) составлялъ всего около 240.000 р., изъ которыхъ 60.000 мануфактуры, 20.000 металлическихъ издѣлій и 160.000 серебра въ слиткахъ. Сбытъ русскихъ товаровъ по Сунгари, повидимому, незначителенъ: въ 1895 г., напр., изъ 119 джонокъ, пришедшихъ въ Хабаровскъ изъ Маньчжуріи съ грузомъ, 55 ушли совсѣмъ безъ груза, а значительная часть этихъ джонокъ продается въ Хабаровскѣ прямо въ ломъ, за неразсчетомъ вести ихъ обратно. Торговля Южно-Уссурійскаго края въ Маньчжуріи по ввозу почти равна вывозу: за пятилѣтіе 1891—1895 г.г. ввезено въ Маньчжурію на 5.944.000 р., а вывезено оттуда на 5.271.000 р. (въ среднемъ на 1.200.000 вывоза изъ Южно-Уссурійскаго края и на 1.050.000 ввоза туда). Эта равномѣрность ввоза и вывоза обусловливается въ значительной степени мѣновымъ характеромъ торговли. Такимъ образомъ, и сухопутная торговля не могла дать никакихъ основаній для утвержденія, что Маньчжурія все болѣе и болѣе открывается для сбыта русскихъ товаровъ; скорѣе можно было думать совершенно обратное.

Такъ, продукты, которые могли бы составить предметъ вывоза (но совсѣмъ не изъ внутренней Россіи, а изъ Приамурья), идутъ въ Китай въ количествѣ весьма незначительномъ: рыбу и рыбные продукты (свыше 3 мил. ланъ ежегодно) доставляетъ преимущественно Японія, и лишь небольшое участіе въ этомъ ввозѣ принимаетъ

Приморская область. Весь почти уголь въ Китай привозится также изъ Японіи (на сумму около 3 мил. лан), лѣсъ—изъ Японіи, Кореи и Манилы, трепанги и морская капуста также идутъ въ Китай преимущественно изъ Японіи, а не изъ Приамурья. Въ общемъ, по даннымъ за 1900 г., Россія вывозила на китайскіе рынки всего на 6 мил. руб., въ то время какъ Англія—на 53, Соединенные Штаты на 26, Германія на 20. Произведенія русской обрабатывающей промышленности съ трудомъ пробиваютъ себѣ доступъ въ Китай: сукна, напр., въ 1881 г. ввезено было въ Шанхай въ количествѣ 20 тыс. кусковъ на сумму 1.076.000 руб. метал., въ 1890 г. ввозъ его упалъ до 4 тыс. кусковъ на сумму 156.000 р., въ 1896 г. его было ввезено 4227 кусковъ на сумму 86.654 ланъ. Въ Маньчжурію за послѣднее время увеличился ввозъ англійскихъ фабрикатовъ (дрили и др.), а также японскихъ, а изъ русскихъ фабрикантовъ одинъ только лодзинскій Шейблеръ съ нѣкоторымъ вниманіемъ отнесся къ вкусамъ китайскихъ покупателей, почему у него дѣло пошло лучше, чѣмъ у другихъ. Русское торговое вліяніе даже на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, говоритъ одна изъ мѣстныхъ газетъ, почти совершенно подавлено превосходными торговыми организаціями европейцевъ. Ввозъ на $^3/_4$ состоитъ изъ иностранныхъ товаровъ, а мѣстная торговля мало по малу переходитъ въ руки нашихъ сосѣдей—японцевъ и китайцевъ".* Если въ такомъ положеніи дѣло русской торговли въ Приамурьѣ,

---

* „Дальній Востокъ", 1903, № 101.

то что же говорить о Маньчжуріи! Русскіе въ Маньчжуріи не въ состояніи конкуррировать съ иностранцами, такъ какъ солидные русскіе коммерсанты и у себя дома имѣютъ хорошій процентъ на свои капиталы, какого они не получатъ въ Маньчжуріи. Иностранцы, довольствуясь гораздо меньшимъ процентомъ, изучили потребности туземцевъ, ихъ нужды и наводнили своими издѣліями всѣ мѣстности, куда только можно проникнуть.

Тѣ же немногочисленные русскіе люди, которые могли бы работать въ Маньчжуріи съ пользой для себя и для поднятія торговаго значенія Россіи, не имѣютъ ни кредита, ни достаточныхъ знаній и образованія. Поэтому и оказалось, что въ Маньчжурію стремятся только люди легкой и недобросовѣстной наживы. Самъ проф. Мигулинъ еще недавно въ своей книгѣ „Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожное хозяйство“ (Харьковъ, 1902) говоритъ совершенно справедливо, что промышленная конкурренція Россіи съ Японіей и Америкой на Дальнемъ Востокѣ невозможна и потому, что послѣднія пользуются дешевымъ и близкимъ морскимъ путемъ. „Торговля мануфактурными товарами, еще въ 1903 г. говорила оффиціозная портъ-артурская газета „Новый Край“, (№ 35), не имѣетъ подъ собой солидной почвы. Ее тормозятъ двѣ весьма важныхъ причины: 1-е, конкурренція Японіи и, 2-е, инертность нашихъ коммерсантовъ. Трудно намъ тягаться съ Японіей, которая уже заняла здѣшніе рынки и находится буквально подъ бокомъ у Китая и Маньчжуріи. Накладные расходы на наши товары, благодаря

отдаленности фабрикъ отъ мѣстныхъ рынковъ сбыта, будутъ всегда выше по сравненію съ японскими. Кромѣ того, намъ трудно организовать торговлю въ кредитъ, которую обыкновенно ведутъ китайцы съ Японіей; для этого пришлось бы заводить огромные склады въ Маньчжуріи, что еще увеличило бы тѣ же накладные расходы. Наши мануфактуры пойдутъ здѣсь только для русскихъ потребителей. "Видимое оживленіе русской торговли за послѣднее время въ Харбинѣ, Дальнемъ, Портъ-Артурѣ и вообще по линіи желѣзной дороги было на самомъ дѣлѣ явленіемъ совершенно искусственнымъ, стоявшимъ въ связи съ сооруженіемъ самой желѣзной дороги и увеличеніемъ въ Маньчжуріи военнаго элемента. На это еще въ 1903 г. указывала мѣстная печать, въ томъ числѣ оффиціозный „Новый Край". „Русское правительство, говоритъ газета, тратило большія деньги, чтобы устроиться здѣсь. Затѣмъ пришелъ годъ военныхъ дѣйствій (т. е. 1900), принеся съ собой высокіе оклады офицерству, при сравнительно ничтожной возможности куда нибудь ихъ направить. По окончаніи военныхъ дѣйствій пришлось возстановлять желѣзную дорогу, т. е. снова и снова дѣлать большія затраты. Первые коммерсанты и предприниматели нажили большія деньги. Русско-Китайскій банкъ широко и даже иногда черезчуръ широко субсидировалъ предпріятія. Періодъ искусственнаго оживленія окончился, притокъ денегъ сократился, потребитель-чиновникъ и офицеръ оскудѣли" *. То же подтверждаетъ „Владивостокъ":

* № 37, 1903 г.

„Полетятъ десятки, если не сотни торговцевъ, какъ только притокъ казенныхъ денегъ на постройку дороги прекратится, а не прекратиться онъ не можетъ. Ихъ скоро негдѣ будетъ взять, ибо Маньчжурія, пожирая милліоны, не въ состояніи взамѣнъ что нибудь намъ дать. И никогда не будетъ въ состояніи“ *). „Не смотря на громадный наплывъ со всѣхъ концовъ міра людей, говоритъ „Амурская Газета“, главнымъ образомъ, ищущихъ заработка и авантюристовъ, несмотря на внѣшнюю оживленность и сутолоку, производящую впечатлѣніе наличности дѣятельной, бодрой жизни, несмотря на лихорадочную обстройку города,—въ Харбинѣ нѣтъ своей внутренней жизни, нѣтъ ни торговли, ни промышленности; хорошо „работаютъ“ только кафэ-шантаны и кабачки, пользуясь полной свободой всякой торговли“ **).

Нельзя не признать полной справедливости этихъ отзывовъ. Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, постройка желѣзной дороги, ея возстановленіе въ 1900 г. и пребываніе въ Китаѣ и Маньчжуріи русской арміи въ 220,000 человѣкъ должно было вызвать огромный приливъ денегъ; такимъ образомъ, изъ Маньчжуріи тогда былъ созданъ искусственный рынокъ, притомъ рынокъ временный, такъ какъ потребителями явились временные казенные люди, а туземное, китайское населеніе, впитывая въ себя русскія деньги, въ свою очередь не явилось потребителемъ русскихъ фа-

* № 46, 1903 г.

** „Амурская газета“, № 39, 1903 г.

брикатовъ, отчасти потому, что они не соотвѣтствовали его потребностямъ и вкусамъ, отчасти, быть можетъ, и по причинѣ сознательнаго бойкотированія русскихъ издѣлій, какъ это утверждаетъ „Амурская Газета“:

„Очевидно, во всемъ этомъ дѣлѣ была какая-то роковая и серьезная ошибка, не принесшая пользы Маньчжуріи и разорившая сопредѣльный Приамурскій край. Очевидно, слишкомъ мало было придано значенія обычаямъ, чувствамъ и желаніямъ китайскаго народа, которымъ держится эта многомилліонная имперія, и слишкомъ много значенія было придано договорамъ съ китайскимъ правительствомъ, которыхъ не признаетъ и не хочетъ признать китайскій народъ“ *.

Выше мы уже привели общее мнѣніе проф. Мигулина, что близость Японіи и Соединенныхъ Штатовъ къ Маньчжуріи и вообще Дальнему Востоку, а потому и дешевизна морскихъ фрахтовъ, дѣлаютъ почти невозможной конкурренцію фабрикатовъ изъ внутренней Россіи съ японскими и американскими. Дѣйствительно, весь югъ Маньчжуріи, т. е. наиболѣе цѣнная ея часть, будетъ обслуживаться морскимъ путемъ, и въ этомъ отношеніи Россія стоитъ въ гораздо болѣе худшихъ условіяхъ, чѣмъ даже западная Европа. Отправка русскихъ фабрикатовъ изъ предѣловъ Европейской Россіи по желѣзной дорогѣ обойдется, конечно, неизмѣримо дороже отправки ихъ морскимъ путемъ также изъ Россіи, если только желѣзнодорожные тарифы

---

* № 23, 1903 г.

для нихъ не будутъ понижены до неслыханной степени, но тогда и желѣзная дорога явится въ коммерческомъ отношеніи предпріятіемъ совершенно нелѣпымъ. Кромѣ того, отправка изъ Россіи такихъ продуктовъ, какъ сахаръ и табакъ, непремѣнно пойдетъ морскимъ путемъ, именно съ юга, съ мѣста ихъ производства. Зарожденіе на Дальнемъ Востокѣ мѣстной китайской промышленности создало уже огромную конкурренцію промышленности русской. Наконецъ, иностранные капиталы также уже перебрались въ Китай и создали въ Шанхаѣ цвѣтущую мѣстную индустрію. Во всякомъ случаѣ, не говоря уже о крайней дороговизнѣ транспортировки русскихъ фабрикатовъ по желѣзной дорогѣ на разстояніи 8.000 верстъ, даже и морской фрахтъ обойдется для нихъ дороже, чѣмъ для фабрикатовъ изъ Германіи и Англіи: кромѣ неизбѣжнаго провоза по желѣзной дорогѣ до Петербурга, Либавы и Риги, всѣ эти пункты отстоятъ отъ Маньчжуріи гораздо дальше, чѣмъ Гамбургъ, Бременъ или англійскіе порты. Такимъ образомъ, русскіе фабрикаты могутъ конкуррировать на Дальнемъ Востокѣ съ иностранными развѣ въ томъ случаѣ, если правительство организуетъ ихъ безплатную доставку какъ по желѣзной дорогѣ, такъ и моремъ. Но до этого едва-ли дойдетъ „покровительство отечественной промышленности“. Не говоря уже о незнакомствѣ русскихъ фабрикантовъ съ потребностями китайскихъ рынковъ и съ вкусами туземцевъ, объ ихъ отдаленности отъ Европейской Россіи, тамъ особенно требуются такіе сырые и полусырые продукты, которые даже

на собственные русскіе рынки ввозятся изъ-за границы. Наприм., первое мѣсто по цифрѣ ввоза въ Китай занимаетъ хлопчато-бумажная пряжа; она ввозится преимущественно изъ Индіи, затѣмъ изъ Англіи, Голландіи, Америки; въ послѣднее время къ нимъ присоединилась и Японія, пріобрѣтающая въ Китаѣ сырой хлопокъ и ввозящая его обратно послѣ обращенія въ пряжу. Но Китай самъ уже принялся за устройство собственныхъ бумагопрядиленъ и ткацкихъ фабрикъ, такъ что въ 1896 г. тамъ уже существовало до 15 хлопчато-бумажныхъ мануфактуръ, снабженныхъ новѣйшими приспособленіями и машинами. Слѣдущее мѣсто по цифрѣ ввоза въ Китай занимаетъ опіумъ, ввозимый изъ Индіи и незначительной частью изъ Персіи.

Къ ввозу этого продукта Россія, конечно, уже не можетъ имѣть никакого отношенія. То же нужно сказать и о рисѣ, главнымъ поставщикомъ котораго въ Китай является Индо-Китай. Изъ ввозимыхъ въ Китай металловъ на первомъ мѣстѣ стоитъ желѣзо, ввозъ котораго съ 1882—1894 г. поднялся болѣе чѣмъ въ 3 раза. Но этотъ надежный рынокъ для всѣхъ видовъ желѣза не можетъ быть использованъ Россіей, потому что ея внутренній спросъ на металлы еще далеко не удовлетворенъ, почему желѣзо, чугунъ и проч. такъ дороги на русскихъ рынкахъ, что почти недоступны русскому крестьянину. Такимъ образомъ, Россія и думать не можетъ о поставкѣ въ Китай того сырья и тѣхъ полуфабрикатовъ, ввозъ которыхъ туда изъ-за границы стоитъ на первомъ планѣ. Въ вопросѣ о пріобрѣтеніи новыхъ рынковъ нельзя также не считаться

и съ личными качествами тѣхъ элементовъ, тѣхъ живыхъ единицъ, которыя являются непосредственными двигателями торговаго движенія. Китайцы обладаютъ высокими врожденными качествами коммерсантовъ. они —купцы по природѣ и въ этомъ отношеніи имѣютъ много общихъ чертъ съ евреями, но только смотрятъ шире на свою дѣятельность, причемъ крупные коммерсанты совершенно отрѣшились отъ обычнаго для русскихъ купцовъ принципа „не обманешь—не продашь". Въ общемъ китайскіе купцы предпріимчивы, трудолюбивы, разсчетливы, аккуратны и смѣлы. Неподвижность русскихъ купцовъ, отсутствіе у нихъ инициативы слишкомъ хорошо извѣстны, такъ что китайскіе купцы въ этомъ отношеніи являются неодолимыми ихъ соперниками. Кромѣ того, русскіе купцы до сихъ поръ основываютъ свои коммерческіе разсчеты не на солидномъ знакомствѣ съ вкусами и потребностями потребителей въ Маньчжуріи и Китаѣ, не на изученіи спроса и предложенія, а на предположеніяхъ о „простотѣ", „невѣжествѣ" и т. п. качествахъ, будто бы присущихъ китайцамъ, какъ расѣ низшей. Поэтому Россія, въ лицѣ представителей своего торговаго міра, не можетъ разсчитывать на особенный успѣхъ въ Маньчжуріи въ дѣлѣ распространенія русскихъ фабрикатовъ въ этой странѣ, такъ какъ мѣстная торговля уже захвачена китайцами, которые къ тому же въ приморскихъ областяхъ внутренняго Китая уже положили начало собственной промышленности. Необыкновенныя торговыя способности китайскихъ купцовъ подтверждаются и тѣми тяжелыми условіями, при кото-

рыхъ имъ пришлось работать и при которыхъ, тѣмъ не менѣе, они достигли положительныхъ результатовъ: очень плохіе пути сообщенія, первобытныя средства перевозки товаровъ и, наконецъ, разбои хунхузовъ. Не слѣдуетъ также забывать и того обстоятельства, что населеніе Маньчжуріи вообще бѣдно, съ очень несложными потребностями, и спросомъ среди него пользуется только то, что рѣшительно необходимо для жизни. Такимъ образомъ, и по этой причинѣ лишь немногія фабрично-заводскія произведенія центральной Россіи могли бы найти для себя хорошій сбытъ на маньчжурскомъ рынкѣ.

Вопросъ о постройкѣ Восточной Китайской желѣзной дороги принципіально былъ рѣшенъ, конечно, гораздо раньше 1896 г. и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, не на основаніи какихъ-либо соображеній экономическаго характера, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, а въ силу чисто военно-стратегическихъ предположеній. Если вопросъ объ экономическомъ значеніи маньчжурскаго рынка и былъ выдвинутъ, то лишь гораздо позже, былъ пристегнутъ къ вопросу о желѣзной дорогѣ именно post hoc, а не propter hoc. До 1897 г. въ русской литературѣ даже не существовало сколько-нибудь цѣльнаго и подробнаго описанія Маньчжуріи, и лишь въ 1897 г. вышло въ свѣтъ „Описаніе Маньчжуріи", составленное г. Поздѣевымъ по порученію м-ва финансовъ. Изъ этого сочиненія можно видѣть, что не только раньше Маньчжурія была terra incognita, но даже и въ это время многія важныя стороны ея жизни оставались неизвѣст-

ными. Авторъ признаетъ, напр., что значеніе такихъ портовъ, какъ Бидзиво, Дагушань осталось совершенно неизвѣстнымъ; невыясненнымъ оказалось и значеніе Гирина, Бодунэ, Цицикара и Хайлара. Осталось совершенно неизвѣстно мѣстоположеніе города Бутха, хотя онъ былъ резиденціей фудутуна (губернатора).

Словомъ, и авторомъ признается недостатокъ данныхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, а потому и невозможность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣлать рѣшительные выводы *. Невыясненной оказалась и степень экономической зависимости Приамурья отъ Маньчжуріи. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ такихъ „невыясненныхъ вопросовъ", изъ которыхъ мы и отмѣчаемъ наиболѣе важные: 1) о пригодности продуктовъ русскаго производства по вкусамъ мѣстныхъ жителей, 2) о возможности конкурренціи русскихъ товаровъ, привезенныхъ черезъ Владивостокъ, съ товарами, привезенными черезъ Инкоу. Какъ части для рѣшенія этой послѣдней задачи, подлежатъ выясненію: a) степень проникновенія европейскихъ товаровъ на сѣверъ отъ Инкоу и русскихъ на югъ отъ Амура, b) провозныя цѣны, c) сравнительная стоимость тѣхъ и другихъ товаровъ въ Маньчжуріи, d) степень расположенія населенія къ товарамъ того или другого производства. При рѣшеніи вопроса о желѣзной дорогѣ экономическія соображенія, очевидно, не играли никакой роли даже просто потому, что въ распоряженіи рѣшающихъ сферъ не было и не

* Т. I, стр. 600 и слѣд.

могло быть никакихъ фактическихъ данныхъ, которыя могли бы склонить этотъ вопросъ къ рѣшенію именно въ положительномъ смыслѣ.

Международныя отношенія прежняго времени выражались въ погонѣ за безцѣльнымъ округленіемъ территоріи, въ увеличеніи одного лишь военнаго престижа страны, но въ самомъ концѣ XIX в. этотъ архаическій modus gubernandi уже считался больше достояніемъ исторіи, чѣмъ стимуломъ для активной политики: его замѣнила погоня за рынками, борьба за нихъ. Экономическіе постулаты выступили на первый планъ, а формально-политическіе утратили прежнее значеніе, можно сказать, совершенно исчезли. Эта борьба за рынки ведется уже не при содѣйствіи казармъ, арсеналовъ и крѣпостей, а при помощи фабрикъ, банковъ, торговыхъ конторъ, торговыхъ экспедицій. Наступательной дѣятельности въ этомъ смыслѣ всегда предшествуетъ организаціонная, заключающаяся въ точномъ и всестороннемъ изученіи условій того рынка, который предполагается завоевать. Ничего подобнаго не было сдѣлано въ указанномъ направленіи, когда рѣшался вопросъ о фактической оккупаціи Маньчжуріи посредствомъ проведенія по ней желѣзной дороги, и само вѣдомство, столь близко стоящее къ экономическимъ вопросамъ, выдало себѣ testimonium paupertatis въ этомъ отношеніи, какъ это вполнѣ ясно изъ книги г. Позднѣева. Прошло нѣсколько лѣтъ—и сама жизнь, послѣ огромныхъ денежныхъ затратъ и путемъ тяжелыхъ испытаній, показала наконецъ истинное значеніе маньчжурскаго рынка для русской про-

мышленности и торговли, а болѣе детальное знакомство съ климатическими и физическими условіями Маньчжуріи, съ составомъ и распредѣленіемъ туземнаго населенія, обнаружило степень ея пригодности, какъ страны, предназначаемой для притока земледѣльческой колонизаціи изъ Россіи; наконецъ, результаты, достигнутые въ Маньчжуріи насадителями русской культуры, уяснили цѣнность этой культуры, особенно въ сравненіи съ тѣми огромными суммами, которыя были употреблены для ея насажденія. Не безпочвенныя, апріорныя соображенія, не безсодержательныя, quasi-патріотическія фразы должны установить истинную точку зрѣнія на данный вопросъ, а спокойное и безпристрастное разсмотрѣніе и сопоставленіе фактовъ, которые доставляетъ неприкрашенная дѣйствительность.

IV.

Особыя, исключительныя права и функціи Русско-Китайскаго банка.—Учрежденіе Общества Восточной Китайской желѣзной дороги.—Неопредѣленное юридическое положеніе этой дороги.—Фиктивное признаніе казеннаго предпріятія частнымъ не могло скрыть его дѣйствительнаго международно-политическаго характера.—Неизбѣжность фактической оккупаціи Маньчжуріи для охраны дороги и невыполнимость обѣщанной эвакуаціи.—Стоимость сооруженія дороги.—Вліяніе юридической неопредѣленности дороги на чрезмѣрную стоимость ея сооруженія и неудовлетворительность контроля и отчетности.—Злоупотребленія при постройкѣ и въ началѣ эксплуатаціи.—Отзывъ пр. Мигулина о постройкѣ дороги.—Низкая естественная доходность дороги въ зависимости отъ условій мѣстнаго рынка и слабаго торгово-промышленнаго развитія внутренней Россіи.—Невозможность для дороги конкуррировать съ морскимъ путемъ.—Очень слабая экономическая связь туземнаго населенія съ дорогой.—Выходъ дороги къ океану открылъ южную Манчжурію для иностранной промышленности.—Искусственныя мѣры для поднятія доходности дороги, гибельныя для экономической жизни Приамурья.—Общая безрезультатность принятыхъ мѣръ.—Неоправдавшіяся надежды на Дальній.—Новые расходы на Маньчжурію въ случаѣ ея оккупаціи.—Постоянное сооруженіе не дающихъ дохода желѣзнодорожныхъ линій при отсутствіи средствъ на удовлетвореніе элементарныхъ культурныхъ потребностей страны.—Отвлеченіе Маньчжуріей ресурсовъ, безусловно необходимыхъ для внутренней Россіи.

Приступая къ вопросу о цѣляхъ сооруженія Восточной Китайской желѣзной дороги и достигнутыхъ ею экономическихъ результатовъ, мы должны остановиться на двухъ учрежде-

ніяхъ, тѣсно связанныхъ съ этой дорогой, какъ это будетъ показано ниже — Русско-Китайскомъ банкѣ и Обществѣ Восточной Китайской желѣзной дороги. Уставъ этого банка утвержденъ 10 декабря 1895 г. Задачи его заключались въ производствѣ торговыхъ операцій въ странахъ восточной Азіи. Капиталъ былъ объявленъ въ 6 мил. рублей мет., а учредителями названы слѣдующія лица: кн. Э. Э. Ухтомскій и г.г. Рене Брисъ, Гольдштандтъ, Рудольфъ Готтингеръ, Эрнестъ Денорманди, Эдуардъ Нетцлинъ, Адольфъ Ротштейнъ и Яковъ Штернъ. Въ 1898 г. было образовано отдѣленіе банка (уже шестое) въ Хуланченѣ спеціально для операцій, связанныхъ съ сооруженіемъ желѣзнодорожныхъ линій въ Маньчжуріи. Оффиціально банкъ признается частнымъ учрежденіемъ, но договоръ Россіи съ Китаемъ объ его учрежденіи, на который не осталось безъ вліянія покровительственное отношеніе Россіи къ Китаю, при заключеніи послѣднимъ мира съ Японіей,—обнаруживаетъ степень вниманія къ нему русскаго правительства—почему банкъ получилъ нѣкоторыя исключительныя и весьма обширныя права, свѣдѣнія о реализаціи которыхъ остались, впрочемъ, его секретомъ. Какъ сообщаетъ г. Коростовецъ, банкъ получилъ право совершать эмиссіонныя операціи (очень важное, присвояемое лишь государственнымъ учрежденіямъ), право получать платежи по вносимымъ въ Китаѣ податямъ, чеканить монету съ разрѣшенія китайскаго правительства, совершать оплату % по китайскимъ займамъ, пріобрѣтать концессіи на проведеніе желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ

линій и вообще участвовать въ операціяхъ, имѣющихъ отношеніе къ финансовому хозяйству Китая. 27 августа 1896 г. былъ заключенъ спеціальный договоръ банка съ китайскимъ правительствомъ, т. е. раньше заключенія трактата между Россіей и Китаемъ объ уступкѣ послѣднимъ портовъ Артура, Таліенвана и предоставленіи права постройки желѣзнодорожныхъ линій для соединенія этихъ портовъ и съ сибирской желѣзной дорогой (15 марта 1897 г.). На запросъ г. Дигаммы въ правленіе банка по поводу нѣкоторыхъ сторонъ его дѣятельности, послѣднее отвѣтило, что цѣль банка въ Китаѣ „упорядочить сношеніе съ Россіей, поднятіе значенія русскаго имени“, отношеніе его къ сооруженію Восточной Китайской дороги заключается въ ея „финансировкѣ“, а его важнѣйшія операціи въ Портъ-Артурѣ и Ньючжуанѣ—„въ пріобрѣтеніи земель отъ китайскаго правительства и въ финансировкѣ морскихъ и сухопутныхъ войскъ въ Россіи“ *). Эта послѣдняя операція обыкновенно составляетъ функцію не частныхъ банковъ, а государственнаго казначейства, „а поднятіе значенія русскаго имени“ еще болѣе удаляетъ Русско-Китайскій банкъ отъ „обще-банковыхъ операцій“, какъ неопредѣленно отозвалось правленіе на запросъ г. Дигаммы о главнѣйшихъ операціяхъ банка въ Шанхаѣ, Ханькоу и Хуланченѣ. Какъ извѣстно, успѣхъ банковыхъ операцій той или другой націи связанъ со степенью довѣрія, кредита, оказываемаго этой націи, а кредитъ, безъ сомнѣнія,

* „Торговля съ Китаемъ,“ 46—47.

больше будетъ у того народа, который въ данную страну внесъ наибольшее количество матеріальныхъ цѣнностей (товаровъ). Извѣстно также, что англійскій ввозъ въ Китай превышаетъ русскій въ 80 разъ, почему и является вопросъ, какъ можетъ Русско-Китайскій банкъ конкуррировать съ такими учрежденіями, какъ Hongkong and Shanghai Baking Corporation, Chartered Bank of India, Australia and China и др.? Сопоставляя необычную при этихъ условіяхъ рѣшительность частныхъ лицъ организовать подобное предпріятіе, не обѣщающее барышей, съ особыми полномочіями, полученными банкомъ отъ китайскаго правительства, и съ тѣми спеціальными функціями, на которыя было указано выше,—мы можемъ составить себѣ понятіе о дѣйствительныхъ задачахъ этого учрежденія. Въ слѣдующемъ (1896 г.) было учреждено Общество Восточной Китайской желѣзной дороги съ капиталомъ въ 5 милліоновъ и съ правительственной гарантіей облигаціонному капиталу. Въ VIII пунктѣ упомянутаго уже соглашенія 15 марта 1897 г. говорится, что договоръ 1896 г., относительно сооруженія Восточной Китайской желѣзной дороги „будетъ распространенъ на желѣзнодорожную вѣтвь къ Даляиваню или къ какому нибудь другому пункту на морскомъ побережьѣ между г. Ньючжуаномъ и р. Алуцзянемъ. Сооруженіе этой вѣтви не должно служить предлогомъ къ нарушенію верховныхъ правъ или цѣлости Китая“.

Общество получило отъ Китая концессію на проведеніе дороги срокомъ на 80 лѣтъ, послѣ чего дорога *безплатно* переходитъ къ китайскому прави-

тельству, и всѣ ея долги русскому правительству слагаются со счетовъ. Въ 1897 г. Общество выпустило на 15 милліоновъ облигацій, не имѣвшихъ успѣха, хотя почти половину всего выпуска (7.200 тыс.) взяли сберегательныя кассы государственнаго банка. Какъ видно изъ „Указателя дѣйствующихъ въ Россіи акціонерныхъ предпріятій, *) правленіе Общества состояло изъ слѣдующихъ лицъ: гг. Кербедзъ, Вентцель, Романовъ, Покатиловъ, Ходоровскій, кн. Ухтомскій, Алексѣевъ, Соллогубъ, Ивановъ, Кази. Г. Романовъ является представителемъ м-ва финансовъ, г. Соллогубъ—военнаго, г. Кази—морского вѣдомства. Большинство членовъ правленія—инженеры путей сообщенія и состоятъ на государственной службѣ. Русско-Китайскій банкъ не могъ, конечно, финансировать такое крупное предпріятіе, и потому съ 1898 г. начались правительственныя ссуды О-ву Восточной Китайской дороги въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ 1898 г. 24.800.000 р., въ 1899—60.367.100 р., въ 1900—85.000.000 р., въ 1901 г.—82.000.000 р. Въ концѣ 1901 г. ссудъ подъ облигаціи было 252.167.610 р. Въ дальнѣйшемъ ссуды Обществу было выдано болѣе, чѣмъ на 351 мил. руб., да реализовано путемъ облигацій до 14 мил., не считая 5 мил. акціонернаго капитала и суммъ, уплаченныхъ Обществу въ возмѣщеніе убытковъ, нанесенныхъ вслѣдствіе китайскаго возстанія.

Правовое положеніе Восточной Китайской дороги

---

*) Подъ общей редакціей В. А. Дмитріева-Мамонова, Спб. 1903 г., стр. 1915.

съ самаго начала должно было представляться не только вполнѣ неопредѣленнымъ, неустойчивымъ, ненормальнымъ, но и могущимъ вовлечь Россію въ международныя осложненія, что и произошло на самомъ дѣлѣ. Логическія противорѣчія ясно бросались въ глаза: съ одной стороны, это была аренда чужой земли на извѣстный срокъ съ исключительными привилегіями и полномочіями, съ другой, это была оккупація китайской территоріи подъ видомъ охраны русской государственной дороги, оперирующей съ правами частнаго общества, наконецъ, въ странѣ существовало китайское управленіе съ признаніемъ ненарушимости верховныхъ правъ Китая надъ всей территоріей Маньчжуріи. Съ одной стороны, была допущена фикція считать казенное предпріятіе частнымъ, съ другой—международно-политическій характеръ предпріятія былъ ясенъ для всѣхъ. Если бы даже китайское правительство признавалось желательнымъ для охраны дороги, то на самомъ дѣлѣ оно было бы безсильно охранять ее въ виду враждебнаго настроенія страны и собственной слабости. „Дорога эта говоритъ проф. Мигулинъ, „должна была идти по китайской территоріи, а средства должна была дать Россія, сама почти совершенно лишенная рельсовыхъ путей, съ тѣмъ, чтобы дорога перешла впослѣдствіи въ собственность Китая“ *). „Если Маньчжурію, говоритъ проф. Мигулинъ въ своей книгѣ „Наша желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожное хозяйство“, имѣлось въ виду присоединить

*) „Народное хоз.“, 1903, № 2.

къ Россіи, то дорогу слѣдовало сооружать не черезъ частное общество, а непосредственными распоряженіями правительства, подъ охраною нашихъ войскъ и безъ всякихъ правъ китайскаго правительства на выкупъ или на безплатное полученіе дороги черезъ извѣстный промежутокъ времени" *). Принципіально признаваемая, эвакуація Маньчжуріи неоднократно возвѣщалась, но выполнить эти обѣщанія фактически было невозможно, такъ какъ тогда затраченныя сотни милліоновъ погибли бы безвозвратно. Логическій законъ exclusii tertii выступилъ здѣсь во всей своей ясности: нужно было или окончательно и гласно присоединить Маньчжурію, или отказаться отъ желѣзной дороги, ликвидируя все дѣло съ наивозможно меньшими убытками—иного, третьяго рѣшенія не было и не могло быть. „Кіевлянинъ" даже предлагалъ продать дорогу, „чтобы закрыть возможно скорѣе ту огромную дыру на Дальнемъ Востокѣ, въ которую будутъ въ противномъ случаѣ проваливаться, какъ въ бездонную бочку, новые десятки и сотни милліоновъ рублей русскихъ денегъ. Мы сдѣлали огромную ошибку, забравшись въ эту восточную прорву, и теперь нужно направить всѣ усилія къ тому, чтобы возможно скорѣе оттуда выбраться" **). Расходы, уже произведенные до сихъ поръ по постройкѣ Восточной Китайской желѣзной дороги, дѣйствительно оправдываютъ только что приведенныя слова г. Пихно.

*) Стр. 169.
**) № 4, 1904 г.

Сооруженіе 2377 верстъ путей . .	253.496.850 р.
Охрана линіи и расходы, вызванные особыми условіями сооруженія .	46.293.386 „
Убытки, вызванные китайскими безпорядками 1900 г.	70.000.000 „
Устройство города и порта Дальняго (не окончательное)	18.850.000 „
Учрежденіе морского пароходства по водамъ Тихаго океана для нуждъ дороги	11.427.000 „
Всего . .	400.077.266 р.

Съ финансовой стороны правовая неопредѣленность желѣзной дороги выразилось не только въ чрезвычайной высотѣ цыфръ расхода, но и въ почти полномъ отсутствіи отчетности и контроля при постройкѣ: какъ предпріятіе частнаго общества, постройка подвергалась лишь весьма слабому и недостаточному правительственному контролю, но фактически всѣ сооруженія происходили на казенный счетъ. Въ результатѣ получилось, что на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ желѣзной дороги, постройка которой обошлась бы такъ дорого—252.000 р. верста, между тѣмъ какъ даже верста Кругобайкальской дороги стоила не дороже 220.000 р. Благодаря этой двойственности, постройка была обставлена хуже съ технической стороны и породила гораздо больше злоупотребленій, чѣмъ если бы она открыто строилась правительствомъ. Эта двойственность привлекла, въ качествѣ строителей, главнымъ образомъ особый типъ людей, который получилъ названіе „маньчжурцевъ", типъ, еще болѣе

хищный и опредѣленный, чѣмъ прославленные Щедринымъ „ташкентцы". При плохой технической подготовкѣ, люди эти отличались неимовѣрной жадностью и безцеремонностью. „Вся эта орда, говоритъ „Листокъ Никольскъ-Уссурійскій", брала не строить дорогу, а только урвать. Всѣ эти quasi-техники, счетоводы, конторщики, десятники, еле грамотные писцы не стѣснялись вовсе, откровенно сообщая любопытствующимъ о своихъ намѣреніяхъ". „Всѣ эти доморощенные техники, продолжаетъ газета, занимавшіеся гдѣ нибудь на другихъ дорогахъ заколачиваніемъ пикетажныхъ колышковъ, кромѣ того, что завѣдывали здѣсь цѣлыми участками, за что получали опредѣленные оклады,—при первой возможности становились на той же дорогѣ подрядчиками, благо рабочаго-манзы валило на дорогу—тьма"*. Вслѣдствіе отсутствія контроля и отчетности при постройкѣ дороги происходили различныя злоупотребленія, понятіе о которыхъ даетъ, напр., г. Ганейзеръ **. Необходимо прежде всего отмѣтить самую грубую эксплоатацію китайцевъ-рабочихъ персоналомъ низшихъ служащихъ. „Вѣдь вся линія „Маньчжурки" выстроена руками китайскихъ рабочихъ. Тысячи ихъ, десятки тысячъ укладывали полотно дороги, таская землю, песокъ и камни маленькими корзинками на коромыслѣ. И, можетъ-быть, нигдѣ тяжелыя земляныя работы не обошлись такъ дешево, какъ на Китайской дорогѣ. Но несмотря на ничтожное вознагражденіе за трудъ,

---

* № 41, 1904 г.

** „Рус. Вѣдом." 1904, № 28.

какимъ могъ довольствоваться только китаецъ, какъ часто его сверхъ того обманывали еще при разсчетѣ, пользуясь его изумительною довѣрчивостью при исчисленіи работы и его незнаніемъ денежнаго курса!

Размѣнъ денегъ,—а деньги шли сюда милліонами,—давалъ оборотливымъ „маньчжурцамъ“ крупные куши *безгрѣшныхъ* доходовъ все за счетъ тѣхъ же землекоповъ-китайцевъ, которые были совершенно неспособны разбираться въ колебаніяхъ курса мексиканскихъ долларовъ, русскихъ рублей (бумажныхъ и серебряныхъ), русскаго золота, китайскихъ ланъ и чоховъ.

Авансы на линію выдавались громадные. Говорятъ, что ихъ необходимо было выдавать по условіямъ мѣста, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и невозможности частыхъ сношеній между центральною конторой и участками пути, растянувшагося болѣе чѣмъ на 2,000 верстъ. Авансъ въ 100, въ 200 тысячъ претерпѣвалъ размѣнныя метаморфозы, въ результатѣ которыхъ, въ какомъ бы направленіи ни измѣнялся курсъ, всегда выигрывалъ получившій авансъ. И это, по „маньчжурскимъ“ понятіямъ, считалось просто удачною финансовою комбинаціей, которую не только не было никакой надобности скрывать, но которою при случаѣ можно было и похвалиться.

Очень важною доходною статьей для тѣхъ „маньчжурцевъ“, которые старались улучшить свое матеріальное положеніе, былъ балластъ пути. Кубъ балласта исчислялся „по четвертому измѣренію“. Такъ мѣстное остроуміе опредѣляло тѣ случаи,

когда составлялись фантастическія вѣдомости о балластѣ пути и вообще о насыпяхъ, выемкахъ и проч.

Здѣсь любопытно отмѣтить, что среди „маньчжурцевъ“, пользовавшихся четвертымъ измѣреніемъ, были „добросовѣстные“ и „нечестные“. Я сейчасъ объясню, что это значитъ. Дѣло въ томъ, что при вывозкѣ балласта низшіе служащіе, кондукторскія бригады, получали премію отъ куба. „Добросовѣстные“ „маньчжурцы“ уплачивали премію полностью по вѣдомостямъ какъ за вывезенный балластъ, такъ и за тотъ, который опредѣлялся „четвертымъ измѣреніемъ“. И въ такихъ случаяхъ всѣ были довольны. Но если премія выдавалась только за дѣйствительно сработанный балластъ, а *остальное* причислялось къ собственнымъ доходамъ, то это уже было „нечестно“.

Капиталы въ 200—300 тысячъ пріобрѣтались въ Маньчжуріи легко и быстро. Г. Гапейзеръ сначала приписывалъ обычному преувеличенію всѣ разсказы о хищеніяхъ въ сотни тысячъ, но когда познакомился съ тѣмъ, какъ свободно обращаются съ милліонами въ Харбинѣ, Портъ-Артурѣ и въ особенности въ Дальнемъ, то всѣ подобные разсказы перестали ему казаться неправдоподобными. Далѣе г. Гапейзеръ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми характерными „маньчжурскими“ пріемами мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ воротилъ для быстраго пріобрѣтенія огромныхъ капиталовъ.

Товарные поѣзда отправлялись не по расписанію, а по нарядамъ, т. е. въ случайные, а не въ опредѣленные сроки выдавался нарядъ на отправку опредѣленнаго количества товарныхъ вагоновъ.

Грузоотправители могли отправлять свой товаръ только цѣлыми вагонами, попудной пріемки товаровъ не было. Точный учетъ перевозимыхъ товаровъ при этомъ почти невозможенъ, но и учетъ посылаемыхъ вагоновъ, какъ оказалось, представлялъ непреодолимыя затрудненія. Вагоны отличались какою-то таинственною неуловимостью. Отправляется поѣздъ въ составѣ, положимъ, десяти вагоновъ, нагруженыхъ товарами, но послѣ того, какъ онъ прибывалъ къ мѣсту назначенія, отъ него по линіи и по книгамъ для контроля оставался слѣдъ какъ бы отъ поѣзда, состоявшаго всего изъ трехъ—четырехъ вагоновъ. Харбинскіе купцы въ первые мѣсяцы движенія грузовъ запаслись громадными количествами всевозможныхъ товаровъ, привезенныхъ по особому льготному тарифу, по которому и теперь еще тоскуютъ, какъ по невозвратному для всѣхъ благополучію.

Когда контроль со стороны высшаго начальства сталъ доискиваться, куда исчезаютъ вагоны, на сцену выступила новая комбинація: стали торговать нарядами на перевозку служебнаго груза. Дѣло въ томъ, что каждый служащій, каждый подрядчикъ пользовались правомъ перевозить свой и служебный грузъ. Наряды выдавались на перевозку такого груза щедрою рукой. Владѣлецъ наряда (бумага за надлежащими подписью и печатью) продавалъ его грузоотправителю, и тысячи пудовъ частнаго груза проѣхали подъ видомъ служебнаго.

Лихорадка наживы носилась въ воздухѣ, словно заразный микробъ, проникавшій во всѣ сферы служебнаго и неслужебнаго люда. Отсутствіе правиль-

ной отчетности и контроля создавало ту страшную атмосферу круговой поруки, при которой совершенно безсильны самыя прекрасныя намѣренія высшей власти.

Китайскіе безпорядки 1900 г., извѣстные подъ именемъ боксерскаго движенія, когда были сожжены постройки, разрушено полотно и вообще произведены значительныя опустошенія,—дали случай показать убытки въ размѣрахъ колоссальныхъ, такъ какъ разрушенными были показаны и такія постройки и сооруженія, коихъ въ дѣйствительности и не существовало. Обстановка была чрезвычайно благопріятна для хищеній, прикрытыхъ боксерскими волненіями. Учета работъ, въ особенности въ первое время, не производилось, а если онъ и дѣлался, то вѣдь при поспѣшномъ бѣгствѣ съ линіи всѣ вѣдомости, табели, учеты легко терялись. „Помилуйте, надо было спасать людей! Какіе тутъ разсчеты!“ раздавалось всюду, какъ только рѣчь заходила на эту тему. Невозможно учесть разрушеніе, когда неизвѣстно, что построено. Китайцы подрядчики и рабочіе разбѣжались, и остались только свои люди, остался тѣсный кружокъ, въ которомъ изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, говоритъ г. Ганейзеръ, всего сильнѣе было развито чувство товарищества.

Это послѣднее въ желѣзнодорожной маньчжурской средѣ, въ особенности въ строительно-желѣзнодорожной, считалось лучшимъ украшеніемъ человѣка. Тамъ прежде всего необходимо было оказаться хорошимъ товарищемъ. Въ застольныхъ рѣчахъ при чествованіи строителей обѣдами какъ

высшая похвала для чествуемаго подчеркивалось всегда то, что такой то—хорошій товарищъ.

Если принять во вниманіе, что во время безпорядковъ, въ особенности въ тотъ ихъ періодъ, который прославился такъ-называемыми карательными экспедиціями, когда прошелъ первый страхъ, когда туземное населеніе, повергнутое въ ужасъ подвигами европейскихъ войскъ, убѣгало при первомъ появленіи европейскаго солдата, когда вернулось сознаніе личной безопасности,—если принять во вниманіе,—говоритъ г. Ганейзеръ,—что въ этотъ моментъ лихорадка хищеній достигла своего высшаго напряженія, то можно повѣрить анекдотическимъ разсказамъ о томъ, какъ нѣкоторые „маньчжурцы" нанимали китайцевъ „на свой счетъ" разрушать полотно дороги, ломать постройки и пр., лишь бы пріобрѣсти драгоцѣнное право... быть потерпѣвшимъ отъ китайскихъ безпорядковъ. Вѣдь послѣ боксерскихъ опустошеній всѣ работы приходилось производить сызнова. Отсчитаться въ полученномъ авансѣ нетрудно: онъ весь ушелъ на земляныя и прочія работы, которыя теперь уничтожены. Нечего дѣлать, надо брать новый авансъ...

При такой процедурѣ становится понятнымъ чудесное превращеніе авансовъ въ собственныя деньги.

„Да и много ли это 200 тысячъ? — говорили г. Ганейзеру въ Дальнемъ.—Ничтожнѣйшая дробь, какая-нибудь одна двухтысячная нашего строительнаго бюджета"...

„Сто рублей—не деньги, 50 верстъ—не разстояніе, китаецъ—не человѣкъ" — характерный

„маньчжурскій“ афоризмъ, сложившійся при постройкѣ дороги и иллюстрирующій воззрѣнія и нравы этой среды.

Хорошо разработанная система фиктивной, бумажной отчетности, хаотическое состояніе фактическаго учета работъ, отсутствіе дѣйствительнаго контроля, и, какъ результатъ, хроническія колоссальныя хищенія,—уже это одно показываетъ, что постройка Восточной Китайской дороги была предпріятіемъ казеннымъ, такъ какъ ни одно частное общество не можетъ допустить подобнаго отношенія къ своимъ средствамъ, подобное веденіе своего хозяйства.

„О специфической маньчжурской постройкѣ, говоритъ уже цитированный нами „Листокъ Никольскъ-Уссурійскій“, ставшей не только нарицательной, но и характеризующей безшабашныя хищенія, кутежи, развратъ, сопутствующія имъ дѣянія, кромѣ печати, говорили всѣ и вездѣ; это поистинѣ былъ секретъ полишинеля. И все это совершалось съ истинно маньчжурской, циничной откровенностью, никого не шокируя, а, напротивъ, соблазняя тѣхъ, которые не успѣли или нѣсколько стѣснялись ранѣе. Только въ самыхъ исключительныхъ, сверхнаглыхъ случаяхъ, какъ инженеръ Н., хапнувшій 200.000 р., привлекалось къ судебной отвѣтственности, а дѣянія ихъ становились достояніемъ гласности“.

Отчетность исчезла въ 1900 г., благодаря боксерскому движенію, которое уничтожило даже только проектированныя зданія. Очень краткую, но мѣткую оцѣнку заключительныхъ моментовъ соору-

женія Восточной Китайской желѣзной дороги дѣлаетъ проф. Мигулинъ въ цитированной нами статьѣ въ „Народномъ Хозяйствѣ“: „Какъ построена дорога оффиціально никому неизвѣстно“. Отчетовъ Общество дороги не публикуетъ, ихъ даже нѣтъ совсѣмъ, какъ сообщило правленіе Общества проф. Мигулину на его просьбу прислать эти отчеты; правленіе отвѣтило ему, что у него нѣтъ никакихъ отчетовъ, а государственный контроль не вмѣшивается въ дѣла „частнаго“ общества. Правда, для осмотра постройки сначала ѣздилъ г. товарищъ министра Романовъ, а затѣмъ бывшій въ то время министромъ г. Витте, который вынесъ съ своего объѣзда убѣжденіе, что „постройка Восточной Китайской дороги велась хорошо“, что „весь высшій персоналъ строительный никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ какихъ либо злоупотребленіяхъ“.

Сооруженіе дороги въ столь отдаленной странѣ должно было стоить огромныхъ суммъ, но „дѣйствительность превзошла всякое вѣроятіе, говоритъ проф. Мигулинъ. Постройка велась совершенно изъ ряда вонъ расточительно, хотя и быстро; хищенія производились совершенно открыто, у строителей не было хотя бы фиктивныхъ оправдательныхъ документовъ, на дорогѣ царило полное безправіе, сборъ всевозможныхъ авантюристовъ, русскихъ и инородцевъ, иностранцевъ, черную работу исполняли китайцы, грошами оплачиваемые кули, царилъ невѣроятный развратъ“ *. Строителямъ

* „Нар. Хоз.“, 1903 г., № 2.

дороги отсчитаться было бы трудно, если бы не произошли китайскіе безпорядки 1900 г., и на боксеровъ свалили большую часть расходовъ, произведенныхъ на сооруженія еще только проектированныя, но фактически уже оплаченныя казной. Въ свое время были употреблены весьма внушительныя мѣры для того, чтобы „соръ не выносился изъ избы“ этого маньчжурскаго предпріятія, и лишь исторіи будущаго суждено снять завѣсу, которая скрываетъ теперь и главныхъ актеровъ, и тайныя пружины всего этого страннаго и недостаточно выясненнаго предпріятія...

Что касается вопроса, во что обошлось государству это предпріятіе, то проф. Мигулинъ находитъ, что въ настоящее время опредѣлить это невозможно.

Огромная стоимость версты (252.000 р.) вызываетъ удивленіе у проф. Мигулина, при наличности условій, которыя, казалось бы, очень удешевляли постройку этой дороги: необыкновенная дешевизна китайскихъ рабочихъ рукъ, безпошлинное пріобрѣтеніе матеріаловъ за границей, упрощенный типъ самой постройки, незначительный подвижной составъ, отсутствіе правильно устроенныхъ станцій и платформъ. Земляныя и каменныя работы, конечно, не могли потребовать особенно значительныхъ расходовъ, т. к. насыпи по большей части сдѣланы просто изъ земли или глины и отличаются потому большой подвижностью, а каменные своды и желѣзныя трубы имѣютъ незначительный размѣръ и далеко не соотвѣтствуютъ той массѣ воды, которая во время ливней можетъ собраться

съ одной стороны насыпи. Сама администрація дороги признавала, что отдача ея въ эксплуатацію должна быть отложена, и согласилась на это, благодаря лишь энергическимъ настояніямъ свыше. Поэтому въ первое время на дорогѣ было немало крушеній, хотя поѣзда двигались очень медленно: даже экспрессы по 25, 20 и 18 верстъ въ часъ.

Дѣйствительная стоимость дороги выяснится только тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность расходы по проведенію Хинганскаго туннеля, сооруженіе непроваливающихся мостовъ, замѣны временныхъ обходныхъ путей постоянными, окончаніе постройки квартиръ для служащихъ, вокзаловъ, платформъ, по устройству водоснабженія. Расходы эти должны выразиться, конечно, въ десяткахъ милліоновъ.

Выяснивъ приблизительно огромную стоимость сооруженія Восточной Китайской желѣзной дороги, перейдемъ къ вопросу объ ея, такъ сказать, естественной доходности въ зависимости отъ условій мѣстнаго рынка и степени напряженности торгово-промышленной жизни во внутренней Россіи. Тѣ факты, которые были приведены нами въ предшествующей главѣ по вопросу объ отношеніи рынковъ Дальняго Востока къ торговлѣ и промышленности центральной Россіи, заранѣе должны подсказать намъ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, а факты и соображенія, которые мы приведемъ сейчасъ, дадутъ еще болѣе аргументовъ для нашего мнѣнія. Выше мы уже констатировали, насколько малъ приливъ произведеній русской промышленности на Дальній Востокъ, что, помимо

всего прочаго, зависитъ отъ неодолимой географической причины—страшной отдаленности маньчжурскаго и вообще дальне-восточнаго рынка. При громадномъ протяженіи дороги, она могла бы давать доходъ не только для покрытія расходовъ эксплуатаціи, но и для погашенія затраченнаго капитала, лишь въ томъ случаѣ, когда существовалъ бы второй путь, значительно увеличился бы подвижной составъ и во много разъ возросло бы количество грузовъ. Сооруженіе второго пути имѣло бы лишь стратегическое значеніе, увеличеніе подвижного состава совершенно ненужно при ограниченномъ количествѣ грузовъ, а грузы эти увеличиться не могутъ даже и потому, что русскіе фабриканты не могутъ удовольствоваться въ Маньчжуріи 5—6% дохода, когда за свой кредитъ имъ приходится платить столько же. Какъ бы ни понижались желѣзнодорожные тарифы, они всегда будутъ выше морскихъ фрахтовъ: чтобы транзитъ товаровъ по этой дорогѣ (считая, конечно, и сибирскую) могъ успѣшно конкуррировать съ перевозкой ихъ моремъ, необходимо отъ 50—75% ихъ провозной платы возмѣщать изъ средствъ государственнаго казначейства, что и было бы вѣнцомъ „покровительства отечественной промышленности".* Международнаго

*) Г. Меркуловъ въ своемъ докладѣ „Возможныя судьбы русской торговли на Дальнемъ Востокѣ" далъ очень яркую картину разницы русскихъ и иностранныхъ фрахтовъ. Фрахтъ для русскихъ товаровъ изъ Одессы до китайскихъ портовъ на пароходахъ Добровольнаго флота варьируется отъ 35 к. до 2 р. 40 к., на иностранныхъ отъ Гамбурга до Владивостока отъ 14—60 к., а изъ портовъ Японіи—8 к. Т. к. главные центры

транзитнаго значенія дорога эта имѣть не можетъ, такъ какъ очень немногіе товары могутъ выдержать плату за перевозъ на разстояніи 10.000 верстъ (отъ центровъ Европы), и перевозъ ихъ моремъ черезъ Суэцъ всегда будетъ гораздо дешевле.

Надежды, возложенныя раньше на огромное движеніе по дорогѣ на Дальній Востокъ, далеко не оправдались: иностранцы en masse предпочитаютъ болѣе дорогой и медленный, но зато болѣе спокойный, пріятный и безопасный для жизни и здоровья прежній морской путь. Тѣ же иностранцы, которые ѣздятъ по транссибирской и маньч-

---

русской промышленности отстоятъ далеко отъ Суэца, то приходится принять въ разсчетъ еще и стоимость провоза по желѣзнымъ дорогамъ. Тѣмъ не менѣе морскіе фрахты такъ велики, что по нимъ можетъ работать лишь столь привилегированное и субсидируемое пароходство, какъ Добровольный флотъ. При существующихъ морскихъ фрахтахъ изъ Россіи, привозъ сахара изъ Суэца до Владивостока въ 2½ раза дороже, чѣмъ изъ Германіи, соли—въ 3—4 раза, желѣза и чугуна—въ 3 раза, мануфактуры—въ 2½, а изъ Москвы и Лодзи—даже въ 3 раза. По замѣчанію г. Меркулова, конкурренція русскихъ фабрикатовъ съ иностранными будетъ лишь тогда возможна на рынкахъ Дальняго Востока, когда, кромѣ приплаты государствомъ 50—75 %, провозной платы, оно приметъ на свой счетъ пониженіе стоимости пользованія капиталомъ для цѣлей вывоза по крайней мѣрѣ на 50%, противъ его нынѣшней стоимости, пожертвуетъ вдвое и втрое большими суммами, чѣмъ теперь, для морского пароходства и, наконецъ, будетъ выдавать преміи за вывозъ такихъ русскихъ продуктовъ, которые, по условіямъ производства, дороже иностранныхъ. Вотъ при какихъ условіяхъ русскіе фабрикаты могутъ быть привлечены на рынки Дальняго Востока! („Труды О-ва для содѣйствія рус.-пром. и торг.“, ч. 27, 1904).

журской желѣзнымъ дорогамъ, предпочитають экспрессы, движеніе которыхъ, конечно, ничего не приноситъ дорогамъ, кромѣ убытка. Итакъ, лишь при крайне усиленномъ движеніи грузовъ и пассажировъ дорога, идущая изъ центральной Россіи на Дальній Востокъ, можетъ оказаться доходной; движеніе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сильнымъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе страшной отдаленности другъ отъ друга центральной Россіи и Дальняго Востока, а для грузового и отчасти пассажирскаго сообщенія послѣдняго съ Западной Европой всегда будетъ предпочитаться морской путь: слѣдовательно, дорога эта должна остаться бездоходной и, какъ предпріятіе коммерческое, должна считаться неудачной и ненужной.

Экономическая связь дороги съ туземнымъ населеніемъ Маньчжуріи осталось чисто внѣшней: на время постройки дорога притянула къ себѣ множество не только мѣстныхъ китайскихъ рабочихъ, но и пришедшихъ изъ внутренняго Китая. Эта масса китайскихъ рабочихъ получила за постройку дороги огромныя суммы, лишь самая незначительная часть которыхъ вернулась обратно въ Россію въ видѣ денегъ, вырученныхъ за русскіе фабрикаты, а наибольшая часть денегъ ушла безвозвратно изъ Россіи. По окончаніи постройки Маньчжурія зажила своею прежнею экономической жизнью, а желѣзная дорога стала существовать исключительно на счетъ русской государственной казны. Перевозимые по дорогѣ чисто мѣстные грузы, принадлежащіе мѣстнымъ китайцамъ, были незначительны, а путешествовавшіе туземцы, конечно,

не могли дать ей сколько нибудь значительнаго дохода. Желѣзнодорожные агенты, охранники, офицеры и солдаты, направляющіеся въ Харбинъ и Портъ-Артуръ—главный контингентъ пассажировъ дороги, для которыхъ, повидимому, она и строилась. Въ исторіи желѣзнодорожнаго строительства не найдется другого подобнаго примѣра, когда бы подобные результаты оказались послѣ сооруженія огромной, дорого стоющей дороги. Самое сооруженіе Восточной Китайской дороги прошло совершенно безслѣдно для промышленнаго развитія Россіи, такъ какъ матеріалы для нея почти цѣликомъ были пріобрѣтены за границей, а рабочими были китайцы. Мало того: благодаря дорогѣ, мирное завоеваніе Маньчжуріи, какъ новаго рынка для русской промышленности, стало невозможнымъ: при непремѣнномъ существованіи porto-franco въ нѣкоторыхъ портахъ Маньчжуріи иностранные товары, пользуясь болѣе дешевымъ морскимъ фрахтомъ, особенно изъ Японіи и Соединенныхъ Штатовъ, наводнили эти порты, и желѣзная дорога должна была явиться тѣмъ насосомъ, который будетъ накачивать въ Маньчжурію иностранные фабрикаты. Всякая конкурренція съ ними русскихъ фабрикатовъ оказалась совершенно безнадежной: русскій сахаръ, напр., въ Портъ-Артурѣ стоилъ не ниже 3 р. 60 к. пудъ, а иностранный—2 р. 40 к.—2 р. 80 к. Несмотря на все пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа на провозъ русскихъ товаровъ изъ Россіи до центра Маньчжуріи, пониженіе, при которомъ дорога работаетъ въ убытокъ (1 р.—1 р. 60 к. пудъ),—все-таки перевозка отъ маньчжурскихъ портовъ

обойдется гораздо дешевле, особенно въ предѣлахъ южной Маньчжуріи, гдѣ живетъ главная масса населенія всей страны. Закрытіе маньчжурскихъ портовъ для иностранной торговли совершенно немыслимо, такъ какъ встрѣтило бы самый энергическій протестъ со стороны Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, иностранцы будутъ пользоваться желѣзной дорогой, построенной на деньги обнищавшаго русскаго народа, который у себя на родинѣ тонетъ въ непролазной грязи проселочныхъ дорогъ. Такъ какъ изъ Маньчжуріи вывозить нечего, то для самихъ иностранцевъ постройка дороги въ этой странѣ была бы невыгодна; теперь же они будутъ пользоваться дорогой, построенной на чужой счетъ.

Когда стала выясняться естественная бездоходность дороги, рѣшили поднять ея доходность совершенно искусственными мѣрами—обычнымъ въ Россіи путемъ запрещеній съ одной стороны и усиленнымъ покровительствомъ съ другой. Этими мѣрами оказались: пониженіе фрахтовъ и пошлинъ съ чая при движеніи его по желѣзной дорогѣ, закрытіе porto-franco для Приамурья во Владивостокѣ, сооруженіе города Дальняго и открытіе въ немъ porto-franco. Первая мѣра имѣла въ виду искусственное отвлеченіе чайныхъ грузовъ отъ рѣчного пути по Амуру и была достигнута пониженіемъ тарифовъ $^1/_{20}$ к. съ пудо-версты отъ Дальняго до Москвы) и повышеніемъ пошлинъ при перевозкѣ его другимъ путемъ (и моремъ), а не черезъ посредство Восточной Китайской желѣзной дороги, и устройствомъ складовъ для чая для сохра-

ненія его до 6 мѣсяцевъ безъ оплаты пошлиной. Эта мѣра вызвала почти полную гибель амурскаго пароходства, на которое раньше были затрачены десятки милліоновъ казенныхъ субсидій, и ежегодный убытокъ казнѣ отъ $2^1/_2$ до $3^1/_2$ мил. руб. вслѣдствіе крайняго пониженія тарифовъ и замедленія въ уплатѣ пошлинъ.* Закрытіе porto-franco во Владивостокѣ, кромѣ устраненія конкурренціи иностранныхъ товаровъ на линіи Владивостокъ—Харбинъ, имѣло цѣлью вообще повысить приливъ въ Приамурье русскихъ фабрикатовъ по этой линіи, особенно во время закрытія Амура для навигаціи въ зимнее время, а также и гавани Владивостока. Этой мѣрой если и было достигнуто нѣкоторое по-

---

* Г. Меркуловъ приводитъ данныя, изъ которыхъ видно что Восточная Китайская дорога желаетъ понизить тарифы русскихъ дорогъ въ 2—3 и даже въ 9 разъ для нѣкоторыхъ товаровъ, чтобы создать необходимое количество грузовъ, предполагая въ то же время взыскивать въ свою пользу плату высшую, чѣмъ нынѣ дѣйствующіе желѣзно-дорожные тарифы: отъ Москвы до ст. Пограничной, напр., изъ 1 р. 74 к. въ свою пользу хочетъ взять 1 р. 40 к. за 1400 верстъ (отъ Пограничной до ст. Маньчжурія), а русскимъ дорогамъ за 6400 в. предоставляетъ получить 34 к. Такая комбинація необходима для доказательства доходности Восточной Китайской дор. Но это убѣдительно лишь для тѣхъ, кто сознательно желаетъ вѣрить явной безсмыслицѣ. Чтобы искусственно поднять доходность дороги, проектировалось взимать за провозъ русскихъ произведеній черезъ Одессу—Дальній, за 900 в., отдѣляющихъ Дальній отъ Харбина, за нѣкоторые товары по 25 к. съ пуда, а за тѣ же товары мѣстнаго (владивостокскаго) производства 77 к. за 528 в. Эти пріемы еще болѣе подняли бы „доходность“ злополучной дороги.

вышеніе доходности Восточной Китайской желѣзной дороги, то въ ущербъ Владивостоку и всему Приамурью. Тамъ сократился торговый обмѣнъ съ иностранцами, товары стали дороже, обороты коммерціи медленнѣе и меньше. Сокращеніе притока иностранныхъ капиталовъ вызвало затрудненіе въ кредитѣ, такъ какъ капиталы изъ Россіи не приливали. Европейская Россія ничего не дала Приамурью, такъ какъ сама долго еще будетъ нуждаться въ иностранныхъ капиталахъ. Золотопромышленность въ краѣ сократилась, и вообще тысячи людей остались безъ заработковъ. Закрытіе porto-franco вызвало учрежденіе таможни во Владивостокѣ, которая въ 1902 г. дала 1 милліонъ дохода при 650.000 р. расхода на свое содержаніе. Таможенный надзоръ съ самаго начала оказался недостаточнымъ, и потому уже было предположено употребить на его усиленіе тѣ 350.000 р. которые оставались отъ дохода. Итакъ, таможня будетъ приносить дохода ровно 0. Таможня, конечно, не убила контрабанды, идущей черезъ Маньчжурію; вслѣдствіе крайней протяженности границы нѣтъ возможности остановить контрабанду: 4.000—верстная граница съ Китаемъ требуетъ не менѣе $3^1/_2$ мил. руб. ежегоднаго расхода, чтобы хотя сколько нибудь урегулировать таможенный надзоръ. Такимъ образомъ, таможенный надзоръ долженъ, вмѣсто всякаго дохода, приносить ежегодный убытокъ въ нѣсколько милліоновъ. Торговое паденіе Благовѣщенска, вызванное искусственнымъ развитіемъ Харбина, упадокъ Владивостока, которому искусственно созданъ конкуррентъ—Дальній, кризисъ амурскаго пароход-

ства, экономическая пертурбація вообще во всемъ Приамурьѣ—вотъ жертвы, принесенныя на алтарь Восточной Китайской дороги. Еще столь недавно Приамурье пользовалось особенным покровительствомъ, въ немъ искусственно создалась тепличная земледѣльческая и промышленная жизнь, оно усиленно питалось соками центральной Россіи — и сегодня лѣвая рука уничтожаетъ то, что вчера еще созидала правая... Наблюдая такія метаморфозы, можно ли думать, что государственное хозяйство страны идетъ правильнымъ темпомъ, такъ сказать, регулярно наростающими концентрическими кругами? Не угрожаетъ ли такой modus vivendi серьезными экономическими и иными катастрофами?..

Основаніе города и порта Дальняго и учрежденіе въ немъ porto-franco имѣли цѣлью поднять доходность Восточной Китайской желѣзной дороги посредствомъ привлеченія къ ней черезъ этотъ портъ иностранныхъ грузовъ, а съ другой—направить черезъ него по дорогѣ внутренній экспортъ, особенно бобы и жмыхи изъ плодородной долины рѣки Ляо-хэ. Но Дальній не можетъ конкуррировать съ Инкоу, находящимся на устьѣ судоходной Ляо-хэ; этотъ же рѣчной путь болѣе дешевъ и удобенъ и для экспорта земледѣльческихъ продуктовъ долины Ляо-хэ. Итакъ, не оправдались и надежды, возлагаемыя на Дальній. Теперь уже окончательно выяснилось, что если Восточная Китайская желѣзная дорога и можетъ оказывать вліяніе на экономическую жизнь какого либо раіона Маньчжуріи, то лишь сѣверной, хотя и обширной, но малонаселенной и вообще не обѣщающей широкаго земле-

дѣльческаго и промышленнаго развитія. Южная Маньчжурія тянетъ къ Инкоу, и конкуррировать съ нимъ не могутъ ни Портъ-Артуръ, ни Дальній. Коммерческая флотилія на Амурѣ (казенная) подъ вліяніемъ нуждъ В. К. дороги, увеличилась въ 2—3 раза, а потомъ половина судовъ оказалось безъ дѣла и безъ надобности; казнѣ, конечно, и это предпріятіе стоило не малыхъ денегъ.

Маньчжурія могла бы до извѣстной степени стать рынкомъ сбыта для произведеній русской промышленности лишь тогда, когда она была бы совершенно закрыта для иностранныхъ фабрикатовъ; но достигнуть этого было и будетъ абсолютно невозможно, а, слѣдовательно, еще до самаго начала постройки дороги должно было выясниться это обстоятельство. Нельзя думать, что оно было неизвѣстно творцамъ дороги и недоступно для ихъ пониманія, и это какъ нельзя лучше доказываетъ, что соображенія о новомъ рынкѣ для индустріи центральной Россіи играли при этомъ совершенно второстепенную роль. „Если не предполагать скораго окончательнаго занятія Маньчжуріи, говоритъ проф. Мигулинъ, то должно признать постройку маньчжурской желѣзной дороги самымъ дорогимъ и безполезнымъ предпріятіемъ, за какое мы когда либо брались, цѣль же, осуществленіе которой мы добивались—не достигнутой. Жаль даромъ затраченной энергіи, жаль трудовыхъ денегъ обездоленнаго населенія, брошенныхъ и еще имѣющихъ быть брошенными въ бездонную бочку обреченной на неудачу затѣи, которая насъ такъ обезсилила безъ всякой пользы для будущаго и въ явный ущербъ для

настоящаго экономическаго и политическаго положенія *". Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ „Война и наши финансы"(„Русь", 1904, августъ, V) проф. Мигулинъ рекомендуетъ примѣненіе въ Маньчжуріи тѣхъ же правительственныхъ пріемовъ, какіе англичане практикуютъ въ Индіи; но пр. Мигулинъ упускаетъ изъ вида, что въ дѣйствительности англійская система въ Индіи не заключается въ одномъ только извлеченіи экономическихъ выгодъ изъ населенія, въ простой эксплуатаціи его: она предоставляетъ ему такую степень самоуправленія и самоопредѣленія, такую свободу для союзовъ и организацій всякаго рода, которой въ Россіи не имѣютъ даже и мѣстности, не находящіяся хронически въ положеніи усиленной охраны. Эти пріемы англійскаго управленія и поддерживаютъ туземное населеніе на той ступени экономическаго развитія, которое въ прямыхъ интересахъ самихъ англичанъ. Проф. Мигулинъ рекомендуетъ слишкомъ упрощенную систему, напоминающую систему объясачиванія инородцевъ, съ постройкой остроговъ на ихъ территоріи, которая практиковалось въ Сибири XVII в. казаками. Но такой modus gubernandi въ XX в. долженъ быть признанъ слишкомъ архаическимъ даже и для Россіи. На самомъ дѣлѣ полное присоединеніе Маньчжуріи потребовало бы не только постройки новыхъ пограничныхъ крѣпостей и содержанія постоянной значительной арміи, но и введеніе дорого стоящей администраціи, еще болѣе дорогой и слож-

---

* „Народ. Хоз.", 1903, № 2.

ной организаціи фиска и, кромѣ того, держало бы въ постоянной боевой готовности Приамурье, Забайкалье, Иркутскую губ. и вообще всю Сибирь. Это потребовало бы отъ Россіи не менѣе 100 мил. рублей новаго ежегоднаго расхода, который, конечно, не покрылся бы мѣстными доходами. Такимъ образомъ, лишь неопредѣленную оккупацію Маньчжуріи подъ видомъ охраны желѣзнодорожнаго пути (для чего, быть можетъ, задуманъ былъ и самый путь), вѣроятно, сочли наиболѣе практичнымъ и дешевымъ пріемомъ, чего совсѣмъ не оправдало самое близкое будущее, ставшее теперь столь печальнымъ настоящимъ. Если разсматривать Восточную Китайскую дорогу съ точки зрѣнія коммерческаго предпріятія, то она является наиболѣе яркимъ примѣромъ невыгодности русскаго желѣзнодорожнаго строительства послѣдняго времени. Какъ извѣстно, до 1901 г. на постройку желѣзныхъ дорогъ истрачено было 1.325.370.568 р., при чемъ замѣчается то страшное явленіе, что, при увеличеніе ассигнованій на это дѣло (напр., въ 1902 г.—267 мил., въ 1903 г.—281 мил.), убыточность желѣзныхъ дорогъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, и возрастаетъ очень быстро: въ 1901 г., напр.,—35,1 мил,, и въ 1905 г. ожидалось уже 84½ мил. Даже въ 1904 г. убытки должны увеличиться, такъ какъ въ этомъ году дороги должны были въ очень большомъ количествѣ возить грузы, вызванные потребностями военнаго времени. Уѣздные сельскохозяйственные комитеты не могли, конечно, не обратить вниманіе на огромныя затраты народныхъ средствъ на желѣзнодорожное стро-

нтельство. По замѣчанію А. А. Шишкова въ ставропольскомъ уѣздномъ комитетѣ „главный—внѣ всякаго сравненія—недостатокъ современныхъ русскихъ финансовъ заключается въ томъ, что, собирая со страны всѣми способами все, что она только можетъ дать, наше финансовое управленіе только ничтожную долю сбора возвращаетъ обратно странѣ. Не смотря на постоянное превышеніе (по росписи) доходовъ надъ расходами, громадный внѣшній долгъ государства ежегодно растетъ, а внѣшніе займы расходуются почти исключительно на непроизводительные военные расходы и на постройку желѣзныхъ дорогъ—притомъ далеко не всегда коммерчески выгодныхъ. Между тѣмъ, насущнѣйшія потребности страны остаются безъ удовлетворенія. Внутренніе пути сообщенія попрежнему первобытны: дѣло народнаго образованія какъ элементарнаго, такъ и техническаго, получаетъ гроши; доступнаго крестьянамъ дешеваго мелкаго кредита нѣтъ; затраты на обводненіе и облѣсеніе ничтожныя,—словомъ, почти все то, отъ чего непосредственно зависитъ экономическое благосостояніе сельскаго населенія, точно не представляетъ интереса для для финансоваго управленія“. Сибирская желѣзная дорога, по мнѣнію кн. Голицына, „легла тяжелымъ бременемъ на центръ нашей Россіи, явилась одною изъ причинъ матеріальнаго упадка благостоянія и оскудѣнія его“. Новооскольскій комитетъ указалъ, что „громадныя затраты правительства на желѣзнодорожное строительство на окраинахъ русскаго государства произведены въ значительной мѣрѣ за счетъ центральныхъ губерній.

Послѣдствіемъ этого явилось то оскудѣніе центра, которое признано самимъ правительствомъ... Интересы коренной Россіи постоянно приносились въ жертву интересамъ окраинъ".

Желѣзныя дороги, не создавая сами по себѣ никакихъ богатствъ, только содѣйствуютъ ихъ перемѣщенію и циркуляціи. Но что же сказать о такой желѣзной дорогѣ, которая содѣйствовала даже не перемѣщенію богатствъ изъ одной части страны въ другую, но явилась насосомъ, перекачивающимъ ихъ въ территорію совершенно чужую? И такою дорогою оказалась именно Восточная Китайская. Въ то время какъ множество сельскихъ производителей осталось безъ средствъ для поддержанія хозяйства и даже для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей, фабриканты и заводчики перестали находить покупателей, могущихъ обезпечить имъ дивиденды и казна не имѣетъ плательщиковъ для удовлетворенія даже неотложныхъ государственныхъ потребностей,—въ то самое время милліоны рублей, по грошамъ выбитые съ обнищавшаго русскаго мужика, безслѣдно поглощались отдаленной, чужой Маньчжуріей, т. е. до самаго послѣдняго времени Восточной Китайской желѣзной дорогой. Даже русская промышленность, выращенная на казенныхъ заказахъ и оборудованная въ тѣсной органической связи съ желѣзнодорожнымъ строительствомъ,—и та почти ничего не получила для своей поддержки отъ этой маньчжурской дороги, такъ какъ матеріалы для ея постройки получались изъ-за границы.

„Оскудѣніе центра", о которомъ говорятъ такъ

много теперь, является не только симптомомъ общаго экономическаго и соціальнаго нестроенія, но отчасти и прямымъ слѣдствіемъ искусственнаго отлива ресурсовъ изъ центра къ окраинамъ, и нигдѣ этотъ фактъ не обнаруживается съ такой поразительной ясностью, какъ въ Маньчжуріи, т. е. преимущественно по случаю постройки Восточной Китайской желѣзной дороги и связанныхъ съ ней крупныхъ сооруженій, какъ новыхъ городовъ и портовъ. „Десятки уже лѣтъ, говоритъ г. П. Берлинъ, давно назрѣвшія нужды сельскохозяйственной жизни Россіи ждутъ своего разрѣшенія, и въ то самое время, когда для удовлетворенія этихъ назрѣвшихъ нуждъ не оказывается свободныхъ средствъ, на Дальнемъ Востокѣ выростаютъ громадные города, прокладывается грандіозная желѣзнодорожная сѣть и устраиваются порты, и все это орошается золотымъ дождемъ, тогда какъ внутри страны, напр., устройство даже скромнаго искусственнаго орошенія полей является непосильнымъ по отсутствію средствъ" *. Тотъ же авторъ справедливо доказываетъ, что слабое развитіе нашей внѣшней торговли фабричными произведеніями не оправдываетъ попытокъ овладѣть новыми рынками, тѣмъ болѣе, что полное присоединеніе Кореи и Маньчжуріи не было бы допущено и державами, наилучше расположенными къ Россіи. Самый выходъ въ Тихій океанъ является безцѣльнымъ, если коммерческія причины не стоятъ здѣсь на первомъ планѣ **.

* „Экономическая Газета", 1904, № 3.
** „Промышленный Міръ", 1904, № 25.

Неоспоримаго факта искусственнаго питанія Маньчжуріи за счетъ русскаго центра, не отрицаетъ даже оффиціозный портъ-артурскій органъ „Новый Край“: „Оглянувшись назадъ, мы должны сознаться, что все шире и шире раздвигаются границы и, напрягая для этой цѣли большую часть производительныхъ силъ народа, мы пока не смогли также быстро двинуть торговлю и промышленность, не смогли еще дать вновь присоединеннымъ областямъ собственныхъ жизненныхъ соковъ. Результатомъ этого явилось искусственное питаніе молодыхъ окраинъ за счетъ центра государства“ *. Газета вполнѣ соглашается, что новый край этотъ „вынужденъ брать нужныя средства отъ центра, ничего пока не давая въ замѣнъ“ **. Изъ средствъ, доставленныхъ центромъ и поглощенныхъ Маньчжуріей (до войны), колоссальную часть (до 600 мил.) составилъ расходъ на сооруженіе Восточной Китайской дороги, и потому совершенно понятна и извинительна та оцѣнка ея, которую сдѣлалъ г. Меркуловъ въ своемъ извѣстномъ докладѣ въ Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ: „Китайская Восточная желѣзная дорога есть патологическій наростъ, истощающій весь государственный организмъ Россіи вообще и восточныя ея окраины въ частности. Радикальное и быстрое удаленіе его, да позволено будетъ намъ такъ выразиться, хирургическимъ путемъ докажетъ лишь

---

* „Новый Край“, № 69.
** „Новый Край“, № 63.

разумное понимание истинно государственныхъ задачъ и интересовъ тѣмъ государственнымъ дѣятелемъ, который произведетъ эту необходимую, по нашему глубочайшему убѣжденію, раціональную операцію".

V.

Малозамѣтное вліяніе прежнихъ войнъ на экономическую жизнь Россіи.—Исключительное значеніе настоящей войны.—Ея вліяніе на земледѣльческое населеніе.—Затруднительное положеніе горнозаводской промышленности.—Промышленный и торговый кризисы. Застой и даже регрессъ въ удовлетвореніи неотложныхъ культурныхъ потребностей вслѣдствіе отлива средствъ на военныя цѣли.—Вліяніе войны на торговый договоръ съ Германіей.—Возможное вліяніе войны на систему денежнаго обращенія въ Россіи.—Крайнія затрудненія при изысканіи новыхъ рессурсовъ для дальнѣйшаго веденія войны.—Необходимыя условія возможности нормальной жизни страны и раціональнаго употребленія ея средствъ.

Какъ въ самомъ началѣ книги мы указали, въ общихъ чертахъ, на политическія конъюнктуры, которыя естественно и неотвратимо привели къ возникновенію войны между Японіей и Россіей, такъ и въ концѣ нашего труда намъ представляется логически необходимымъ отмѣтить ужъ обозначившееся вліяніе войны на экономическую жизнь Россіи, въ виду исключительной важности и современности этого вопроса.

Текущая война представляетъ собою исключительное явленіе по своему глубокому и пагубному вліянію на экономическую жизнь Россіи вслѣдствіе того, что Россія теперь стала совсѣмъ иною, чѣмъ

была прежде. Войны, которыя вела Россія въ XVI и XVII вв., несмотря на ихъ продолжительность, не оказывали рѣзкаго вліянія на народно-хозяйственную жизнь страны, потому что Россія того времени находилась еще въ стадіи натуральнаго хозяйства, совершенно не имѣла промышленности, довольствовалась весьма слабо развитой внутренней торговлей и не имѣла почти никакого понятія объ экспортѣ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Существованіе помѣстной системы почти совершенно избавляло государство отъ какихъ либо серьезныхъ затратъ на веденіе военныхъ дѣйствій. Экономическіе устои русской народной жизни почти не измѣнились и въ XVIII в., почему войны того времени, даже петровскія, оказывали только поверхностное, скоропреходящее вліяніе на народную жизнь. При продолжавшемся господствѣ натуральнаго хозяйства война велась по-прежнему „своими средствами“.

Лишь при Екатеринѣ, для веденія войны съ Турціей, было заключено займовъ всего на 40 мил. руб. Не велики были займы даже для войны съ Наполеономъ (83 мил.) и заграничные восточные займы при Николаѣ I для турецкой, польской, персидской, венгерской кампаній и для расходовъ по замиренію Кавказа (до 120 мил.). Крымская война потребовала всего 100 милліоннаго займа. Даже турецкая война 1877—78 гг. повлекла за собою займовъ въ размѣрѣ до 150 мил. руб. въ нынѣшней валютѣ. Вліяніе войнъ даже XIX в. на народно-хозяйственную жизнь Россіи продолжало оставаться по прежнему малозамѣтнымъ, такъ

какъ она далеко еще не утратила своихъ старинныхъ устоевъ. Но въ послѣднія 25 лѣтъ русскій народно-хозяйственный организмъ совершенно переродился, и не въ силу какихъ либо естественныхъ, неизбѣжныхъ условій и причинъ, а вслѣдствіе преобладавшей системы экономической политики. Безпримѣрно-искусственное развитіе обрабатывающей промышленности, форсированный экспортъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, безпрерывное увеличеніе косвенныхъ налоговъ не сопровождались параллельнымъ ростомъ внутреннихъ творческихъ силъ народа, развитіемъ въ немъ инициативы, образованія и гражданской самодѣятельности. Народныя силы искусственно и односторонне были направлены лишь на выработку матеріальныхъ цѣнностей, причемъ сельскохозяйственные продукты предназначались, главнымъ образомъ, лишь для форсированнаго вывоза за границу. Но, какъ мы уже замѣтили выше, одностороннее развитіе, направленное только на матеріальную сторону, не обѣщаетъ серьезныхъ и длительныхъ результатовъ даже въ смыслѣ своей собственной прочности; поэтому и русскій народно-хозяйственный организмъ оказался, при всей своей искусственной сложности, хрупкимъ и неустойчивымъ при первомъ соприкосновеніи съ суровой дѣйствительностью, не имѣющимъ собственной, внутренней силы сопротивленія. Вотъ почему война такъ скоро и такъ тяжело отразилась на экономической жизни Россіи, и вотъ почему этотъ тревожный вопросъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Вопросъ о вліяніи войны на экономическую

жизнь Россіи имѣетъ громадную важность и въ самомъ близкомъ будущемъ явится, безъ сомнѣнія, предметомъ не только отдѣльныхъ статей, но и цѣлыхъ капитальныхъ сочиненій. Но уже и теперь въ періодической печати сообщено такъ много изолированныхъ фактовъ, что оказывается возможность намѣтить въ общихъ чертахъ вліяніе переживаемыхъ тяжелыхъ мѣсяцевъ на различныя стороны народно-хозяйственной жизни Россіи.

Прежде всего, мобилизація произвела замѣтный отливъ рабочихъ рукъ изъ массы крестьянскихъ семей, которымъ не подъ силу прибѣгать къ помощи наемнаго труда, и, такимъ образомъ, экономическое положеніе этихъ семей должно еще болѣе ухудшиться; такъ, напр., въ одной Харьковской губ. до 36.000 человѣкъ было оторвано отъ земледѣльческаго труда. Особенно тяжело война уже отозвалась на Сибири, гдѣ на военную службу призваны и запасные, часто отцы многочисленныхъ семействъ, самостоятельные хозяева. Крестьянское благосостояніе, уже подорванное въ Сибири цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ неурожаевъ и трудными моментами окончательнаго перехода натуральнаго хозяйства въ денежное, должно теперь окончательно пошатнуться. Вслѣдствіе полнаго недостатка рабочихъ рукъ, неожиданный урожай нынѣшняго года въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ долженъ остаться на поляхъ безъ пользы для населенія. Во многихъ семьяхъ забайкальскихъ казаковъ остались лишь старики и дѣти. „Изъ иныхъ семей ушло по 4—5 сыновей, говоритъ корреспондентъ „Вост. Об.“. На работы у казаковъ руки не поднимают-

ся, и засѣвы были произведены въ минимальномъ количествѣ, а о заготовкѣ земли къ будущему году и говорить нечего. Да и до того ли, когда цвѣтъ и опора каждой семьи находится въ смертельной опасности, когда каждая минута можетъ принести извѣстіе о гибели отца, мужа и сына!..

Въ нашу станицу пришло нѣсколько такихъ извѣстій. Впечатлѣніе получилось самое потрясающее.

Рабочихъ рукъ вовсе нѣтъ. Цѣна на работника въ мѣсяцъ 30 рублей.

Число затребованныхъ на военныя нужды лошадей разлагается на казаковъ, которымъ поставляется въ обязанность къ такому-то числу выставить лошадь на указываемый пунктъ.

Для того, чтобы вести иногда одну лошадь, отрываютъ казаковъ отъ такихъ неотложныхъ дѣлъ, какъ хлѣбопашество, на нѣсколько дней, а оригинальнѣе всего то, что изъ всего количества водимыхъ на показъ лошадей было принято до сихъ поръ только 2—3%.

Такой жалкій результатъ и съ такими жертвами для жителей, и безъ того обремененныхъ послѣдними грозными событіями!“ *.

Въ западной Сибири война породила тѣ же результаты, что и въ восточной. Такъ, напр., въ Акмолинской области, гдѣ зажиточное хозяйство казаковъ и переселенцевъ болѣе устойчиво въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ, напримѣръ, хозяйство средней полосы Россіи, уже начинаютъ ощущаться результаты военныхъ операцій на Дальнемъ Во-

* № 171.

стокѣ. Въ хозяйствѣ осталось мало рабочихъ рукъ и цѣны на нихъ поднялись до небывалой высоты. Рабочій-мужчина получалъ 1 р. 50 к.—1 р. 75 к. въ день, даже женщинамъ во время жатвы платили 1 р.—1 р. 20 к. Въ городахъ ни за какія деньги нельзя найти женской прислуги. Цѣны на хлѣбъ уже теперь начинаютъ повышаться, и сравнительно незавидный урожай текущаго года точно также долженъ оказать свое вліяніе на ихъ повышеніе. Урожай травъ въ началѣ весны и въ теченіе лѣта обѣщалъ быть хорошимъ, но уборка была плохая и сборъ сѣна можно считать ниже средняго. Слабое движеніе товаровъ, временами даже совсѣмъ прекращающееся, повлекло за собою и сокращеніе извознаго промысла, который имѣетъ существенное значеніе и для киргизскаго, и для русскаго населенія области. Въ киргизскомъ и отчасти въ русскомъ хозяйствѣ извозъ, какъ промыселъ, является единственнымъ источникомъ добычи денегъ. Кромѣ извоза, промысловъ нѣтъ; остается только продажа скота и продуктовъ скотоводства. Поэтому сокращеніе транспорта вдвойнѣ неблагопріятно отзовется на положеніи населенія: съ одной стороны, путемъ повышенія цѣнъ на товары, а съ другой—непосредственнымъ уменьшеніемъ заработка.

Изъ 67.310 чел. рабочихъ, занятыхъ на каменноугольныхъ и антрацитовыхъ копяхъ въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ., нижнихъ чиновъ запаса состояло 12.374; на 18-ти доменныхъ и передѣльныхъ заводахъ Екатеринославской губ. и Херсонскаго у. изъ 40.000

рабочихъ подлежатъ призыву какъ запасные нижніе чины 7.805 человѣкъ; на желѣзныхъ рудникахъ Кривороговскаго бассейна изъ 8.589 рабочихъ числится нижнихъ чиновъ запаса 1.122 человѣка. Но этими данными не выражается еще значеніе мобилизаціи, такъ какъ немало рабочихъ солдатъ запаса занято на прочихъ горныхъ промыслахъ и предпріятіяхъ въ уѣздахъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній, подлежащихъ мобилизаціи.

Сокращеніе годовой добычи угля въ донецкихъ копяхъ опредѣляется приблизительно въ 100 мил. пудовъ, если только число рабочихъ не пополнится вслѣдствіе безработицы въ другихъ раіонахъ или отрасляхъ производства. По слухамъ, производство на Уралѣ теперь сократилось на 25%, а золотопромышленность въ Сибири встрѣчаетъ огромное препятствіе въ крайней дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ для рабочихъ, что особенно стало замѣтно въ Приамурьѣ, Забайкальѣ и Якутской области.

Война съ Японіей, неблагопріятно отразившаяся на народномъ хозяйствѣ всего государства, едва ли не сильнѣе другихъ частей его (за исключеніемъ, конечно, сосѣднихъ съ театромъ военныхъ дѣйствій областей Сибири) затронула губерніи Царства Польскаго. Разъигравшійся тамъ нынѣ промышленный кризисъ подготовлялся цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя если и отражались въ другихъ частяхъ государства, то не всѣ вмѣстѣ и не въ столь сильной степени. Въ ряду этихъ факторовъ особенно сильное дѣйствіе оказала общая въ Западной Европѣ заминка въ

металлургическомъ дѣлѣ, вліяніе которой для фабрикъ и заводовъ Царства Польскаго было усугублено сокращеніемъ желѣзнодорожнаго строительства и прекращеніемъ казенныхъ заказовъ, и неурожай нѣсколькихъ лѣтъ сряду, завершившійся прошлогодними наводненіями и засухой въ текущемъ году. На подготовленной такими неблагопріятными вліяніями почвѣ война съ Японіей не могла не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ, понатнувъ всѣ отрасли промышленности и торговли. Кризисъ принялъ угрожающіе размѣры, какъ о томъ свидѣтельствуетъ меморіалъ, представленный начальнику края варшавскимъ Обществомъ содѣйствія промышленности и торговлѣ.

Вслѣдствіе прошлогодняго наводненія, а также по причинѣ общаго экономическаго кризиса, вызваннаго войной, рабочее населеніе Царства Польскаго очутилось въ весьма тяжеломъ положеніи. Улучшенія этого положенія нельзя ожидать въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ продолжительная засуха текущаго года еще болѣе расширяетъ размѣры прошлогодней сельскохозяйственной катастрофы, а экономическія послѣдствія происходящей на Дальнемъ Востокѣ войны съ каждымъ мѣсяцемъ становятся все ощутительнѣе. Еще въ маѣ 210 фабрикъ съ 60.000 рабочихъ сократили тамъ свое производство на 30—50%. Характеризовать теперь же точными цифрами настоящее положеніе невозможно, во-первыхъ, потому, что нельзя добыть никакихъ данныхъ о заработкахъ огромнаго числа рабочихъ, занятыхъ дома или въ мелкихъ мастерскихъ, не подлежащихъ вѣдѣнію фабричной

инспекціи, мелкихъ перекупщиковъ и торговцевъ-покупателей, для которыхъ поставляетъ именно тотъ же классъ поденныхъ рабочихъ, и т. п., и, во-вторыхъ, потому, что это положеніе непрерывно измѣняется къ худшему.

Ограничиваясь въ виду этого категоріей рабочихъ, относительно которыхъ имѣются цифровыя данныя, можно себѣ составить лишь приблизительное представленіе о размѣрахъ бѣдствія. Въ Варшавѣ источникомъ такихъ цифровыхъ данныхъ являются ремесленные цехи. Отъ нихъ на запросъ о безработицѣ получено 40 отвѣтовъ, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ цехахъ число неимѣющихъ работы весьма значительно. Такъ, напримѣръ, у котельщиковъ безъ работы остается 100 чел. изъ общаго числа 240 подмастерьевъ, у пекарей—300 чел.; у щеточниковъ лежитъ масса готоваго товара; у позолотчиковъ болѣе половины общаго числа подмастерьевъ безъ работы, и какъ-разъ въ то время, когда обычно ощущался недостатокъ рабочихъ рукъ; у мебельщиковъ производительность уменьшилась до 50% вслѣдствіе прекращенія вывоза внутрь имперіи; у канатчиковъ—совершенный застой въ работахъ; у бронзовщиковъ изъ 400 чел. безъ работѣ сидятъ 80 чел., а изъ 400 помощниковъ удалены 100 чел. У скорняковъ (400 чел.) безработныхъ 140, и притомъ для трети продолжающихъ работать средній недѣльный заработокъ съ 12-ти руб. понизился до 6—8-ми р. У портныхъ застой въ работахъ очень значительный,—безъ сомнѣнія, нѣсколько сотъ человѣкъ лишены работы. У сапожниковъ положеніе еще болѣе тяжелое; оборотъ

уменьшился до $^3/_4$ въ самый лучшій сезонъ, а число безработныхъ доходитъ до 400 чел.

За послѣдніе годы немалое количество обуви шло изъ Варшавы на Дальній Востокъ; теперь же, пользуясь затрудненіями нашей азіатской торговли, американцы, обратясь къ услугамъ сапожниковъ-переселенцевъ изъ Варшавы, заняли восточно-азіатскій рынокъ, и неизвѣстно, удастся ли варшавянамъ послѣ заключенія мира отвоевать его обратно у опасныхъ конкуррентовъ.

Весьма плохи дѣла цеховыхъ столяровъ, у которыхъ неимѣющихъ работы—300 чел.

Приведенныя цифры даютъ представленіе о положеніи цеховыхъ ремесленниковъ. Число же безработныхъ среди нецеховыхъ еще выше. Такъ, напр., среди столяровъ, по свидѣтельству старшинъ цеха, на 300 безработныхъ цеховыхъ можно смѣло класть 3.000 безработныхъ не-цеховыхъ. Вѣроятно, то же отношеніе существуетъ и въ другихъ отросляхъ ремеслъ, а въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ портновскомъ и сапожномъ, оно еще неблагопріятнѣе.

Для характеристики положенія рабочихъ-евреевъ достаточно указать, что управленіе еврейской общины уже въ теченіе трехъ слишкомъ мѣсяцевъ отпускаетъ ежедневныя вспомоществованія безработнымъ ремесленникамъ этого вѣроисповѣданія, главнымъ образомъ сапожникамъ и портнымъ, по предварительной провѣркѣ имущественнаго положенія каждаго изъ нихъ. Рабочимъ этимъ выдается только хлѣбъ, по 1 фунту на взрослаго и $^1/_2$ фунта на ребенка, и всего выдается 81.000 фунтовъ еже-

недѣльно, потому что на покупку большаго количества не хватаетъ средствъ. Число отцовъ семействъ, недостаточность средствъ которыхъ удостовѣрена, превосходитъ 4.800, а общее число безработныхъ вмѣстѣ съ ихъ семьями превосходятъ 20.000 чел.

Относительно варшавскихъ фабрикъ и заводовъ точныхъ цифръ не имѣется. Извѣстно только, что окружной фабричный инспекторъ опредѣлилъ число уволенныхъ съ фабрикъ рабочихъ по 27-е іюня въ 2.500 человѣкъ.

Положеніе въ другихъ губерніяхъ Царства Польскаго не лучше. Въ Сѣдлецкой закрылись стеклянный заводъ и писчебумажная фабрика. Въ Радомской на желѣзодѣлательныхъ заводахъ сокращено рабочее время. Въ Ломжинской на трехъ заводахъ рабочій день сокращенъ до семи часовъ. Въ Кѣлецкой пріостановлена работа на двухъ стеклянныхъ заводахъ съ 180-ю рабочими и на цементномъ заводѣ съ 92-мя рабочими; рабочимъ стеклянныхъ заводовъ разрѣшено однако продолжать проживать въ заводскихъ квартирахъ. Въ Калишской губ. кустарныя мастерскія, не подлежащія вѣдѣнію фабричной инспекціи, находятся въ очень тяжеломъ положеніи; къ ихъ числу относятся ткацкія мастерскія въ Озорковѣ, Здунской-Волѣ и Александровѣ, получающія чрезъ посредническія конторы заказы отъ большихъ фабрикъ. Въ ткацкихъ мастерскихъ въ маѣ текущаго года было до 30.000 чел. безработныхъ. Портные въ Калишѣ терпятъ крайнюю нужду. Въ Петроковской губ. въ маѣ въ 210 фабричныхъ заведеніяхъ съ 60.000 чел. рабочихъ

было сокращено рабочее время въ среднемъ на 20—30%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—на 50%. Совершенно лишены работы преимущественно рабочіе мелкихъ промышленныхъ заведеній, ремесленныхъ мастерскихъ и работающіе дома. Сюда слѣдуетъ присоединить еще тѣхъ рабочихъ, которые остались безъ работы вслѣдствіе прекращенія ночныхъ работъ въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Фабричныхъ рабочихъ безъ работы въ Петроковской губ. въ текущемъ году было 4.000 чел. Положеніе ихъ весьма тяжело вслѣдствіе дороговизны съѣстныхъ припасовъ (напримѣръ, цѣны на картофель возросли втрое сравнительно съ прошлогодними), а также вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было инженерныхъ и строительныхъ работъ, которыя обыкновенно ведутся лѣтомъ, а въ нынѣшнемъ году совершенно оставлены по причинѣ общаго экономическаго кризиса.

Въ Варшавской губ. на желѣзодѣлательныхъ заводахъ отпущены 418 рабочихъ, въ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ—1.469 чел., на кожевенныхъ заводахъ и фабрикахъ обуви—186 чел. Всего можно считать до 3.000 уволенныхъ рабочихъ: изъ нихъ на окрестности Варшавы приходится 2,200 человѣкъ. 30 большихъ фабрикъ уменьшили рабочій день наполовину или работаютъ только три дня въ недѣлю. Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что со времени полученія приведенныхъ данныхъ (апрѣль—май текущаго года) положеніе еще ухудшилось.

Очевидно, такимъ образомъ, что кризисъ въ Царствѣ Польскомъ охватилъ всѣ отрасли труда—земледѣліе, промышленность и торговлю. Почти

всѣ варшавскіе промышленники и торговцы, по словамъ „Новостей“, жалуются на полный застой въ дѣлахъ. Фабриканты, отпускающіе свои товары по большей части въ кредитъ, боятся теперь совершать какія бы то ни было сдѣлки, такъ какъ почти ежедневно получаютъ протестованные векселя своихъ покупателей. Такое положеніе дѣлъ въ особенности сильно отражается на варшавскомъ пролетаріатѣ. Такъ, варшавскимъ еврейскимъ Обществомъ попеченія о бѣдныхъ зарегистровано за послѣднія нѣсколько недѣль больше 5,000 человѣкъ, находящихся безъ всякихъ средствъ къ существованію. Вслѣдствіе совокупности цѣлаго ряда историческихъ и культурно-бытовыхъ условій Царство Польское, какъ извѣстно, оказывается весьма развитымъ для Россіи промышленнымъ раіономъ, и потому тѣмъ труднѣе тамъ будетъ бороться съ кризисомъ, что мѣстныя общественныя силы края совершенно устранены отъ созидательной работы, и все дѣло устроенія, а также и всю отвѣтственность, должны взять на себя представители мѣстной бюрократіи. Чѣмъ болѣе въ странѣ развивается хотя бы одна внѣшняя, матеріальная культура, тѣмъ очевиднѣе становятся неудобства исключительно бюрократическаго порядка устройства мѣстныхъ дѣлъ и рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ. Промышленный кризисъ охватилъ, очевидно, и Остзейскій край: „Прибал. Край“ сообщаетъ, что вслѣдствіе безработицы въ Митавѣ очень многіе изъ отпущенныхъ фабриками рабочихъ находятся въ совершенно безвыходномъ положеніи. На улицахъ

постоянно видны большія толпы людей, съ утра до вечера ищущихъ работы.

Война оказываетъ свое вліяніе и на коммерческую жизнь страны. Число торговыхъ несостоятельностей увеличивается всюду съ каждымъ днемъ. Не говоря уже о крупныхъ банкротствахъ, замѣчаютъ „Рус. Вѣд.“, опредѣляемыхъ многими сотнями тысячъ или милліонами, какъ конторы Печенкина, Зифа въ Ростовѣ, Распопова въ Вяткѣ или Андреева въ Екатеринбургѣ, замѣчается обиліе несостоятельностей болѣе мелкихъ; послѣднихъ, кажется, больше на западѣ, чѣмъ на востокѣ, что, вѣроятно, объясняется самымъ характеромъ торговли тутъ и тамъ. Такая несостоятельность замѣчается не только въ крупныхъ центрахъ, подобныхъ Ригѣ или Одессѣ; она, по словамъ корреспондентовъ, принимаетъ характеръ „эпидеміи“ даже въ такомъ тихомъ уголкѣ, какъ Житоміръ. Въ Кишиневѣ купцы, ссылаясь на войну и недородъ, собираются, по сообщеніямъ южныхъ газетъ, ходатайствать о „пролонгированіи“ сроковъ векселей (т. е. объ отсрочкѣ сроковъ платежа). Что касается русскаго главнаго осенняго торжища, Нижегородской ярмарки, то хотя она по отношенію къ протестамъ и несостоятельностямъ и прошла сравнительно довольно благополучно, но, какъ кажется, этотъ благополучный исходъ въ значительной степени зависѣлъ отъ большаго числа переписанныхъ векселей.

Переживаемыя экономическія затрудненія выражаются и въ томъ, что теперь за деньги приходится платить болѣе высокій процентъ, чѣмъ раньше.

1-го іюня 1903 года учетный процентъ государственнаго банка для векселей до 3 мѣсяцевъ равнялся $4^1/_2$ и до 6 мѣсяцевъ $5^1/_2$; 1-го же іюня 1904 года по векселямъ перваго рода банкъ беретъ за учетъ $5^1/_2$ и по векселямъ второго рода $6^1/_2$ проц. Точно также война оказала, какъ извѣстно, замѣтное вліяніе на курсъ многихъ изъ русскихъ бумагъ и—что всего важнѣе—на курсъ русской государственной ренты.

Векселя даже солидныхъ предпріятій учитываются съ трудомъ и за большіе проценты.

Изъ активныхъ операцій коммерческихъ банковъ крупное сокращеніе далъ вексельный портфель, который къ концу марта, сравнительно съ концомъ февраля, сократился на 13 милл. руб. Такъ какъ связь съ промышленностью банки поддерживаютъ только при посредствѣ учета векселей, то указанное сокращеніе вексельнаго портфеля свидѣтельствуетъ о томъ, что поддержку промышленности банки должны были въ мартѣ значительно сократить. Впрочемъ, сокращеніе вексельнаго портфеля произошло уже въ февралѣ. Въ теченіе этого мѣсяца вексельный портфель успѣлъ сократиться всего лишь на 1,933 тысячи рублей; слѣдовательно, въ мартѣ процессъ сокращенія вексельнаго портфеля сильно шагнулъ впередъ.

Для поддержанія устойчивости цѣнныхъ бумагъ петербургскимъ банкамъ пришлось усиленно собирать ихъ у себя, хотя бы это грозило ихъ собственной устойчивости и окончательно парализовало и безъ того слабую ихъ способность оказы-

вать поддержку промышленности путемъ расширенія вексельнаго портфеля.

Какъ страна, очень бѣдная капиталами, Россія всегда удѣляла лишь весьма малую часть своихъ рессурсовъ на удовлетвореніе культурныхъ потребностей, а война еще болѣе сократила эти ассигнованія. Не говоря уже о томъ, что земства и города должны были сдѣлать значительныя единовременныя пожертвованія на нужды войны, они обязаны были принять на себя помощь семействамъ лицъ, отправленныхъ въ Маньчжурію. Харьковское земство должно затрачивать на этотъ предметъ 224,000 р. ежемѣсячно. Для иллюстраціи расходовъ на нужды войны приведемъ, напримѣръ, вѣдомость московской городской управы по 30 сентября: изъ ассигнованныхъ 1.319,011 р. израсходовано всего 719,736 р. и предстоитъ израсходовать 599,275 р. Въ частности на снаряженіе и содержаніе перваго городскаго санитарнаго отряда на 225 кроватей изъ ассигнованныхъ 461 тыс. руб. израсходовано 309 тыс. руб.; на содержаніе именныхъ коекъ затрачена вся ассигнованная сумма — 56,364 руб.; на снаряженіе и содержаніе пловучаго госпиталя на 400 коекъ израсходовано 82 тыс. руб. изъ ассигнованныхъ 100 тыс. руб.; на снаряженіе и содержаніе двухъ летучихъ лазаретовъ московскаго Купеческаго клуба затрачено 51,752 р. изъ ассигнованныхъ 53,340 р.; на организацію гужевой перевозки— 41,132 р. изъ ассигнованныхъ 53,340 р.; на заготовку бѣлья въ центральномъ городскомъ складѣ— 107,100 р. изъ ассигнованныхъ 143 тыс. руб.; на перевязочные матеріалы и медикаменты—39,778 р.

изъ ассигнованныхъ 60,750 р.; на пріобрѣтеніе теплой одежды израсходовано 32,251 р. изъ ассигнованныхъ 52,850 р., на изготовленіе обуви—21,948 р. изъ ассигнованныхъ 22,928 р. и пр.

Эти расходы, вызванные войной, отразятся не только на внѣшнемъ благоустройствѣ Москвы, но и на столь насущномъ для нея вопросѣ, какъ школьный. Въ Уфимскомъ уѣздѣ съ 1 іюня, съ момента мобилизаціи нижнихъ чиновъ запаса арміи въ Уфимскомъ уѣздѣ, уѣзднымъ земствомъ израсходовано по 15-е сентября на пособіе семьямъ запасныхъ 52 тыс. руб. Пользуются пособіями 4,585 семействъ, получая на каждаго члена семьи по 1 р. 20 к.

Очередное новосильское земское собраніе признало нужнымъ назначить для обезпеченія семействъ воиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, въ 1905 году 12,044 руб., установивъ для покрытія этой суммы особый временный сборъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ предоставленія уѣзду для этой надобности особыхъ средствъ сборъ взимаемъ не былъ и чтобы счетоводство по полученнымъ отъ этого сбора суммамъ велось отдѣльно отъ прочихъ земскихъ средствъ и на него разсылались особые окладные листы. Изыскивая затѣмъ средства для покрытія пожертвованной уѣзднымъ земствомъ на усиленіе флота суммы 3,333 руб., собраніе рѣшило установить для сего на 1905 годъ особый сборъ, разославъ для этого тоже отдѣльные окладные листы.

Затрачивая свои скудныя средства на нужды войны, города и земства теряютъ въ то же время

и тѣхъ изъ своихъ служащихъ, на которыхъ лежитъ осуществленіе культурныхъ задачъ земской и городской дѣятельности, въ томъ числѣ и такихъ необходимыхъ работниковъ, какъ врачи.

Изъ Самарской губерніи, напримѣръ, призваны въ дѣйствующія войска земскіе врачи слѣдующихъ уѣздовъ: Самарскаго—3, Бугульминскаго и Бугурусланскаго—2, Ставропольскаго, Бузулукскаго и Новоузенскаго—по одному; кромѣ того изъ послѣдняго уѣзда земствомъ отправлены два врача съ отрядами курскаго земства и Краснаго Креста. Изъ земскихъ врачей Харьковской губерніи ушли на войну 23; изъ нихъ 18 призваны въ армію, какъ состоявшіе въ запасѣ, и 5 отправились съ земскими отрядами. Фельдшеровъ призвано изъ всей губерніи болѣе 90.

Не смотря на оффиціально признанную рѣшительную необходимость всякихъ мѣропріятій для подъема сельскаго хозяйства страны, бюджетъ самого министерства земледѣлія сократился на 3.114.801 р. Сокращеніе произошло по столь важнымъ пунктамъ, какъ выдача ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, устройство новыхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, осушительныя, оросительныя и лѣсокультурныя работы.

Военныя затрудненія совпали для Россіи съ временемъ заключенія новаго торговаго договора съ Германіей. Разсуждая теоретически, переживаемыя Россіей затрудненія непремѣнно должны отразиться очень неблагопріятно, даже разорительно, для ея народнаго хозяйства при заключеніи русско-германскаго торговаго договора. Россія должна была

сдѣлать значительныя уступки въ пользу Германіи (или, вѣрнѣе, въ пользу ея аграріевъ), такъ какъ русская экономическая политика обращена на форсированіе вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, заставляя, такимъ образомъ, русскаго мужика, бѣднаго и невѣжественнаго, считаться съ огромными и сложными требованіями міровового хозяйства. Такъ какъ, вслѣдствіе военныхъ затрудненій для Россіи, въ ея экономическія отношенія съ Германіей примѣшалась и чисто-политическая конъюнктура, то положеніе первой оказалось далеко менѣе выгоднымъ и удобнымъ. Дѣйствительно, какъ справедливо говоритъ кн. Мещерскій, „Германія можетъ сказать: мнѣ Россія въ данную минуту не нужна, но я могу быть нужна Россіи, и этого достаточно, чтобы степень помощи Германіи для Россіи ставить въ зависимость отъ уступчивости Россіи на почвѣ торговаго договора. Въ этомъ весь вопросъ“ *. Вопросъ объ изысканіи средствъ на веденіе войны является чрезвычайно сложнымъ и труднымъ. По вычисленію г. Берлина, содержаніе каждаго солдата въ Маньчжуріи стоитъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 р. въ день, а арміи, если ея размѣры доведены хотя до 400.000 человѣкъ,—minimum отъ 700—800 милліоновъ въ годъ; если же прибавить расходы на пріобрѣтеніе оружія, снарядовъ, судовъ, угля и пр., то общій расходъ выразится огромной суммой въ одинъ милліардъ рублей. Обращаясь къ рессурсамъ на веденіе войны, г. Берлинъ указываетъ на 116 мил. свободной наличности и 300 мил.,

---

* „Гражданинъ“, 9 мая 1904.

полученныхъ путемъ внѣшняго займа. Конечно, на основаніи закона 29 августа 1897 г., существуетъ теоретическая возможность выпуска кредитныхъ билетовъ на 141 мил. руб.: допустимо превышеніе золотого запаса въ 841,4 мил. руб. на 300 мил. при количествѣ кредитныхъ билетовъ въ 700 мил. Но это вызвало бы тяжелыя финансовыя затрудненія внутри страны и паденіе курса русскихъ бумагъ, денежная русская система потеряла бы возможность „дальнѣйшими гибкими расширеніями парализовать опустошительное дѣйствіе денежныхъ затрудненій“. Тогда возродилось бы бумажно-денежное обращеніе, размѣнъ прекратился бы, и сама золотая валюта подверглась бы серьезной опасности. Война вызвала замѣтный отливъ золота за границу вслѣдствіе огромныхъ заказовъ тамъ оружія, консервовъ, снарядовъ. Въ самомъ началѣ войны нѣкоторые пытались утверждать, что значительная часть суммъ, израсходованныхъ на войну, останется въ русскихъ предѣлахъ, серьезно считая Маньчжурію „Желтороссіей“; но на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что русское золото черезъ Маньчжурію уходитъ безвозвратно изъ Россіи, а кредитные билеты вернутся обратно для размѣна на золото. Маньчжурія была всегда и осталась страной чуждой и враждебной. Наконецъ, притокъ русскихъ фондовъ изъ-за границы усилился съ войной, какъ и одновременный отливъ помѣщенныхъ въ Россіи суммъ краткосрочнаго кредита. Отвлеченіе огромной массы перевозочныхъ средствъ неминуемо должно замедлить, а, быть можетъ, и сократить экспортъ изъ Россіи громоздкихъ сель-

ско-хозяйственныхъ продуктовъ, что должно, въ свою очередь, отразиться на пониженіи прихода не по однѣмъ только желѣзнымъ дорогамъ. Самое сокращеніе расходовъ на 134 мил. руб. должно вызвать извѣстное сокращеніе прихода, особенно въ томъ, что такъ или иначе связано съ желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Возвышеніе косвенныхъ налоговъ, это старинное, испытанное средство для извлеченія рессурсовъ изъ населенія, въ настоящемъ случаѣ уже не можетъ сослужить свою службу вслѣдствіе полнаго экономическаго истощенія русскаго народа. Колоссальная недоимочность служитъ однимъ изъ яркихъ доказательствъ этого безспорнаго факта. Если, по компетентному мнѣнію нѣмецкаго экономиста Гофмана, наростаніе недоимокъ на 2—3% уже является тревожнымъ финансовымъ симптомомъ, то что нужно сказать о недоимкахъ въ Россіи, гдѣ онѣ въ періодъ времени съ 1885—1896 гг. поднялись съ 50 мил. до 142½ мил. руб., хотя въ 1885 г. ихъ и было сложено на 8 милліоновъ? Въ Нижегородской губ., напр., недоимки доходятъ до 306%, а въ Орловской даже до 491%... Покупательная способность крестьянской массы и вообще экономически низшихъ общественныхъ слоевъ въ Россіи напряжена уже до послѣдней степени, и даже въ среднихъ общественныхъ кругахъ замѣчается невозможность дальнѣйшаго форсированія покупательной силы; такимъ образомъ, если въ связи съ войной, послѣдовало бы дальнѣйшее возвышеніе косвенныхъ налоговъ, то это неминуемо отразилось бы на сокращеніи потребленія, почему и суммы

ожидаемыхъ поступленій не только не увеличились бы, но даже сократились бы.

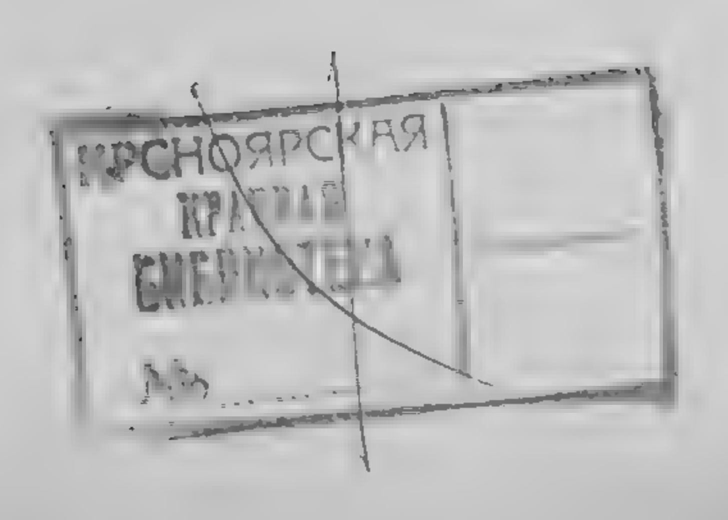
Девять мѣсяцевъ войны уже раскрыли всю глубину бѣдствій, порожденныхъ ею: нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ погибло въ самомъ производительномъ періодѣ ихъ жизни, двѣ—три сотни тысячъ семействъ, т. е. болѣе милліона человѣкъ, лишились существенной поддержки въ лицѣ оторванныхъ рабочихъ силъ, разразившійся промышленный кризисъ поставилъ въ безвыходное положеніе, конечно, не одну сотню тысячъ человѣкъ, сотни милліоновъ рублей затрачены на военныя цѣли, между тѣмъ какъ самыя элементарныя культурныя задачи оставляются безъ разрѣшенія, и страна регрессируетъ въ своемъ духовномъ и матеріальномъ развитіи... Война какъ нельзя лучше показала крайне легкую уязвимость и чрезвычайную неустойчивость русскаго народно-хозяйственнаго организма. Исключительная роль бюрократіи въ русской государственной жизни, далеко выходящая за естественные предѣлы, исключительное ея вліяніе на экономическую политику страны въ концѣ концовъ оказались важнѣйшей причиной общаго упадка жизни въ Россіи, что̀, въ заключеніе, выразилось и въ крайнемъ упадкѣ ея матеріальнаго благосостоянія. Бюрократія, въ дѣйствительности, не заинтересована въ правильномъ прогрессивномъ ходѣ народнаго хозяйства, пользуясь притомъ своей безконтрольностью: при крайнемъ недовѣріи къ всѣмъ проявленіямъ народной жизни, строго не регламентированнымъ ею, она, въ созданной ею атмосферѣ крайняго разобщенія, опу-

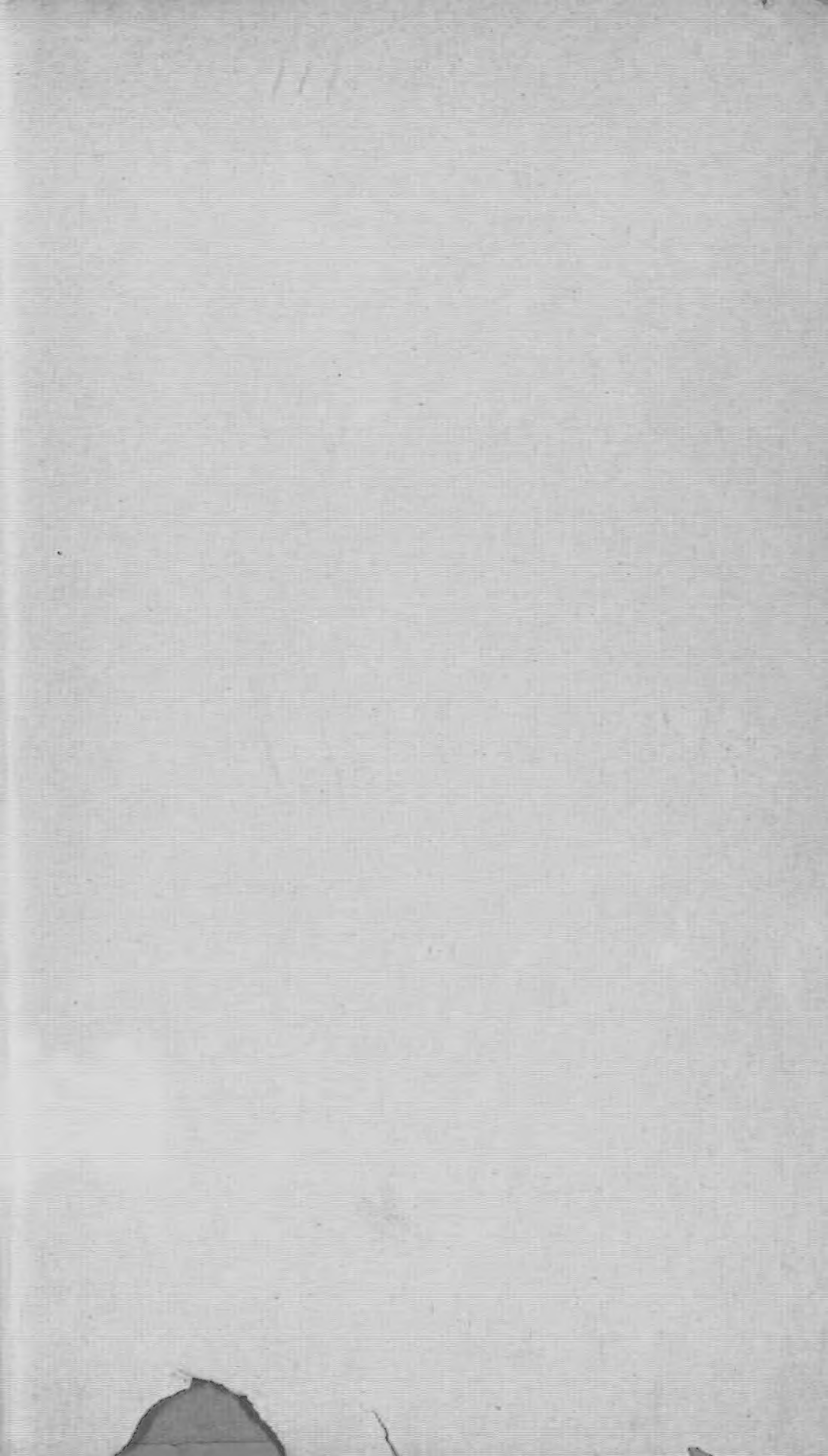
тала народную жизнь густой сѣтью всеохватывающей опеки и старалась сдѣлать все общество лишь пассивнымъ объектомъ своихъ мѣропріятій, хотя, на самомъ дѣлѣ, уже и не могла разбираться во все болѣе и болѣе осложнявшихся вопросахъ народной жизни. Между тѣмъ русская общественная мысль уже пережила періодъ младенчества, имѣла возможность наблюдать факты окружающей жизни, сумѣла оріентироваться въ нихъ, вполнѣ поняла безотрадность настоящаго и намѣтила пути и средства для его улучшенія. Постановленія сельско-хозяйственныхъ уѣздныхъ комитетовъ служатъ яркимъ доказательствомъ достаточно созрѣвшаго и просвѣтленнаго общественнаго мнѣнія въ Россіи на всемъ ея огромномъ протяженіи. Въ началѣ своей книги мы привели формулированныя комитетами указанія на препятствія общественно-правового характера, устраненіе которыхъ болѣе бы способствовало подъему благосостоянія крестьянской массы, чѣмъ оккупація чужихъ и отдаленныхъ странъ для введенія тамъ экстенсивнаго хозяйства; теперь, въ самомъ концѣ своего труда, мы считаемъ необходимымъ суммировать тѣ положенія комитетовъ, какъ отраженіе созрѣвшаго общественнаго мнѣнія, которыя даютъ понятіе о путяхъ и средствахъ дальнѣйшей творческой работы для подъема русской жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Постановленія комитетовъ, въ общемъ, формулируютъ то общественное право, которое въ ближайшемъ будущемъ должно стать положительной нормой. Указавъ на рознь чисто политическихъ интересовъ бюрократіи и культурно-общественныхъ

стремленій народныхъ массъ, на отсутствіе мѣръ, гарантирующихъ единство общей правительственной политики и мѣстныхъ интересовъ, на отсутствіе путей у народа доводить свои нужды до высшей власти и средствъ для ихъ формулировки, отчего проистекаетъ разобщенность между законодательствомъ и дѣйствительными народными нуждами,—комитеты пришли къ заключенію о неудовлетворительности одного только приглашенія „свѣдущихъ людей“ съ совѣщательнымъ характеромъ для ознакомленія центральной власти съ мѣстными нуждами, о положительной необходимости организованнаго привлеченія народа къ законодательной работѣ и о предоставленіи общественному мнѣнію положительной творческой силы. Конечно, все это должно сопровождаться извѣстными незыблемыми гарантіями въ формѣ положительнаго закона.

Въ настоящее время до очевидности ясно, что отсталость Россіи отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлалась для нея причиной экономическаго гнета со стороны послѣдней, стала источникомъ моральныхъ униженій, словомъ, сдѣлалась истинной и грозной національной опасностью. Для борьбы съ этой отсталостью, и прежде всего для культурнаго подъема народныхъ массъ, и должны быть мобилизированы всѣ живыя, творческія силы націи; на это преимущественно и главнымъ образомъ и должны употребляться средства, собираемыя съ народа, а не на грандіозныя, стоящія милліарды предпріятія, мотивы которыхъ представляются вполнѣ загадочными, а цѣли неясными и сомнительными, такъ какъ объектомъ этихъ пред-

пріятій является оккупація отдаленныхъ чужихъ территорій, не имѣющихъ ничего общаго съ народно-хозяйственной жизнью страны... Предоставленное въ Европѣ народу организованное право контроля надъ употребленіемъ собираемыхъ съ него средствъ не только является лучшей гарантіей бережливаго и дѣйствительно полезнаго ихъ расходованія, но и препятствіемъ для осуществленія сомнительныхъ предпріятій, по крайней мѣрѣ, въ слишкомъ широкомъ, разорительномъ и пагубномъ для страны масштабѣ...

Цѣна 1 рубль.

ИЗДАНІЕ Е. Д. КУСКОВОЙ.

